

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

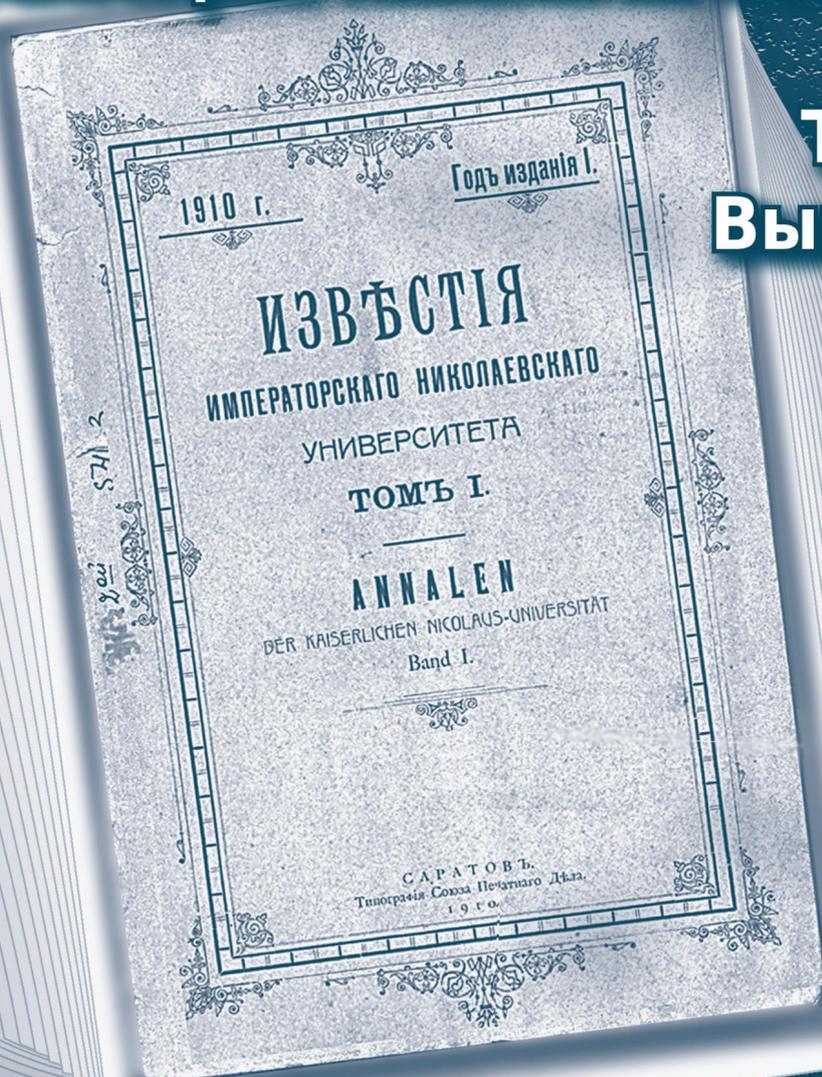
Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2024

Том 24

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

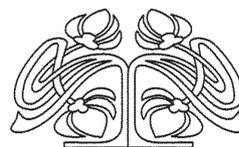
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Архипова Ю. В., Стеклова И. В. Аксиологический аспект воли в научном познании 244

Богатов М. А., Павлова Д. А. Проблема дара: теологический и онтологический контексты современной мысли 249

Воробьева А. Д. «Экономика желаний» и «экономика дара»: сравнительный анализ 255

Вязинкин А. Ю. Теоретики русского народничества о проблеме нравственной автономии личности 260

Голик М. Н. Преодоление последствий глобализации на примере взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в информационной сфере 264

Гришечкина Н. В., Суслов И. В. Реидеологизация российского общества: основные тезисы философской позиции 269

Ерохин В. С. К вопросу о понятии национальной идентичности 274

Крайнов А. Л. Индустрия 5.0 как торжество постгуманизма: от Homo Sapiens к Homo Digitalis 279

Михель Д. В. Антиколониальная революция и социальная роль философии 284

Мозжилин С. И. Совесть и историческая память в контексте российской культуры 289

Сулимин А. Н. Социально-политическая стабильность и порядок: соотношение понятий и феноменов 295

Шаткин М. А. Проблема ценности в цифровом обществе роевого интеллекта 300

Психология

Исмаилов И. М. Социальная и личностная неопределенность как факторы социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую организацию 305

Енин В. В. Карьерная ориентация «профессиональная компетентность» как фактор успешного освоения роли врача студентами медицинских специальностей 310

Орлова М. М. Субъективное восприятие социальной поддержки в ситуации язвенной болезни 316

Рягузова Е. В. Доброта и сострадание в оптике новой психологической нормальности 321

Педагогика

Аль-Муршеди Ахмед Вахид Хамза. Особенности формирования профессиональных компетенций у будущих художников-графиков 327

Vakina E. A. Genesis of the problem of digital communicative competence formation in a blended learning format in the period from 1950 to 1990 332

[Бакина Е. А.] Генезис проблемы формирования цифровой коммуникативной компетенции в смешанном формате обучения в период с 1950 по 1990 год] 332

Баландин А. А. Некоторые аспекты педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних в условиях учебно-воспитательного процесса колледжа 337

Voronina E. S. Implementation of mobile-assisted language learning in the educational process **[Воронина Е. С.]** Внедрение мобильных средств обучения иностранным языкам в учебный процесс] 343

Королева И. А. Проблемы подготовки педагогических кадров в предметной области «Искусство» в свете реализации 348

Концепции художественного образования в Российской Федерации **Рогачева О. В.** Условия эффективной педагогической поддержки обучающихся в процессе их самоопределения в ситуациях активного и интерактивного обучения 353

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014.

Подписку на печатные издания можно

оформить в интернет-каталоге

ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Электронная версия находится

в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.09.2024.

Подписано в свет 30.09.2024.

Выход в свет 30.09.2024.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,72 (14,75).

Тираж 100 экз. Заказ 103-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Arkhipova Yu. V., Steklova I. V.** Axiological aspect of will in scientific knowledge 244
- Bogatov M. A., Pavlova D. A.** The problem of the gift: Theological and ontological contexts of modern thought 249
- Vorobeva A. D.** "Economy of Desires" and "Gift economy": Comparative analysis 255
- Viazinkin A. Yu.** Theorists of Russian populism on the problem of moral autonomy of the individual 260
- Golik M. N.** Overcoming the consequences of globalization on the example of the interaction of the state and the Russian Orthodox Church in the information sphere 264
- Grishechkina N. V., Suslov I. V.** Reideologization of Russian society: The main theses of the philosophical position 269
- Erokhin V. S.** To the issue of the concept of national identity 274
- Kraynov A. L.** Industry 5.0 as a triumph of posthumanism: From Homo Sapiens to Homo Digitalis 279
- Mikhel D. V.** Anticolonial revolution and the social mission of philosophy 284
- Mozhilin S. I.** Conscience and historical memory in the context of Russian culture 289
- Sulimin A. N.** Socio-political stability and order: Correlation of concepts and phenomena 295
- Shatkin M. A.** The problem of value in the digital society of swarm intelligence 300

Psychology

- Ismailov I. M.** Social uncertainty as a predictor of an individual's socio-psychological resistance to involvement in a terrorist organization 305
- Enin V. V.** Career orientation "professional competence" as a factor in the successful mastery of the role of a doctor by medical students 310
- Orlova M. M.** Subjective perception of social support in a peptic ulcer situation of ulcer disease 316
- Ryaguzova E. V.** Kindness and compassion in the optics of a new psychological normal 321

Pedagogy

- Al-Murshedi Ahmed Wahid Hamzah.** Features of the professional competencies formation of future graphic artists 327
- Bakina E. A.** Genesis of the problem of digital communicative competence formation in a blended learning format in the period from 1950 to 1990 332
- Balandin A. A.** Some aspects of pedagogical prevention of juvenile delinquency in the college educational process 337
- Voronina E. S.** Implementation of mobile-assisted language learning in the educational process 343
- Koroleva I. A.** Problems of teacher training in the subject area "Art" in the light of the implementation of the Concept of art education in the Russian Federation 348
- Rogacheva O. V.** Conditions of effective pedagogical support of students in the process of their self-determination in situations of active and interactive learning 353

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Артамонов Денис Сергеевич, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY"**

Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

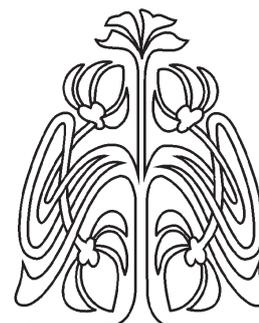
Deputy Editor-in-Chief – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Denis S. Artamonov (Saratov, Russia)

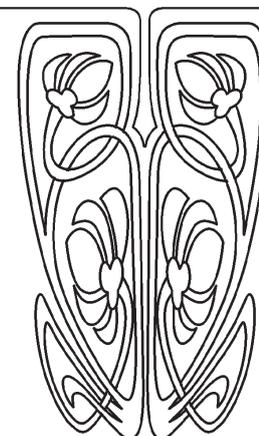
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

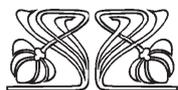
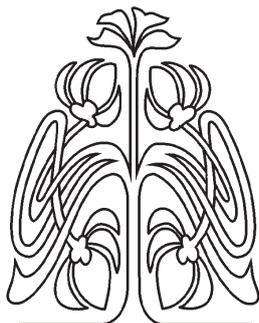
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 244–248

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 244–248

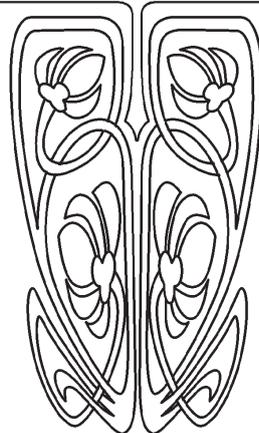
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-244-248>

EDN: BIAIQX

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК [001:1]+141.319.8

Аксиологический аспект воли в научном познании

Ю. В. Архипова, И. В. Стеклова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Архипова Юлия Валерьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия, социология, культурология», archipowa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6512-378X>

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология, культурология», irinasteklowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Аннотация. Введение. В статье представлен аксиологический аспект воли как феномена регуляции человеком своего поведения и научной деятельности, в частности. Исследование механизмов волевых решений в научном познании необходимо, прежде всего, потому, что воля отвечает за формирование целей и осуществление усилий для их реализации. Цель философского исследования – выявление онтологических источников феномена воли и их аксиологический анализ в научной деятельности, приводящей к креативным суждениям. **Теоретический анализ.** Аксиологический подход позволяет исследовать возможности разума в противовес импульсивным желаниям, в условиях принятия волевых решений как в науке, так и других формах познания. Онтологическим основанием воли служит наличие преграды, преодоление которой становится выполнением цели. В научной деятельности воля препятствует проявлению эмоционального возбуждения, выступая детерминантой научно-исследовательской деятельности. Аксиологический анализ воли как ценности и источника положительных эмоций демонстрирует достижение цели путем удовлетворения потребности преодоления препятствия, имеющего корреляцию с категорией сингулярности. **Заключение.** Ценностный анализ феномена воли показывает возможности человеческого мышления для наиболее продуктивной научной деятельности, выражающиеся в сочетании оптимального уровня эмоционального напряжения и сильной воли.

Ключевые слова: воля, наука, онтология, препятствие, рациональность, сингулярность, сознание, творчество, ценности

Для цитирования: Архипова Ю. В., Стеклова И. В. Аксиологический аспект воли в научном познании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 244–248. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-244-248>, EDN: BIAIQX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Axiological aspect of will in scientific knowledge

Yu. V. Arkhipova, I. V. Steklova ✉

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Yuliya V. Arkhipova, archipowa@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6512-378X>

Irina V. Steklova, irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Abstract. Introduction. The article presents the axiological aspect of will as a phenomenon of a person's regulation of his behavior and scientific activity, in particular. The study of the mechanisms of volitional decisions in scientific knowledge is necessary, first of all, because the will is responsible for the formation of goals and the implementation of efforts to realize them. The purpose of philosophical research is to identify the ontological sources of the phenomenon of will and their axiological analysis in scientific activity leading to creative judgments. **Theoretical analysis.** The axiological approach allows us to explore the possibilities of the mind, as opposed to impulsive desires, in conditions of making volitional decisions both in science and other forms of knowledge. The ontological basis of will is the presence of an obstacle, overcoming which becomes the fulfillment of a goal. In scientific activity, the will prevents the manifestation of emotional excitement, acting as a determinant of scientific research activity. An axiological analysis of will as a value and a source of positive emotions demonstrates the achievement of a goal by satisfying the need to overcome an obstacle that has a correlation with the category of singularity. **Conclusion.** A value analysis of the phenomenon of will shows the possibilities of human thinking for the most productive scientific activity, expressed in a combination of the optimal level of emotional stress and strong will.

Keywords: will, science, ontology, obstacle, rationality, singularity, consciousness, creativity, values

For citation: Arkhipova Yu. V., Steklova I. V. Axiological aspect of will in scientific knowledge. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 244–248 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-244-248>, EDN: BIAIQX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Воля как сознательное регулирование научной деятельности связано с преодолением препятствий. Ценностный аспект воли необходим в связи с тем, что устранение преград требует волевых усилий, когда актуализируются интеллектуальные ресурсы ученых, а также их аксиосфера, которые можно рассматривать как ценности, демонстрирующие корреляцию познавательных отношений в научно-исследовательской деятельности.

Постановка цели – первый шаг в осуществлении любого научного проекта. Истоки цели пребывают за пределами данного феномена и входят в систему ценностей. Еще древние греки обратили внимание на место онтологических начал и ценностей в области познавательных процедур. При этом центральное место при анализе отводилось такой ценности, как Истина, потому что ее достижение служит целью в познании действительности и связано с мотивацией исследователя. Таким образом, стремление к достижению цели требует часто волевых усилий. Аристотель интерпретирует свободу воли как самоопределение разума, выступающего источником причинности, которая отличается от природной необходимости [1, с. 215]. В связи с тем, что самоопределение является существенной характеристикой воли, главными принципами во-

левого поведения выступают надситуативность и произвольность. Непроизвольное действие совершается при недостаточно осознаваемых побуждениях, не характерных для научно-исследовательской деятельности, а для произвольных действий характерно осознание цели. И. Кант разграничивает познавательное и ценностное. Он считает, что познавательная активность возможна только тогда, когда в структуру действия входит должное. Последовательность умозаключений теоретического разума, с точки зрения философа, такова: от созерцания и чувств к понятию и основоположению. Практический же разум, включающий в себя ценностные системы, опирается на другую методологию – «от общего в большой посылке (от морального принципа) через предпринятое в меньшей посылке подведение возможных поступков (как добрых или злых) под это общее идти к заключению, а именно к субъективному определению воли» [2, с. 199]. И. Кант ставит вопрос о воле как порождающей причине человеческих поступков. Он утверждает, что «воля – это способность или создавать предметы, соответствующие представлениям, или определять самое себя для произведения их (безразлично, будет ли для этого достаточно физическая способность или нет), то есть свою причинность» [2, с. 133]. Воля выступает в данном случае в качестве целеполагающего отношения. С точки зрения А. Шопенгауэра, «воля лежит

вне области закона мотивации, только проявление воли в каждый момент времени неизбежно определяется этим законом» [3, с. 193]. Данный феномен, в частности, исследовали А. Бергсон, Г. Зиммель, В. Дильтей, Г. Гегель, К. Лоренц, Ф. Шеллинг. Аксиологический аспект воли представлен, например, в работах Н. Бердяева, В. Соловьева, Э. Канетти, Г. Риккерта.

В истории философии воля рассматривается с разных позиций: как рациональная сущность человека или как иррациональная основа жизни. Но, так или иначе, все философы подчеркивают, что воля – это активность человека в познавательных или иных жизненных процессах. Волевой акт всегда начинается с побуждения, действия. Воля активизирует наше стремление, рождает цель и мотивацию ее достижения. Именно она дает установку на реализацию деятельности и на уверенность в достижении поставленной цели. Таким образом, воля – это осознанное, целенаправленное действие, с помощью которого человек планомерно достигает обозначенной цели. При этом он корректирует окружающую действительность для осуществления своего замысла. В научном познании воля играет ключевую роль, поскольку именно она оказывается той движущей активной силой, которая позволяет сделать переход от гипотезы к доказательству, от теории к практике. Очевидна необходимость исследования воли как ценности и ее специфики в научном познании. Таким образом, воля в науке – это сознательное регулирование ученым своей деятельности, имеющей отношение к феномену сингулярности и связанной с преодолением препятствия, которое можно считать онтологическим основанием, требующим аксиологического анализа.

Теоретический анализ

В результате научно-исследовательской деятельности появляется новое знание. Динамику его формирования можно представить в виде ряда ситуаций, контролируемых сознанием и воспроизводимых с помощью воли ученого. В рамках научной рациональности существенным становится структура пространства, в котором формируется знание, а не его содержание. Научная рациональность как элемент структуры науки, возникающий под влиянием культурных и социальных условий, предполагает наличие проявления волевых усилий, что осложняет анализ самой научной рациональности. Однако совершенно очевидно, что научная деятельность

осуществляется в рамках познавательных традиций, и ученые учитывают знания и ценности, накопленные человечеством. Именно поэтому в философских трудах появляется понятие «ценность науки», которое впервые было исследовано Р. Мертоном, считающимся классиком структурного функционализма. Он сформулировал основы анализа науки как института, которому присущи ценностно-нормативные регулятивы. С его точки зрения, функциональный смысл выявленных им императивов в научной деятельности (коллективизм, универсализм, организованный скептицизм, бескорыстие) ставит исследователя перед набором альтернатив, одной из которых является необходимость прилагать максимальное усилие в определении степени изученности проблемы, но одновременно не забывать, что эрудиция может тормозить творчество. Р. Мертон акцентирует внимание на том, что мышление основано на экзистенциальном базисе, поскольку «тот или иной из его аспектов можно вывести из внекогнитивных факторов» [4, с. 657].

Значимость научной рациональности заключается в положении, согласно которому в основе теоретического и эмпирического утверждения должна находиться общепринятая структура мышления, допускающая коммуникационность как свойство сознания, связанная с установлением разнообразных линий связи в огромном пространстве информации. Н. Луман обращает внимание на тенденцию определять рациональность как рациональность действий. Он же считает возможной другую дефиницию, представляющую рациональность иным образом, где данная категория, являясь результатом действий, выступает хранилищем цели и средств «и эта область привносится в мир, который в целом не вписывается в рациональный расчет и реагирует неожиданным образом» [5, с. 196].

Иррациональность волевых усилий подтверждает их связь с механизмами творчества. Традиционно принято делить волю на простые действия, где познающий субъект с малыми усилиями приближается к реализации проекта, и сложную волевою активность, когда перед принятием решения формируется иерархический процесс, соотносящийся с креативной деятельностью и даже повторяющий некоторые этапы творческого процесса, например, такие, которые касаются постановки цели и ее осознания, мгновенного нахождения выхода из сложившейся познавательной ситуации, преодоления различных помех. При этом волевое усилие присутствует на

всех ступенях к достижению цели. Совершенно очевидна связь воли с ценностной ориентацией. Если сопоставить этапы волевого акта и этапы выражения интуиции, являющейся движущей силой творческого процесса, который выступает неотъемлемой составной частью научной деятельности, то можно обнаружить общие фазы. В результате по аналогии с креативным процессом можно сделать вывод, согласно которому при осуществлении волевого акта задействованы как рациональные познавательные операции, так и иррациональные способности, проявляющиеся вне правил логики. С одной стороны, воля может быть понята как рациональная деятельность, как способность ученого, сознательно регулирующего свою работу, от которой он может даже отказаться или прервать научные исследования на определенное время. С другой стороны, категория воли коррелирует с понятием свободы выбора, так как ученый рефлексирует, стремится понять себя, опирается на свою собственную ценностную систему, с помощью воображения моделирует возможные последствия своего действия.

Препятствие при осуществлении волевого акта можно сравнить с научной проблемой. Препятствие – это помеха, которая задерживает какое-нибудь действие, останавливает его развитие. В научном пространстве имеется своя преграда, задерживающая исследовательский процесс. Это проблема одновременно выступает и формой научного знания. Научная проблема демонстрирует противоречивую ситуацию, наличие взаимоисключающих позиций в научно-исследовательской деятельности, а разрешение ее приводит к созданию чего-либо нового. Таким образом, препятствие и проблему можно рассматривать как сингулярную точку, из которой рождается нечто новое. Проблему можно понимать как ситуацию, исходя из которой понятно, что надо получить, однако совершенно неясно, как это сделать. В античной философии понятие бытия связано с понятием «совершенство», с принципом неделимого, предела, единого. Форма и определенность – это условие познаваемости сущего. Безграничное и беспредельное же понимается как небытие, хаос и несовершенство. Понятия «сингулярность» и «препятствие» соотносятся постольку, поскольку преодоление границы и преграды показывает, как рождается новое знание. В сингулярной точке усилием воли человека определяется вектор развития события. Сингулярность и препятствие, рассматриваемые как ценности с реляционной точки

зрения, демонстрируют детерминацию научного процесса. Сингулярный эффект как преодоление препятствия, как преддверие события имеет фундаментальный и всеобщий статус и характеризует уровни в структуре бытия, т. е. имеет статус философской категории [6, с. 88]. Представления о сингулярностях можно рассматривать в качестве аналога онтологического начала трансцендентального учения, а препятствие как онтологическое основание воли. По Аристотелю «сущее и единое – одно и то же, и природа у них одна, поскольку они сопутствуют друг другу так, как начало и причина...» [7, с. 120]. Таким образом, сущность – это причина и начало; именно в ней необходимо искать источник или начало связи причины со следствием в научной деятельности. И это относится не только к мышлению, но и к природе, и к искусству. Именно поэтому препятствие при осуществлении волевого акта можно считать онтологическим началом при принятии решения.

Заключение

Воля в науке – это способность ученого целенаправленно и сознательно осуществлять научно-исследовательскую деятельность, наблюдать и следить за своим поведением, управлять психическими возможностями, проверять физическую силу при преодолении проблем, которые стоят перед исследователем в поиске истинного знания. Философские представления о сингулярности, характеризующие становление, возникновение и исчезновение любых объектов, могут служить исходным основанием исследования всех отношений, которые можно выделить в структуре науки и в структуре универсума в целом. Понимание отношений как ценности и интерпретация ценностей как любой соотнесенности объектов и субъектов дает возможность определить место науки в культуре, а определение препятствия в качестве онтологического начала воли помогает понять осуществление волевых решений в познавательной деятельности.

Список литературы

1. *Аристотель*. О душе. М. : РИПОЛ классик, 2020. 260 с.
2. *Кант И.* Критика практического разума. СПб. : Наука ; Санкт-Петербургская издательская фирма, 1995. 528 с.
3. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М. : РИПОЛ классик, 2020. 616 с.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : Хранитель, 2006. 873 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию. М. : Логос, 2007. 360 с.
6. Стеклова И. В. Автономность и сингулярность в науке. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. 140 с.
7. Аристотель. Метафизика // Сочинение : в 4 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–508.
3. Schopenhauer A. *Die Welt als Wille und Vorstellung*. Dresden, Brockhaus, 1819. 396 p. (Russ. ed.: Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavlenie*. Moscow, RIPOL klassik, 2020. 616 p.).
4. Merton R. *Social theory and social structure*. New York, Free Press, 1968. 698 p. (Russ. ed.: Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura*. Moscow, Khranitel', 2006. 873 p.).
5. Luhmann N. *Einführung in die Systemtheorie*. Htidelberg, Carl-Auer-Systeme Verlag, 2002. 300 p. (Russ. ed.: Luman N. *Vvedenie v sistemnyu teoriyu*. Moscow, Logos, 2007. 360 p.).

References

1. Aristotle. *On the soul*. Ithaca, Cornell University Press, 2006. 232 p. (Russ. ed.: Aristotel. *O dushe*. Moscow, RIPOL klassik, 2020. 260 p.).
2. Kant I. *Kritik der praktischen Vernunft*. Riga, Hartknoch, 1788. 226 p. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma*. St. Petersburg, Nauka, St. Petersburg Publishing Company, 1995. 528 p.).
6. Steklova I. V. *Avtonomnost' i singulyarnost' v nauke* [Autonomy and Singularity in Science]. Saratov, Saratov State University Publ., 2002. 140 p. (in Russian).
7. Aristotle. *Metaphysics*. London, Penguin, 2002. 462 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Metafizika. Soch.* : v 4 t. Moscow, Mysl', 1975, vol. 1, pp. 63–508).

Поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Научная статья

УДК 1+2+141.319.8

Проблема дара: теологический и онтологический контексты современной мысли

М. А. Богатов¹✉, Д. А. Павлова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Богатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Павлова Дарья Александровна, старший преподаватель кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Аннотация. Во *введении* намечается проблемное поле статьи. Речь пойдет не о проблеме дара, а о том, почему дар становится проблемой. Для этого необходимо рассмотреть несколько контекстов, в которых проблема зарождается. Предлагается остановиться на двух из них: теологическом и онтологическом. **Теоретический анализ.** В теологическом контексте рассматриваются два направления мысли XX в. в связи с их влиянием на проблему дара. Во-первых, это политическая теология, которая постановила, что в эпоху секуляризации наследуются христианские смыслы, один из них – феномен дара. Во-вторых, это теозстетика, которая предлагает рассмотреть положение о секуляризации нашей эпохи в качестве частного и фактически уже закрытого проекта. В онтологическом контексте указывается на то, что дар становится проблемой там, где в качестве нормы понимания бытия заявляют о себе насилие и обмен. В *заключении* формулируются выводы, обозначаются ключевые вопросы для дальнейших исследований проблемы дара.

Ключевые слова: проблема дара, секуляризация, политическая теология, теозстетика, Жак Деррида, Дэвид Бенгли Харт, Джон Милбанк, бытие как дар

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

Для цитирования: Богатов М. А., Павлова Д. А. Проблема дара: теологический и онтологический контексты современной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 249–254. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-249-254>, EDN: CNRFYH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the gift: Theological and ontological contexts of modern thought

M. A. Bogatov¹✉, D. A. Pavlova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Mikhail A. Bogatov, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Daria A. Pavlova, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Abstract. Introduction. At the very beginning, the problematic field of the article is outlined: we will not talk about the problem of the gift, but about why the gift becomes a problem. To do this, it is necessary to consider several contexts in which this problem arises. We propose to dwell on two of them: theological and ontological. **Theoretical analysis.** In a theological context, two currents of twentieth-century thought are examined in connection with their influence on the problem of the gift. Firstly, this is political theology, which agreed that in the era of secularization we inherit Christian meanings, and one of them is the phenomenon of a gift. Secondly, this is theoesthetics, which proposes to consider the position of the secularization of our era as a private and, in fact, already closed project. In the ontological context, it is pointed out that the gift becomes a problem where violence and exchange assert themselves as the norm for understanding being. **Conclusion.** As a result, the article draws conclusions and poses key questions for further research on the problem of the gift.

Keywords: problem of the gift, secularization, political theology, theoesthetics, Jacques Derrida, David Bentley Hart, John Milbank, being as a gift

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

For citation: Bogatov M. A., Pavlova D. A. The problem of the gift: Theological and ontological contexts of modern thought. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 249–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-249-254>, EDN: CNRFYH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Философию второй половины XX в. вполне закономерно можно рассматривать через призму проблематизации феномена дара. Казалось бы, такие простые вещи, как дарение и получение дара, равно как и ответное отдаривание, постепенно не только попали в центр внимания гуманитарной мысли, но и стали в итоге позиционироваться как принципиальный вопрос мышления как такового. И хотя, как утверждает Марсель Энафф, частично подводя итоги дискуссии о даре, последний интересовал людей всегда [1, с. 12]. Тем не менее проблемой дар стал именно сегодня (Энафф, в частности, ссылается на Сенеку, но в круг рассматриваемых им авторов – исключительно французские мыслители второй половины XX в. – Мосс, Деррида, Левинас и др.). Даже если и свести кажущуюся частной проблему дара к более существенным вещам, таким как признание и взаимность (на которых держатся человеческие общества в принципе), то факт остается фактом: для людей в последние десятилетия проблемой становятся такие элементарные и вместе с тем базовые и принципиальные вещи, как признание и взаимность. Нашей ближайшей задачей будет рассмотрение причины подобного положения дел, а именно попытка ответа на вопрос: почему дар стал проблемой? При этом мы, ограничиваясь рамками статьи, рассчитываем на то, что читатель ознакомился с основными способами проблематизации дара, с его апориями и выводами (хотя бы ориентируясь на упомянутую книгу Энаффа), а потому сосредоточимся исключительно на контекстах, в которых эта проблема обозначена.

Теоретический анализ

Утрата самоочевидности дара. На первый взгляд, в феномене дара никакой проблемы быть не должно. Подобную беспроblemную формулу дает, к примеру, антрополог Филипп Дескола: «В отличие от обмена, дар – это прежде всего однонаправленное движение, при котором от чего-то отказываются, передавая это другому человеку и не ожидая взамен ничего, кроме благодарности» [2, с. 404]. На возражения Мосса о

том, что дар – это обязывающее к взаимности отношение, Дескола замечает: «Но, вопреки тому, что говорит Мосс, тот факт, что мы “обязаны”, никоим образом не обязывает нас делать то же в ответ, по крайней мере в том смысле, что изначальный жест благосклонности являлся бы неким предписанием, как предписание какого-нибудь контракта или ответственности, неисполнение которых может повлечь за собой санкции» [2, с. 405], и, чуть ниже, резюмируя свою мысль, он заключает: «Если обязанность может родиться от дара, то она, собственно говоря, не является ни обязательной, ни обязывающей» [2, с. 405]. Таким образом, Дескола «решает» проблему дара, отделяя его от обмена и прочих, куда более принудительных форм отношений. Однако, думается, что подобное «решение» вряд ли бы удовлетворило теоретиков проблемы дара, поскольку именно в упоминаемой в определении Дескола «благодарности» как раз и скрывается столь волнующая их апория. Мы здесь ее раскрывать не будем, однако зафиксируем центральную трудность: взаимность, равно как и благодарность, к какому-то моменту утрачивает свою самоочевидность, в то время как иные формы отношений, вроде договорных (рыночных) или же насильственных, остаются для современности самопонятными, можно даже сказать естественными. В чем причина подобного положения дел? Здесь хотелось бы вскрыть два, хотя и пересекающихся между собой, но все же различных контекстов проблематичности феномена дара: теологический и онтологический.

Теологический контекст раскрывается исторически последовательно сначала под рубрикой «политическая теология» (первая треть – 70-е гг. XX в.), а затем – под рубрикой «теоэстетика». Примечательно (и данное обстоятельство не является случайным), что французские теоретики дара, упомянутые в связи с исследованием Марселя Энаффа, не относятся ни к первой, ни ко второй.

Политическая теология разворачивается под эгидой высказывания Карла Шмитта о том, что «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» [3, с. 57]. Несмотря на то, что Шмитта в 1922 г. интересовало

в данном контексте исключительно понятие суверенитета (и совершенно не интересовали собственно религиозные вопросы), его тезис был услышан целой плеядой гуманитариев младшего поколения и, начиная с 1940-х гг., появляются работы Якоба Таубеса (1946) [4], Карла Лёвита (1949) [5], Эрика Фёгелина (1952) [6], Ханны Арндт (1958) [7], Лео Штрауса (1964) [8], Яна Ассмана (1991) [9] – и т. д., вплоть до сегодняшних исследований Джорджо Агамбена [10]. Несмотря на все очевидные различия между этими авторами, их объединяет одно общее убеждение (тон которому четко формулирует Карл Шмитт): наше сегодняшнее положение, современная эпоха, является, во-первых, наследницей смыслов и значений предыдущих эпох и культур (христианской, иудейской, античной или даже египетской); и, во-вторых, эти предыдущие смыслы сегодня утратили свое значение и перестали «действовать»; в-третьих (и это самое важное), иных смыслов и значений у нас нет. В целом подобное описание современности, получившее весьма расплывчатое (и сугубо христианское) наименование «секуляризация современности», очевидным образом противостояло позитивистски настроенным революционным теориям о прогрессе, который с помощью техники в будущем обещает человечеству райскую жизнь здесь, на Земле. В рамках политической теологии даже сама идея спасения благодаря прогрессу – ярчайшее свидетельство наличия уже нехристианского смысла спасения, в свое время порожденного христианством.

Политическая теология, таким образом, рассматривала современность как наследство, с которым неизвестно, как поступать и ради этого обращалась к тем временам и эпохам, когда омертвевшие для нас смыслы еще только нарождались и были в полном расцвете своей значимости. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что политическая теология ни в коей мере не стремилась «возродить» секуляризованные смыслы: «возвращая» их в минувший религиозный контекст, представители политической теологии тем самым неявным образом подчеркивали, что наша эпоха этого контекста как раз лишена окончательно и исторически бесповоротно.

Феномен дара здесь выступает как раз одним из тех, которые, будучи, с одной стороны, порождены христианским мировидением, и, с другой стороны, пережившие господствующую эпоху христианства, лишились своих «корней»

и стали тем самым проблематичными. Если дар изначально – дар Божий и лишь по аналогии – все остальные дары, то что такое дар в мире, оставленном Богом или в мире, который убедился, что Бога нет? Политическая теология, таким образом, передала последующим теоретикам дара задачу наделять дар нехристианскими значениями. Забегая вперед, укажем, что с этой задачей, на наш взгляд, они не справились: любая такая попытка лишь усугубляла положение *проблемы* дара в качестве *апории*: в мире без Бога дар невозможен, но всем очевидно, что даров множество и они буквально нас окружают. В этой ситуации необходимо было бы доказать, что именуемое нами как «дар» даром не является. По этому пути в основном и развивается французская линия проблематизации дара.

В отличие от авторов, которых можно отнести к политической теологии, авторы направления, не очень удачно, на наш взгляд, именуемого «теоэстетикой», крупнейшими ныне живущими представителями которого являются Джон Милбанк [11] и Дэвид Бенгли Харт [12], жестко корректируют установку политической теологии. Во-первых, наша эпоха в самом деле выступает наследницей прошлого, но прошлого исключительно христианского. Во-вторых, то, что можно назвать христианским прошлым, это не прошлое, а настоящее, поскольку Бог существует с начала времен и до их конца. И, как следствие, в-третьих, так называемая секуляризация – это не необратимый исторический процесс и, так сказать, «судьба нашей эпохи», а, напротив, временное помутнение, специальный проект определенной группы интеллектуалов, несостоятельность мыслительных установок которых следует тщательно исследовать и продемонстрировать. Эти авторы являются, в первую очередь, верующими людьми, т.е. теологами в христианском (а не только академическом) смысле слова. Поэтому неудивительно, что они уделяют значительное внимание критике тех, кого мы назвали теоретиками дара, в первую очередь Жака Деррида, Жан-Люка Мариона и Эмманюэля Левинаса. Последнее обстоятельство связано с тем, что эти авторы, как никто другой, приближались в своих рассуждениях к собственно теологическому контексту. Приведем слова Харта: «Не так давно Деррида подверг их (смысл и возможность дарения. – М. Б., Д. П.) замысловатому рассмотрению, и суть его выводов отчасти заключается в том, что идея дара есть нечто рыхлое и бессвязное, если не считать (в ограниченном и все еще двусмысленном до-

пущении) ее приложения к своего рода онтологическому нигилизму (под которым я подразумеваю хайдеггеровскую идею «ничтожения»») [12, с. 392–393].

Барт и Милбанк подвергают Деррида жесткой критике за то, что тот исходит исключительно из данности (человеческого) субъекта: в такой перспективе дар не только остается проблематичным, но сама эта проблематичность просто лишается смысла. «Для Деррида, считающего мышление о даре как чем-то необходимым, так и чем-то противоречивым, это означает, что дар не может быть дан или принят без включения в круговые обмены обязывания; бескорыстность дара (по Деррида и делающая его даром как таковым) невозможна из-за той социальной икономии, в рамках которой дар должен иметь место. Деррида фанатически бескомпромиссен в этом пункте; даже если дар делается без всякого ожидания осязаемой отдачи, он все еще не может подлинно быть даром, так как дар требует признания дающего и даже намерение дарить требует признания со стороны дарителя, что он – даритель (дарительница); дар, который делают или хотят сделать, несет с собой славную репутацию» [12, с. 394].

Естественно, как указывает Харт, предположение, что Бог – это совершенно бескорыстный даритель, которому даже в каком-то смысле безразлично – одарил он или нет, но жизненно не безразлично одариваемым Им, – мысль почти физически недопустима для французских интеллектуалов XX в. Именно ограничение на допустимость подобной мысли демонстрирует среди прочего ограниченность «проекта секуляризации современности».

Итак, политическая теология предоставляет возможность для раскрытия проблемы дара именно как проблемы. Однако теозстетика указывает на то, что дар не является проблемой уже потому, что сама возможность его проблематизации – принятие факта секуляризации нашей эпохи в качестве аксиомы – лишь частное, необоснованное и непродуктивное для мышления предположение. Может показаться, что вместе с авторами теозстетике мы покинули собственно поле философии, поскольку речь идет уже о личной вере или предпочтениях тех или иных исследователей. Не будучи с этим согласными (поскольку в данном случае личные убеждения или вера служат не предметом мысли, а условием понимания последнего), мы все же не можем обойти вниманием собственно онтологический контекст проблемы дара, при этом, ограничива-

ясь рамками статьи, вынуждены прибегнуть к сугубо тезисной форме изложения столь важной и сложной для современной философии темы.

Онтологический контекст. Когда речь заходит о даре в онтологическом контексте, то, безусловно, вопрос стоит о бытии как о даре и о даре как бытии. Если основные апории, развернутые французской мыслью между политической теологией и теозстетикой, склонялись к тому, что дар являет себя скорее в качестве небытия (в лучшем случае претендующим на собственную бытийность), то вопрос о *бытии как о даре* в XX в. серьезно разворачивался в целом ряде работ позднего Хайдеггера (и нашел соответствующий критический отклик уже у упоминавшегося Деррида – показательно его тезисы раскрываются в соответствующей дискуссии с Жан-Люком Марионом [13]). Однако здесь не следует касаться положений первого и критики второго. Полагаем, что читатель сможет разобраться в данной теме самостоятельно.

Выявленная Хартом «социальная» ориентация на проблему дара у Деррида указывает на сугубо антропоцентристское ограничение, наложенное современной мыслью на саму себя: исходить исключительно из данности всего (бытия) субъекту. В этом отношении остается частностью, как именно и кого (или что) именно мы будем понимать под субъектом (поэтому так называемая объектно-ориентированная онтология является лишь одним из изводов антропоцентристской установки, целиком основывающихся на преодолении того «соперника», которого сама же себе заблаговременно сконструировала).

Подступая к теме бытия как дара, для начала необходимо определиться с той схемой мысли, которая полагает дар чем-то невозможным, выходящим из ряда вон, парадоксальным. Но нас, опять же, интересуют сейчас не столько парадоксы и апории дара, сколько негласно принятое понимание того, что, возможно, из ряда не выбивается, нормально. Начиная с Мосса, мышление XX в. стремится так или иначе свести дар к обмену (или принуждению, или даже к насилию – в версии Левинаса). Это значит, как уже отмечалось во введении, что «нормальный» мир – это мир обмена (торговли), принуждения и насилия. Это те вещи, в которых дар постоянно и систематически *подозревается*. Успех мысли о даре буквально измеряется тем, чтобы от дара избавиться, показать, что дар – это не дар, а обмен, принуждение, насилие. Если экстраполировать этот неприятный, но, к удивлению, принятый

и даже обычный способ понимания на поле онтологии, то можно выявить по большей части скрываемое предположение о том, что вообще-то бытие – это насилие, борьба, принуждение, в лучшем случае – умиротворяющий оных обмен.

Модель рынка и договорных отношений в случае понимания бытия как борьбы и насилия выглядит поистине спасительной. Неслучайно, Пьер Бурдьё, указавший на господство «символического капитала», уповал на то, чтобы ситуация стала «честной и справедливой», и «символический капитал» всегда и всюду выражался исключительно в «капитале экономическом». Напомним, что к «символическому капиталу», в первую очередь, относятся те вещи, которые проходят под рубрикой дара, как то: доверие, уважение, открытость. В мире сплошного насилия и принуждения таких вещей, как кажется, существовать в принципе не может, а если что-то такое и появляется, то значит эти вещи еще более суровые: это замаскированные и скрываемые насилие и принуждение. Такова схема проблематизации дара, если поместить ее в онтологический контекст. Именно исходя из этого контекста, христианское упоминание о том, что бытие – это Бог, а Бог – есть любовь, выглядит парадоксально неудобным и вызывает ожесточенный протест интеллектуалов, которым удобно считать мир миром насилия, а рынок и обмен – единственным компромиссом для сосуществования. В этом смысле даже теологическое измерение французской мысли склоняется к некоей аксиоме, что Бог (если таковой имеется) действовал и продолжает действовать по «нормальной» схеме – либо обмена (за творение тварь должна расплачиваться и что-то Богу отдать), либо принуждения (сам акт творения без согласия твари рассматривается в качестве насилия, но ни в коем случае не в качестве дара).

Однако вся эта схема исходит из социального опыта единственности капитализма, перенесенного на то, что данные авторы называют онтологией. При этом не замечается, что бытие – это то, что всегда уже раньше любой мысли о нем, и оно проявляет себя, в первую очередь, не в том, что бы хотелось видеть и среди чего мы предпочли бы существовать, а в том, что избыточно по отношению к любому нашему вниманию, в том, что ускользает из поля зрения как раз для того, чтобы можно было сосредоточиться на том или ином предмете мысли. Бытие – это парадоксальное указание на то, что *все обстоит так – и никак иначе*, и именно поэтому мысль может сделать

себе предметом *иное* и *другое* (французские интеллектуалы предпочитают писать эти слова с заглавных букв, оказываясь в странной и небывалой *теологии без Бога*). Дар заключен уже в самой предшествующей единственности этого «так – и никак иначе», но торопливая современная мысль отталкивается от этой данности, насильственно отвергая вопрос о бытии и тем самым не принимая одаряющего жеста бытия, забывая о том, о чем помнила мысль античная: этого всего может не быть *в принципе*. Не бытие является насилием, а насильственен сам жест отвержения бытийной данности.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сказать, что тема бытия как дара говорит не столько о бытии и не столько о даре, сколько сразу же о нас самих – поскольку мы есть и поскольку само это «есть» дано, даровано (хайдеггеровское «es gibt», левиначовское «il y a») *просто так*. Современная мысль не может иметь дело с тем, что «есть просто так», но именно такова мысль, настроенная рынком на повсеместные захват и присвоение. Такая мысль заранее переступает порог того удивления, то *θαῦμα*, простым «есть», с которого, как отмечали Платон и Аристотель, и начинается философия.

Заключение

Мы ставили себе целью не столько раскрытие тех мыслительных апорий, которые возникают у современной (преимущественно французской) философской мысли, сколько рассмотрение вопроса «почему эта мысль именно такая?». Какими причинами вызывается сама эта проблематичность дара? Теологический контекст продемонстрировал нам, что феномен дара проблематизируется там, где объявляется окончательное наступление секулярной эпохи, отягощенной наследием прежних, преимущественно христианских смыслов (установка политической теологии). Вместе с этим именно в том же самом, теологическом контексте строгая мысль, видящая в самом постулате о бесповоротной секуляризации современности хотя и неслучайный, но исключительно частный и ограниченный проект, проблема дара снимается в качестве проблемы (установка теозстетики). В онтологическом контексте проблемой дара оказывается проблема присутствия в этом мире тех вещей, которые однозначно не могут быть сведены к насилию или обмену. Таким образом, внимательное отношение к бытию как к тому, что не обязательно задается схемой насилия и

обмена, выявит онтологическую существенность и первичность именно феномена дара, проблематизируя, в свою очередь, саму «естественность» насилия и обмена для нас самих.

Список литературы

1. Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2015. 320 с.
2. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
3. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология : сборник. М. : Канон-ПРЕСС-Ц, 2000. 336 с.
4. Таубес Я. Западная эсхатология. СПб. : Владимир Даль, 2023. 429 с.
5. Лёвиг К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории. СПб. : Владимир Даль, 2021. 511 с.
6. Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение. СПб. : Владимир Даль, 2021. 374 с.
7. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
8. Штраус Л. Город и человек. СПб. : Владимир Даль, 2021. 502 с.
9. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб. : Владимир Даль, 2022. 182 с.
10. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М. ; СПб. : Издательство Института Гайдара ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
11. Milbank J. Can a Gift be given? Prolegomena to a future Trinitarian metaphysic // *Modern Theology*. 1995. Vol. 11, iss. 1. P. 119–161.
12. Харт Д. Б. Красота бесконечного. Эстетика христианской истины. М. : Издательство ББИ, 2022. 673 с.
13. О Даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // *Логос*. 2011. № 3 (82). С. 144–171.
3. Schmitt C. *Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*, Gmbh, Duncker & Humblot, 2015. 72 S. (Russ. ed.: Schmitt C. *Politicheskaya teologiya*. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya*. *Sbornik*. Moscow, Kanon-PRESS-Ts, 2000. 336 p.).
4. Taubes J. *Abendländische Eschatologie*. München, Matthes & Seitz, 1991. 230 S. (Russ. ed.: Taubes J. *Zapadnaya eskhatologiya*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2023. 429 p.).
5. Löwith K. *Meaning in History. The Theological Implications of the Philosophy of History*. London; Chicago, The University of Chicago Press, 1949. 266 p. (Russ. ed.: Löwith K. *Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2021. 511 p.).
6. Voegelin E. *The New Science of Politics*. Chicago, The University of Chicago Press, 1952. 210 p. (Russ. ed.: Voegelin E. *Novaya nauka politiki. Vvedenie*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2021. 374 p.).
7. Arendt H. *The Human Condition*. London; Chicago, The University of Chicago Press, 1958. 350 p. (Russ. ed.: Arendt H. *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni*. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 416 p.).
8. Strauss L. *The City and Man*. Chicago, Rand McNally, 1964. 244 p. (Russ. ed.: Strauss L. *Gorod i chelovek*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2021. 502 p.).
9. Assmann J. *Politische Theologie zwischen Ägypten und Israel*. München-Nymphenburg, Carl-Friedrich-von-Siemens-Stiftung, 1992. 136 S. (Russ. ed.: Assmann J. *Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2022. 182 p.).
10. Agamben G. *Il regno e la gloria. Per una genealogia teologica dell'economia e del governo (Homo sacer, II, 4)*. Torino, Bollati Boringhieri, 2009. 333 p. (Russ. ed.: Agamben G. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya*. Moscow; St. Petersburg, Institut Gajdara Publ.; Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2018. 552 p.).
11. Milbank J. Can a Gift be given? Prolegomena to a future Trinitarian metaphysic. *Modern Theology*, 1995, vol. 11, iss. 1, pp. 119–161.
12. Hart D. B. *The Beauty of the Infinite: The Aesthetics of Christian Truth*. Grand Rapids, Wm. B. Eerdmans, 2003. 462 p. (Russ. ed.: Hart D. B. *Krasota beskonechnogo. Estetika khristianskoy istiny*. Moscow, Izdatel'stvo BBI, 2022. 673 p.).
13. On the Gift: A Discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion, Moderated by Richard Kearney. *God, the Gift, and Postmodernism*. Bloomington, Indiana University Press, 1999, pp. 54–78 (Russ. ed.: O Dare: diskussiya mezhdru Zhakom Derrida i Zhan-Lyukom Marionom. *Logos*, 2011, no. 3 (82), pp. 144–171).

Поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 255–259

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 255–259

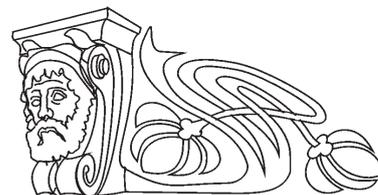
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-255-259>, EDN: EQUATM

Научная статья

УДК 33.01+141.319.8

«Экономика желаний» и «экономика дара»: сравнительный анализ

А. Д. Воробьева

Волгоградский государственный технический университет, Россия, 400005, г. Волгоград, пр. им. Ленина, д. 28

Воробьева Александра Дмитриевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и права, haidegger@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3584-2569>

Аннотация. Введение. В статье впервые проводится сравнительный анализ двух моделей экономики, отражающих ранее малоизученные аспекты процессов обмена и потребления. Устанавливается связь между архаичной парадигмой изобилия и постмодернистской теорией неограниченно производящего капитализма. **Теоретический анализ.** Согласно Д. М. Беллу (“The Economy of Desire: Christianity and Capitalism in a Postmodern World”) экономика желания основывается на преодолении дефицитарного подхода к процессам производства и обмена. Основной задачей такой экономики становится формирование стремлений к потреблению, а не создание благ. Описанный Беллом подход исходит из идеи изобилия ресурсов. Это сближает его с экономикой дара, которая, как пишет Ж. Батай («Проклятая доля»), нацелена на избавление от привязанности к материальным благам с помощью трансцендирования. Акт дарения является растратой, на которую способен только тот, кто не боится дефицита. **Заключение.** Формулируется вывод, согласно которому экономика желания, хотя и преодолевает дефицит, направлена на имманирование, поскольку желания заставляют сосредоточиться на себе и своих актуальных состояниях. В современном мире две эти модели одновременно соперничают, так как в них есть несовместимые друг с другом установки и сосуществуют, поскольку капиталистическая система становится более разнообразной и требует новых способов взаимоотношений субъектов.

Ключевые слова: экономика дара, экономика желания, потребление, потребности, капитализм, дар, постмодернизм

Для цитирования: Воробьева А. Д. «Экономика желаний» и «экономика дара»: сравнительный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 255–259. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-255-259>, EDN: EQUATM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Economy of Desires” and “Gift economy”: Comparative analysis

A. D. Vorobeva

Volgograd Technical State University, 28 Lenin Avenue, Volgograd 400005, Russia

Alexandra D. Vorobeva, haidegger@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3584-2569>

Abstract. Introduction. The article is the first one to conduct a comparative analysis of two economic models, reflecting previously little-studied aspects of the processes of exchange and consumption. A connection is established between the archaic paradigm of abundance and the post-modern theory of unlimitedly producing capitalism. **Theoretical analysis.** According to Daniel M. Bell (The Economy of Desire: Christianity and Capitalism in a Postmodern World), the economy of desire is based on overcoming the scarcity approach to the processes of production and exchange. The main goal of this economy becomes the formation of desires for consumption, and not the creation of benefits. The approach Bell describes is based on the idea of resource abundance. This brings him closer to the gift economy, which, as J. Bataille writes (“The Accursed Share”), is aimed at getting rid of attachment to material goods through transcendence. The act of giving is a waste of which only those who are not afraid of scarcity are capable. **Conclusion.** The author concludes that the economy of desire, although it overcomes scarcity, is nevertheless aimed at immanence, since desires force one to focus on oneself and one’s current states. In the modern world, these two models simultaneously compete, since they have attitudes that are incompatible with each other, and coexist, as the capitalist system becomes more diverse and requires new ways of relationships between subjects.

Keywords: gift economy, economy of desire, consumption, needs, capitalism, gift, postmodernism

For citation: Vorobeva A. D. “Economy of Desires” and “Gift economy”: Comparative analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 255–259 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-255-259>, EDN: EQUATM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Как известно, экономика включает в себя производство, обмен и потребление. Но суть и роль этих процессов не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Современный экономический словарь предлагает такие формулировки, как «обеспечение жизни», «создание средств существования» [1], т. е. основой экономики считается производство, а ее целью – потребление. Отношения, которые складываются между субъектами хозяйственной деятельности, отходят на второй план как вспомогательный элемент. В классической экономике важно, что производится, в каких количествах, сколько ресурсов будет потрачено и сколько товаров продано.

Однако уже Маркс критиковал эту схему как не отражающую реальных человеческих отношений, поскольку они не сводятся к простому удовлетворению потребностей. Он показал, что товар – это не столько полезный или нужный для жизнедеятельности предмет, сколько превращенная форма, в которой отражаются место и роль труда в социальной иерархии. Вклад работников в процесс производства неоднороден, а затраты сил и времени зачастую оцениваются диспропорционально. Так, цена на продукт, произведенный в развитой стране, будет отличаться от стоимости точно такого же, но сделанного в бедном государстве. В товар «запечатывается» не только дороговизна ресурсов и затраты усилий, но и сложные общественные отношения, поэтому он превращается в «общественный иероглиф» [2]. Маркс приучает нас воспринимать экономику с точки зрения социальной и философской проблематики, видя в ней отражение мировоззренческих оснований.

В современных философских и экономических теориях продолжают исследования глубинных структур «науки о доме», определяющих характер производственных и обменных процессов. В них переосмысливаются представления уже не только о труде и товаре, но и о потреблении, что оказывается особенно актуальным в свете развития общества потребления. Сегодня, когда все более распространяются производством контента, фриланс, переход на систему добровольных пожертвований, снова актуализируется вопрос о социоэкономической структуре общества.

Теоретический анализ

Первая из рассматриваемых нами теорий – экономика дара. Ее разработка проводилась многими учеными, такими как Льюис Хайд, Марсель Мосс, Дюран Бэлл и Жорж Батай. Все они выделяют в качестве отличительной особенности дара его добровольность, парадоксально сочетающуюся с необходимостью отдаривания. В работе «Проклятая доля» Батай провел анализ практик дарения в первобытных культурах, а затем перенес их структуру и логику на более поздние культуры вплоть до современных ему. Батай показал, что экономика дара – это не просто архаичная форма обмена ресурсами, а особая система взаимоотношений, оказывающая влияние и на современное общество, являясь фактически альтернативой капитализму. Эту мысль разделял и анархист Петр Кропоткин, который стремился найти выход из сложившейся иерархической системы, где есть деление на богатых и бедных.

Исследуя данные о традициях племенных культур, в том числе потлача, Батай выстроил следующую последовательность: как правило, представители одного из племен навещают соседнее племя, где в ритуальной форме происходит дарение благ, а иногда даже публичное уничтожение принесенных предметов и убиение животных или пленных. Племя, получившее дар, стремится отдариться, т. е. совершить еще более ценное подношение для своих союзников. В результате возникает своеобразное соревнование, в котором каждый из участников хочет продемонстрировать превосходство собственной щедрости. Этот круг нескончаемой безвозмездной передачи благ и становится основой экономики дара.

«Экономика желания» – еще более современный термин, с помощью которого исследователи пытаются описать нынешнее состояние капиталистического общества. Здесь в качестве центрального элемента экономической системы рассматривается не производство и даже не потребность, а желание.

Д. Бэлл, социолог и культуролог, рассматривает данную ситуацию в критическом ключе, разворачивая проблематику общества, которое стремится уже не к удовлетворению потребностей, а к конструированию желаний. В качестве актуального примера выступают услуги по формированию и артикуляции желаний, продаваемые некоторыми тренерами

личностного роста. Продукт, который на выходе получают покупатели, не только не удовлетворяет какие-либо типичные потребности, но и создает новые. Результатами такого рода курсов являются списки предметов и ситуаций, к которым стоит стремиться и получать. Желания становятся объектом продажи, производства, даже конкуренции. Главная цель экономики желания – производить и продавать наслаждения, а также все то, что способствует его достижению.

Как экономика дара, так и экономика желания, основана на идее изобилия. Это значительно отличает их от дефицитарных моделей, в которых главной проблемой экономики считается необходимость удовлетворения безграничных потребностей с помощью ограниченных ресурсов. Батай предложил рассматривать изобилие как базовую характеристику жизни: «Источник и сущность нашего богатства даются в солнечном излучении, безвозмездно распределяющем свою энергию» [3, с. 35]. Автор считал, что природа транслирует принцип изобилия, который был доступен первобытному человеку, и тот интуитивно переносил его на социокультурные практики. Позже произошло «затуманивание» и подавление этого принципа, но он до сих пор жив и проявляется в протесте против буржуазного уклада общества.

Следовательно, экономика дара является в рамках данной теории первичным и аутентичным для человеческих сообществ способом распределения ресурсов. Она основана на стремлении избавиться от переизбытка вещей, возникающего из-за того, что человек выходит из естественного обмена жизненными энергиями. Батай пишет: «Уничтожение – наилучший способ отрицания того, что между человеком и животным или растением имеются отношения использования» [3, с. 54]. Это справедливо как по отношению к жертвоприношению, так и к дарению, которое тоже является способом отрицания корыстных интересов по отношению как к другому племени, так и к передаваемым или ритуально уничтожаемым благам.

Как проявляется изобилие в экономике желания? Очевидно, что конструирование и умножение желаний мало сочетается со стремлением к сохранению ресурсов. Чем больше человек хочет, тем больше он будет потреблять, а раз это становится задачей, значит мы исходим из ситуации достатка. Особенно актуальной данная задача становится в условиях, когда производство уже расширилось до таких пределов, что

товары и услуги способны покрыть все базовые потребности, а так как капитализм требует непрерывного роста, то необходимо найти способ увеличить объем потребления.

Следует отметить, что желания отличаются от потребностей. Последние представляют собой состояние нехватки какого-либо блага, тогда как желание – это эмоциональная тяга к объекту, внутреннее движение. Потребность объективна, но при этом она не обязательно порождает стремление к чему-либо. Испытываемая потребность в безопасности и комфорте, человек может стремиться к опасной практике, если так диктует ему желание. И наоборот, субъективно интенсивная тяга к предмету совсем не обязательно означает потребность в нем. Люди могут с одинаковой силой хотеть купить предмет одежды вне зависимости от того, действительно ли он необходим (например, чтобы не замерзнуть зимой), или же объективно потребность в нем закрыта (гардероб уже заполнен похожими вещами).

В экономической теории потребность рассматривается как то, что можно прогнозировать. Например, Кейнс предложил формулу, находящуюся в зависимости от доходов, где одной из переменных является склонность к потреблению [4, с. 100–119]. Таким образом, потребность может быть не только идентифицирована, но и количественно измерена. Желания же опираются на субъективное восприятие индивида, переноса внимание исследователей на внутренний мир человека. В них намного большую роль играют когнитивные и психологические факторы, что заставляет исследователей пересмотреть фигуру потребителя.

Радикальную позицию в этом вопросе занимали Делез и Гваттари, создавшие концепт «желающие машины». Вместо классического рационального потребителя возникает обезличенная схема, которая отражает уже не человека, а некие разрозненные потоки, проходящие через него. Вот как авторы описали функционирование этих машин: «Одна машина-орган подключена к другой машине-источнику: одна испускает поток, другая его срезает. Грудь – это машина, которая производит молоко, а рот – машина, состыкованная с ней» [5, с. 86]. Машины соединяются в паутину, охватывающую собой все видимое пространство жизни, становясь таким образом универсальной формой существования.

По заявлению французских философов такой подход направлен на тотальное осво-

бождение человека, в том числе от самого себя. Цитируя Тингели, они охарактеризовали желающие машины как «веселые» и «свободные». С помощью нового концепта философы стремились преодолеть пессимистичный взгляд Маркса на эволюцию капитализма. Разделение труда, орудий труда и наслаждения, по мнению Делеза и Гваттари, приводит к страданию и закреплению, тогда как понимание единства этих элементов сулит свободу и счастье.

Схожую идею выдвигает Т. Абанкина: «Концепты экономики желаний опираются на высказывания некоторых американских исследователей, утверждающих, что одна из фундаментальных задач обеспечения нашего процветания – санкционировать и оправдывать в глазах людей пользование всеми благами, доказывать им, что превращать свою жизнь в удовольствие нравственно, а не безнравственно, что они имеют право окружать себя вещами, обогащающими их жизнь и доставляющими им удовольствие (“ведь вы этого достойны!”)» [6].

Действительно, сдерживание желаний зачастую приводит к внутренней скованности, страху недостатка ресурсов, который противоположен свободе. Однако тот факт, что в процессе освобождения теряется субъект, заставляет усомниться в проекте постмодернистов. Возникает вопрос: кому нужна такая свобода? И не становится ли человек рабом своих желаний, когда выпускает их на волю?

Д. Бэлл, по всей видимости, задается теми же вопросами. Он не согласен с тем, что раскрепощение и приумножение желаний способны избавить человека от страданий и уныния. Экономике желания он противопоставляет аскезу, которая, по его мнению, нужна не для подавления желаний, а для их правильного направления, ведущего к освобождению. Монах не становится бесчувственным, пишет Бэлл, он более восприимчив к благодати, он лучше знает порывы своей души, чем тот, кто раскрепощает и удовлетворяет свои желания [7, р. 161–187].

Может ли экономика дара предложить более однозначный способ освобождения? Во время празднования, сопровождающегося дарениями, происходит преодоление собственной ограниченности и соединение с трансцендентальным, чтобы человек мог утвердиться как существо, способное порвать привязанность к имманентному миру, избавиться от необходимости заботиться о будущем, таким образом получив власть над собой и миром. Освобождение заключается в том, что «такой ценой

они устраняли бремя, возложенное на них скупостью и холодным расчетом реальности» [3, с. 64]. В практиках дарения утверждается как негативная свобода как отказ от привязанности, так и позитивная как переход на новый, более свободный способ существования (трансцендирование).

Однако, если освобождение объединяет два изучаемых нами подхода, то способы его достижения их различают. Экономика желания погружает человека в практики обыденности; его привязанность к вещам имманентного мира возрастает. В экономике дара, напротив, потребление продуктов является также и их уничтожением. Отсюда вытекает, что как использование, так и добровольный отказ от вещи, является способом властвования над ней.

Еще одно важное различие данных моделей – социальные последствия их применения. Экономика желания не способствует образованию социальных связей между людьми. Она порождает отношение человека к вещи, а не к тому, кто ее отдает или получает. Тяга к предмету выделяет его на фоне других объектов мира, направляет внимание субъекта на него, создает эмоциональную связь. Но это – односторонняя связь, она оставляет человека в одиночестве. Более того, в данной композиции значимость того, кто обладает ресурсом и передает его, минимальна. В обменных отношениях важнее то, что обменивается, а не кем и как.

Экономика дара, напротив, имеет смысл лишь тогда, когда она порождает социальные взаимосвязи. Неслучайно Батай находит параллели между даром и жертвой. И то и другое продиктовано надеждой на установление благоприятных отношений с миром, богами, сообществами, индивидами. Совершая подношение, субъект не требует немедленной компенсации, он принимает риски и признает свободу того, с кем пытается наладить отношения. Дар – это своего рода зов, приглашение к мирному диалогу.

Еще одно отличие анализируемых подходов заключается в том, что экономика желания распаляет жажду присвоения, а дара – гасит ее. Батай отмечает, что отказ от вещи является особой формой распоряжения имуществом, которая скорее подтверждает способность владеть благами. В то же время такое распоряжение демонстрирует готовность субъекта потерять то, чем он обладает. В экономике желания, напротив, обладание и использование служат конечной точкой всех процессов. Вещи стано-

вится символом как самих желаний, так и их производства, приобретая, таким образом, еще большее значение.

Заключение

Столкновение двух предложенных систем является не только теоретическим спором, но и имеет практические последствия. Дарение не может быть совмещено с эквивалентным обменом. Поэтому принятие подарка в определенных ситуациях будет означать установление отношений вне рамок справедливого и равномерного распределения ресурсов, что может считаться неприемлемым для капиталистического общества.

Неприемлемой система дарения может считаться также и тогда, когда одна или обе стороны не желают вступать друг с другом во взаимоотношения по этическим или другим причинам. При этом эквивалентный обмен как направленный исключительно на получение ресурсов, а не на сближение субъектов может возникать даже между враждующими обществами или индивидами.

Тем не менее современная общественная и культурная системы не препятствуют сосуществованию обеих рассматриваемых моделей экономики. С одной стороны, «по мере роста благосостояния у человека появляется потребность в ком-нибудь, кто будет заниматься его желаниями» [6]. Скука и пресыщенность толкают современного потребителя к поиску новых возможностей обретения наслаждения, что заставляет индустрию формировать новые продукты. С другой стороны, появляется все больше людей, выключенных из классической капиталистической системы производства и обмена. Яркий пример – блогеры, работающие за донат. Производя бесплатный контент, они предлагают зрителям самостоятельно решить, хотят ли они отблагодарить их и какой суммой.

Таким образом, современные экономические отношения становятся все более разнородными. Кроме того, есть основания полагать, что экономика дара и экономика желания будут подвергаться расширению и трансформации по мере того, как в обществе будут распространяться новые технологии и способы взаимодействия. А роль потребления и потребителя потребует еще более детального анализа.

Список литературы

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 1999. 479 с.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 42 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 907 с.
3. Батай Ж. Проклятая доля. М. : Гнозис ; Логос, 2003. 208 с.
4. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М. : ЗАО «Бизнеском», 2013. 408 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
6. Абанкина Т. Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. 2006. № 4. URL: <https://www.hse.ru/news/1163603/1128925.html> (дата обращения: 06.04.2024).
7. Bell Daniel M. *The Economy of Desire: Christianity and Capitalism in a Postmodern World* (The Church and Modern Culture Series). Grand Rapids : Baker Academic a division of Baker Publishing Group, 2012. 224 p.

References

1. Rayzberg B. A., Lozovskiy L. Sh., Starodubtseva E. B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'* [Modern Economic Dictionary]. Moscow, INFRA-M 1999. 479 p. (in Russian).
2. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*. In: Marks K., Engel's F. *Sochineniya*: v 42 t. [Marx K., Engels F. Works: in 42 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Politicheskoy Literatury, 1960. Vol. 23. 907 p.
3. Bataille G. *Proklyataya dolya* [The Accursed Share]. Moscow, Gnozis, Logos, 2003. 208 p.
4. Keynes J. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, CJSC "Businesscom", 2013. 408 p.
5. Deleuze J., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Factory, 2007. 672 p.
6. Abankina T. The economy of desires in modern "leisure civilization". *Otechestvennye zapiski* [Native Notes], 2006, no. 4. Available at: <https://www.hse.ru/news/1163603/1128925.html> (accessed April 6, 2024) (in Russian).
7. Bell Daniel M. *The Economy of Desire: Christianity and Capitalism in a Postmodern World* (The Church and Modern Culture Series). Grand Rapids, Baker Academic a division of Baker Publishing Group, 2012. 224 p.

Поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 260–263

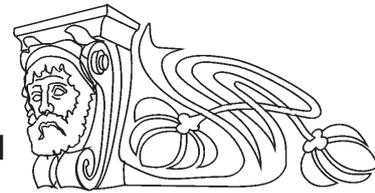
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 260–263

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-260-263>, EDN: FEVBXW

Научная статья

УДК 1(470+571)|18|:141.319.8+929[Чернышевский+Лавров]

Теоретики русского народничества о проблеме нравственной автономии личности

А. Ю. Вязинкин

Тамбовский государственный технический университет, Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «История и философия», vyazinkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3821-6168>

Аннотация. Введение. В статье проанализированы работы русских народников, в которых содержится социально-философское решение проблемы нравственной автономии личности. **Теоретический анализ.** Социально-философский идеал народнической мысли был тесно связан с теорией организации справедливого общества на основе паттерна социальной солидарности, подразумевающего социально ответственное поведение граждан, уважающих чужие права и действующих в интересах освобождения человека. Достижение личностью автономии возможно с помощью различных способов освобождения: посредством трудовой активности и практики кооперации, общественно-политической активности в направлении реализации общественного идеала осознанной солидарности. Нравственная автономия личности, таким образом, не подразумевает морального нигилизма, а, напротив, направлена на поиск компромисса между частными и общественными интересами. Теоретики народничества развивают тезис «разумного эгоизма» Н. Г. Чернышевского, согласно которому интеллектуально и нравственно осмысленное индивидуалистическое (автономное) поведение может соответствовать коллективным интересам. Нравственная автономия личности, по мысли большинства народников, не отрицает возможности социально ответственного поведения. **Заключение.** Народническая мысль становится своего рода контрапунктом развития освободительной общественной мысли в России, трансформируя идеальный тип носителя освободительных идей: нравственно автономный нигилист превращается в социально ответственного народника.

Ключевые слова: нравственная автономия личности, народничество, русская философия, П. Л. Лавров, Н. Г. Чернышевский

Для цитирования: Вязинкин А. Ю. Теоретики русского народничества о проблеме нравственной автономии личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 260–263. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-260-263>, EDN: FEVBXW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theorists of Russian populism on the problem of moral autonomy of the individual

A. Yu. Viazinkin

Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russia

Aleksei Yu. Viazinkin, vyazinkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3821-6168>

Abstract. Introduction. The article analyzes the works of Russian populists, which contain a socio-philosophical solution to the problem of moral autonomy of the individual. **Theoretical analysis.** The socio-philosophical ideal of populist thought was closely connected with the theory of organizing a fair society based on the pattern of social solidarity, which implies socially responsible behavior of citizens who respect other people's rights and act in the interests of human liberation. Individual autonomy can be achieved through various methods of liberation: through labor activity and the practice of cooperation, socio-political activity in the direction of realizing the social ideal of conscious solidarity. The moral autonomy of the individual, therefore, does not imply moral nihilism, but, on the contrary, is aimed at finding a compromise between private and public interests. Theorists of populism develop the thesis of N. G. Chernyshevsky's «reasonable egoism», according to which intellectually and morally meaningful individualistic (autonomous) behavior can correspond to collective interests. The moral autonomy of the individual, according to most populists, does not deny the possibility of socially responsible behavior. **Conclusion.** Populist thought becomes a kind of counterpoint to the development of liberating social thought in Russia, transforming the ideal type of carrier of liberating ideas: a morally autonomous nihilist turns into a socially responsible populist.

Keywords: moral autonomy of the individual, populism, Russian philosophy, P. L. Lavrov, N. G. Chernyshevsky

For citation: Viazinkin A. Yu. Theorists of Russian populism on the problem of moral autonomy of the individual. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 260–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-260-263>, EDN: FEVBXW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Развитие личности, которое непременно связано с выработкой способности самостоятельного мышления, обязательно осуществляется через тернии скептицизма, базового принципа критического мышления. Этот скепсис может быть направлен и против абстракций, претендующих на статус субъекта, равноправного человеческой личности или даже превосходящего его. Речь идет о таких феноменах, как общество, общие интересы, государство и т. п. Однако подобного рода попытки превратить абстракцию в субъект являются результатом логической ошибки, тривиального гипостазирования. Эволюция мышления и способов сотрудничества происходит благодаря конкретным индивидам, но не абстрактным общностям [1, с. 43–44]. Но как, в таком случае, возможна социально ответственная деятельность автономной личности?

Гуманистическая традиция русской философии, отталкивавшаяся по преимуществу от тезисов философии Просвещения, была в первую очередь ориентирована на идею нравственной автономии личности, т. е. на достижение независимости взглядов и суждений, интеллектуальной и моральной свободы от власти авторитетов (Церкви, государства, обычая и т. п.). С другой стороны, в основе мирозерцания русских гуманистов, революционных демократов, теоретиков русского социализма, большинства народников лежала идея реализации принципа общественной справедливости, которая подразумевала социальную ответственность интеллигенции, класса умственного труда, перед народом, исторически и несправедливо лишенным всех прав и свобод.

Социально ответственное поведение русского народника диктовалось сложным комплексом идей, который, с нашей точки зрения, предполагал сочетание принципа социальной ответственности с идеалом автономной личности.

Теоретический анализ

В народнической теории обретение личностью свободы посредством развития индивидуальности возможно при условии наличия социальной солидарности в общине, коммуне или артели, в чем, к примеру, теоретик народничества Н. К. Михайловский видел основу своей теории общественного прогресса [2, р. 93].

Освобождение личности – стержневая проблема этического персонализма русской народнической мысли. Нравственная автономия важнее политических прав и экономического благосостояния, потому что без самостоятельного осознания свободы как высшей ценности личность никогда не встанет на путь освобождения. А. И. Герцен писал, что социальная солидарность возникает в обществе свободных личностей. При этом внутренняя свобода, которая есть источник нравственной автономии личности, должна предшествовать наделению личности политическими правами и свободами: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» [3, с. 590]. С точки зрения мыслителя, нравственная свобода личности не противоречит идеалу социальной солидарности. В народнической философии попытка соединить идеалы социальной ответственности и автономии личности привела к созданию своеобразной «философии труда», согласно которой организация всеобщего труда требовала от личности не изнурительной работы на господина, а совершения творческого акта, удовлетворяющего человека физически, нравственно и эстетически.

Теория свободного труда лежала в основе идеи освобождения человека и в работах П. Л. Лаврова. Принцип солидарности в обществе реализуется посредством всеобщего труда, составляющего позитивное экономическое начало. Лавров рассматривал феномен труда не только как естественную потребность, но и как фактор полноценной жизни личности. Физическое, умственное и нравственное развитие личности не будет полным без удовлетворения этой потребности. Труд не только позволяет человеку обрести хозяйственную независимость, но и наслаждаться жизнью, стать счастливым [4, с. 197].

Человек согласно теоретикам народничества освобождается посредством труда. Стать самостоятельным тружеником, тем человеком, в личности которого производитель и потребитель совпадают, чье психологическое самочувствие будет свидетельствовать об освобождении от стеснений и опеки, – такова цель эмансипации личности в социальной и нравственной программе Н. Г. Чернышевского. В обществе, которое стремится к реализации обеих целей – воспитание в гражданах социальной ответственности и автономия каждой конкретной личности – необходима адекватная наука [5, с. 46].

Высшая ценность и главная цель освободительного движения в России, которым соответствуют устремления русских мыслителей-гуманистов – свобода личности, представляющая собой не искусственный концепт в интеллектуальных изысканиях гуманистов, а элемент, содержащийся в натуре человека. «В этом и состоит свобода, – писал Чернышевский, – чтобы каждый делал то, что требуется его натурой» [6, с. 314].

Критерии общественного прогресса – интеллектуальное развитие личностей и степень их нравственной автономии. Возможен и желателен поступательный, эволюционный прогресс. Для этого необходимо формирование идеалов социально ответственной трудовой жизни, самостоятельного мышления. Источником личного совершенствования является эффект взаимного обогащения личностей в опыте совместного общежития [7, с. 633].

В социальной философии Лаврова содержится сильный просветительский тезис о необходимости направления усилий интеллектуалов на воспитание свободных граждан. Эта просветительская стратегия должна была формировать гражданина, т. е. человека с развитыми чувствами личного достоинства и долга. Источником формирования в обществе императива социально ответственного поведения по Лаврову является свобода личности, усиленная идеей социального равенства [4, с. 375–376].

Личная свобода, считает Лавров, сама по себе будет способствовать нравственному совершенствованию личности. А в совокупности с реализацией идеала социального равенства принцип личной свободы позволит ускорить процесс культурной эволюции человеческого общества, которая нивелирует императивы деспотизма, рабской покорности и конкурентной борьбы за жизнь и заменит их императивами кооперации, альтруизма и социально ответственного поведения. Исторический путь к обществу социальной справедливости (народный социализм), по мнению большинства народников, является результатом закономерного прогресса, но в первую очередь прогресса личностного. Для такого развития событий необходимо лишь социальное усилие нравственно и интеллектуально развитых людей, интеллигенции, придерживающейся демократических и социалистических взглядов. В идее неизбежности нравственного совершенствования освобождающихся личностей проявился антропологический оптимизм народнической мысли.

Для теоретиков народничества нравственная свобода личности – это не моральный нигилизм, поскольку идеал критически мыслящей личности – высоконравственный человек. Нравственное освобождение человека подразумевает начало самостоятельного мышления, выход из состояния рабской покорности авторитетам, чьи установки противоречат идеалу социальной справедливости.

Отправная точка философии Лаврова, по мнению В. В. Богатова, антропологический идеал «цельной человеческой личности», которая является исходным принципом философии Лаврова [8, с. 56]. Внутреннее единство, обеспечивающее цельность личности, по мнению Лаврова, заключается в том, что человек способен к самостоятельному мышлению, осознанно независим и стремится к реализации социальной справедливости. Народническое содержание этой идеи проявляется в тезисе Лаврова об ответственности критически мыслящей личности перед народом за бездействие.

Таким образом, нравственная автономия личности в логике народнических исканий есть не теоретический конструкт, а интеллектуальный императив эмансипации, требование мыслить независимо, самостоятельно. Это вполне отвечает этике И. Канта, даже творчески дополняет ее: не только декларирует способность агента действовать автономно, но и выдвигает к личности такое требование. Цель этого состоит в стремлении не только к антропологическому идеалу автономной личности, но и к идеалу социальному, в котором нравственно автономная и социально ответственная личность мыслит и действует на благо общества осознанной солидарности.

Заключение

Русская народническая мысль старалась выработать такую социальную концепцию общественного идеала, которая позволяла бы сочетать две ключевые идеи освободительной теории в России – социально ответственное поведение граждан и нравственная автономия личности. Таким образом, социальная философия народничества разрабатывала своеобразную диалектику индивидуального и общественного, стараясь философски и социологически обосновать, как им представлялось, неизбежное единство интересов личности и общественных интересов. На этом пути многие мыслители сталкивались с теоретическими сложностями.

Михайловский видел в капиталистической организации общества неизбежную контрапунктность теоретических тезисов социального прогресса и индивидуального развития личности, которое было связано с идеей нравственной свободы. Лавров, формально предлагая идеал критически мыслящей личности как человека нравственно автономного, в конечном счете ориентировался на идею координации интересов общественных и интересов частных.

Только нравственно автономная личность может быть социально ответственной. В то же время автономия личности возможна лишь в обществе социально ответственных граждан. Так сохраняется искомый теоретиками народничества баланс между частными и общественными интересами.

Список литературы

1. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. англ. А. В. Куряев. Челябинск : Социум, 2005. 878 с.
2. Ely C. *Russian Populism: A History*. London : Bloomsbury Publishing, 2022. 272 p.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : АН СССР, 1960. Т. 20, кн. 2. 994 с.
4. Лавров П. Л. *Философия и социология* : в 2 т. М. : Мысль, 1965. Т. 1. 752 с.
5. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : ГИХЛ, 1950. Т. 7. 1094 с.

6. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : ГИХЛ, 1949. Т. 14. 899 с.
7. Чернышевский Н. Г. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1986. Т. 1. 805 с.
8. Богатов В. В. *Философия П. Л. Лаврова*. М. : Издательство Московского университета, 1972. 314 с.

References

1. Mises L. *Human Action: A Treatise on Economics*. New Haven, Yale University Press, 1949. 889 p. (Russ. ed.: Mises L. *Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoy teorii*. Chelyabinsk, Sotsium, 2005. 878 p.).
2. Ely C. *Russian Populism: A History*. London, Bloomsbury Publishing, 2022. 272 p.
3. Herzen A. I. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, vol. 20, book 2. 994 p. (in Russian).
4. Lavrov P. L. *Filosofiya i sotsiologiya: v 2 t.* [Philosophy and Sociology: in 2 vols.]. Moscow, Mysl', 1965, vol. 1. 752 p. (in Russian).
5. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, GIKhL, 1950, vol. 7. 1094 p. (in Russian).
6. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, GIKhL, 1949, vol. 14. 899 p. (in Russian).
7. Chernyshevskiy N. G. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl', 1986, vol. 1. 805 p. (in Russian).
8. Bogatov V. V. *Filosofiya P. L. Lavrova* [The Philosophy of P. L. Lavrov]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 314 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 14.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 14.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 264–268

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 264–268

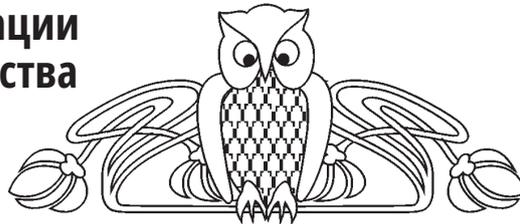
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-264-268>, EDN: DSYYLQ

Научная статья

УДК [[004:316.4]:[321+271.2]](470+571)

Преодоление последствий глобализации на примере взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в информационной сфере

М. Н. Голик

Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 46

Голик Михаил Николаевич, аспирант кафедры философии, социологии и психологии управления, mikhail.golik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3521-8897>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблема преодоления последствий глобализации в условиях информатизации общества на примере взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в информационной сфере. **Теоретический анализ.** Государство и Церковь как активные пользователи имеющихся сегодня информационных ресурсов и технологий оказывают значительное влияние на их развитие. Многие иерархи и миряне, придерживаясь «охранительных» взглядов, репрезентируемых устоявшимся политическим курсом, продолжают участвовать в медиасфере. Участие Церкви и государства позволяет поддерживать политическую стабильность в стране. Подчеркивается, что, с одной стороны, духовно-нравственный кризис современного общества вызван информатизацией как одним из условий его развития, с другой стороны, информатизация настолько пронизывает все области жизни и деятельности как Церкви, так и государства, что пренебрежение ее ресурсами сегодня невозможно. **Заключение.** Выделены и описаны характерные особенности Церкви и государства, которые с помощью информационных ресурсов и технологий пытаются противостоять негативным последствиям глобализации и вестернизации. Священноначалие Церкви и государство заинтересованы в консолидации усилий, направленных на разрешение многочисленных социальных противоречий, имеющих сегодня в информационном пространстве.

Ключевые слова: государственная власть, Русская Православная Церковь, информатизация общества, информационная сфера, глобализация

Для цитирования: Голик М. Н. Преодоление последствий глобализации на примере взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в информационной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 264–268. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-264-268>, EDN: DSYYLQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Overcoming the consequences of globalization on the example of the interaction of the state and the Russian Orthodox Church in the information sphere

M. N. Golik

Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603950, Russia

Mikhail N. Golik, mikhail.golik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3521-8897>

Abstract. Introduction. The article considers the problem of overcoming the consequences of globalization in the context of informatization of society using the example of interaction between the state and the Russian Orthodox Church in the information sphere. The following methods were used in the study: system analysis, philosophical analysis, interpretation, comparison and synthesis. **Theoretical analysis.** The State and the Church, as active users of the information resources and technologies available today, have a significant impact on their development. Many hierarchs and laypeople, adhering to “protective” views, represented by an established political course, continue to participate in the media sphere. The participation of the Church and the state makes it possible to maintain political stability in the country. It is pointed out that, on the one hand, the spiritual and moral crisis of modern society is caused by informatization as one of the conditions for its development, but on the other hand, informatization permeates all areas of life and activity, both of the Church and the state, to such extent that neglecting its resources is impossible today. **Conclusion.** The characteristic features of the Church and the state which, with the help of information

resources and technologies, are trying to resist the negative consequences of globalization and Westernization, are highlighted and described. The ways of solving these problems are outlined. It is emphasized that the hierarchy of the Russian Orthodox Church and the state authorities are interested in consolidating efforts aimed at resolving the numerous social contradictions that exist in the information space today.

Keywords: state power, Russian Orthodox Church, informatization of society, information sphere, globalization

For citation: Golik M. N. Overcoming the consequences of globalization on the example of the interaction of the state and the Russian Orthodox Church in the information sphere. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 264–268 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-264-268>, EDN: DSYYLQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня в век широкого применения информационных технологий происходит заметный отход от привычных ценностных и жизненных ориентиров, норм поведения, по которым общества веками организовывали свою жизнь. В условиях глобализации и вестернизации наука и техника, кажется, вступают в напряженное отношение с религиозными поисками. Вера и научный разум, часто противопоставляются друг другу. При анализе проблемы последствий глобализации и вестернизации в условиях информатизации общества на примере взаимодействия государства и Церкви, важно показать, что в современном постсекулярном обществе вновь остро встают религиозные вопросы и проблемы. Современное постсекулярное общество тесно связано с наукой. Вся человеческая жизнь пронизана научно-техническими технологиями и устройствами, без которых кажется немислимым дальнейшее существование человека.

Теоретический анализ

Несмотря на достаточно высокий интерес со стороны исследователей к процессу информатизации общества, к проблеме взаимодействия культур, остаются пробелы в изучении данных вопросов. Это обусловлено рядом причин: относительная новизна феномена информатизации общества; изучение влияния новых технологий на жизнь общества проводилось без выявления критериев допустимости моделирования личностных и общественных отношений с использованием этих средств в духовной жизни человека; отсутствие единой методологической и, соответственно, терминологической базы значительно осложняет исследование феномена информатизации, особенно при наличии различных культурных и, соответственно, языковых парадигм.

Русская Православная Церковь на сегодняшний день является важнейшим социальным институтом, который занимает вполне опре-

деленное место среди других религиозных организаций страны. Конституция определяет наше государство как светское, закрепляя в нем равноправный статус всех религиозных объединений перед законом [1, с. 10]. Однако в преамбуле Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» при упоминании других религий, говорится об «особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [2]. И в настоящее время большинство людей идентифицируют себя как православных, о чем убедительно свидетельствуют социологические исследования [3]. Таким образом, уравнивая в правах различные религиозные объединения, власть признает исключительную историческую роль Церкви, ее особый социальный статус среди других религиозных организаций в системе социальных институтов государства. Церковь сегодня не может развиваться вне процессов информатизации, которые пронизывают практически все сферы жизни и деятельности современного общества. Сегодня практически все конфессии, деноминации и религиозные течения вовлечены в этот процесс. С 1994 г. после возникновения рунета Церковь интегрировалась в информационную сферу. В 1997 г. был учрежден первый официальный сайт Московской Патриархии. Сегодня информатизация является неотъемлемой составляющей жизни Церкви. Идея широкого и полноценного участия Церкви в информационном поле стала активно поддерживаться не только во внутрицерковных кругах, но и в общественных.

Место Церкви в информационном пространстве связано в том числе и с преодолением негативных последствий глобализации и вестернизации. Необходимо выделить аксиологический аспект проблемы. Глобализация и вестернизация оказывают влияние на изменение традиционных ценностных установок и ориентиров в обществе. На пресс-конференции 19 декабря 2013 г. в Москве Президент РФ отметил: «...Что же касается традиционных наших ценностей,

то я действительно считаю, что мы должны обратить на это больше внимания...» [4]. Многие иерархи критикуют европейские либеральные ценности, которые принимает современная молодежь. Именно поэтому Церковь и государство для противостояния этим тенденциям выделяют в качестве основополагающего условия необходимость аксиологического насыщения информационного пространства нравственной событийностью. Под «нравственной событийностью» следует понимать совокупность информации, сведений и событий в интернет-пространстве, позволяющих транслировать традиционные духовно-нравственные ценности. Это насыщение может быть осуществлено с помощью интеграции аксиологических принципов в содержание конкретных веб-сайтов, YouTube-каналов, социальных сетей и пр.

Еще одно направление противостояния последствиям глобализации является проблема «Восток–Запад» и, в частности, восприятие Европы как «другого» России [5, с. 3]. Те западные ценности, которые пытаются проникнуть на русскую почву и утвердиться, встречают сопротивление отечественных традиционных ценностей. Вестернизация сегодня олицетворяется многими с такими негативными тенденциями, как стремление к однополярности мира, трансляция ЛГБТ-ценностей, секуляризация, ведущая к упадку религиозности и духовно-нравственного развития общества и пр. [6, с. 253]. Информационное поле, а именно западные социальные сети, YouTube-каналы и веб-сайты транслируют эти ценности. С другой стороны, государство и Церковь противопоставляют западным информационным ресурсам свои собственные, где транслируются классические отечественные ценности: защита традиционной семьи и ее ценностей, патриотизм, альтруизм, приоритет духовного над материальным, взаимоуважение, созидательный труд и пр. Противоположную позицию по отношению к традиционным ценностям занимает Запад, где господствует либерализм, а также приоритет материального над духовным. Западная культура постепенно удаляется от христианского исторического опыта в погоне за идеалами либерализма [7, с. 123].

Довольно сложной проблемой является разрешение диалектики: «традиционность–информатизация». Государство и Церковь положительно оценивают направления развития информации, нацеленные на формирование традиционных ценностей, культуры, духовных установок и тенденции к многополярности мира

[8, с. 8–10]. Традиционность, которая защищается государством и Церковью сегодня, в России не сводится к воссозданию антикварного антуража, каких-либо формальных ритуалов, копирующих жизнь в «прежние счастливые времена» [9, с. 54]. Важно, определить инвариантные ориентиры, по которым осуществлялось строительство личностных и общественных отношений в предыдущие поколения. Обнаружение важных жизненных ориентиров, ценностей дает сегодня возможность использовать опыт более чем тысячелетней истории православного государства – такое направление развития общества предлагает Русская Православная Церковь [10, с. 133]. Свидетельством этому служит, например, содержание новостной ленты на официальном сайте Московской патриархии (patriarchia.ru), онлайн-телеканал «Царьград» (tsargrad.tv) или, например, православная социальная сеть «Елицы» (elitsy.ru). Государство отводит особую роль Православной Церкви, признавая защиту ею традиционных духовных ценностей, которая она транслирует на своих информационных ресурсах, тем самым, противостоя негативным последствиям глобализации. Это возлагает на нее особую ответственность за консолидацию сил, адаптацию исторического опыта к новым условиям, за нравственное состояние всего общества, особенно в информационном пространстве.

Диалектический аспект поставленной проблемы можно свести к следующему тезису: с одной стороны, сложившийся сегодня духовно-нравственный кризис вызван глобализацией и вестернизацией, которые связаны с информатизацией общества; с другой стороны, информатизация настолько пронизывает все области жизни и деятельности как Церкви, так и государства, что пренебрежение ее ресурсами в деле церковного служения и политической деятельности сегодня невозможно [11, с. 352]. Важно продемонстрировать то, как Церковь и государство с помощью информационных ресурсов и технологий пытаются противостоять негативным последствиям глобализации и вестернизации.

Большинство политических деятелей, начиная от губернаторов, заканчивая президентом ведут диалог с церковными иерархами на различных информационных площадках, тем самым открыто выступая за коммуникацию со священноначалием. Как различные представители государственной власти высказываются в церковных СМИ (например, на телеканалах «Союз», «Спас», YouTube-каналах «Парсуна», «Серафим» и пр.), так и церковные деятели часто

выступают в светских СМИ (например, федеральная телевизионная программа «60 минут», «Соловьев» и пр.). Здесь Церковь и государство не просто противодействуют негативным последствиям глобализации и вестернизации в интернет-пространстве, но и противопоставляют им подлинные аксиологические ориентиры.

Важное значение здесь играет налаживание дипломатических отношений. Наглядным примером служит ОВЦС (Отдел Внешних Церковных Связей), который называется М. Л. Мчедловым «мозговой центром Московского Патриархата» [12, с. 113]. Отдел организует и освещает на официальном сайте ряд важных медийных мероприятий, связанных с диалогом между священноначалием Русской Православной Церкви и представителями различных конфессий, религий и деноминаций [13, с. 244]. На этих мероприятиях обсуждаются проблемы влияния глобализационных процессов на жизнь общества, выясняются возможные методы противостояния этим процессам.

Сайт Московской Патриархии обладает удобным интерфейсом и четкой структурой. Многие его разделы представляют собой средства демонстрации имеющихся сегодня вызовов информационного пространства. На сайте представлены проповеди и доклады церковного предстоятеля. В контексте рассматриваемой темы необходимо обратиться к речи патриарха Кирилла, произнесенной им в 2018 г. на XXII Всемирном русском народном соборе, где он обозначил основные проблемы глобализации, дав им критическую оценку [14, с. 65]. Эта позиция была поддержана Президентом Российской Федерации В. В. Путиным и правящей элитой. Среди главных негативных проявлений глобализации были выделены агрессивный секуляризм и трансгуманизм.

На повестке дня Церкви и государства стоит проблема обработки и регламентации информационных потоков. Церковь и государство объединяют усилия для противодействия информационным кампаниям как следствию глобализации и для распространения достоверной информации в современном мире. И сегодня Запад делает все для того, чтобы установить за собой монополию на глобальный манипулятивный информационный порядок [15, с. 15]. Поэтому Церковь и государство должны избирать корректные и эффективные методы противостояния процессам глобализации и вестернизации, противопоставляя последним подлинные ценности и ориентиры.

Заключение

Церковь и государство всячески заинтересованы в консолидации усилий, направленных на разрешение многочисленных социальных противоречий, имеющихся сегодня в информационном пространстве. Церковь и государство сосредотачивают усилия для преодоления следующих последствий глобализации и информатизации: защита традиционных духовных ценностей (семейные ценности, патриотизм, служение Отечеству, любовь, альтруизм, преваляирование духовного над материальным) вопреки западным либеральным ценностям (ЛГБТ-ценности, эгоизм, потребительство, преваляирование материального над духовным, секуляризация, трансгуманизм). Синергичные взаимоотношения Церкви и государства в информационном поле развиваются в свете диалектики «Восток–Запад» и восприятия Запада как «другого» русской культуры. Государство и Церковь являются активными пользователями имеющихся сегодня информационных ресурсов и технологий, оказывая значимое влияние на их развитие.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. М.: Омега-Л., 2022. 89 с.
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения 03.09.2023).
3. Церковь и общество // Официальный сайт Московской патриархии. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/156223.html> (дата обращения: 03.09.2023).
4. Пресс-конференция Владимира Путина 19 декабря 2013 г., Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19859> (дата обращения: 03.09.2023).
5. Семиконов Д. В., Захряпин А. А. Европа как «другой» русского историософского сознания: от средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, № 1 (34). С. 1–16. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-1-11>
6. Ковалев А. А. Вестернизация как угроза российскому национальному менталитету в контексте защиты национальной безопасности государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 252–257. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-252-257>
7. Андреева Л. А., Смирнов М. Ю., Щербаков В. П. Процесс дехристианизации в Европейском Союзе // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 120–130. <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018120130>

8. Абдулатипов Р. Г. Традиционная культура и человек информационной эпохи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 3. С. 8–15.
9. Капишин А. Е. О понятии «Традиционное общество» в социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2006. № 2. С. 53–66.
10. Хлякин О. С. К вопросу о связи вестернизации с не-традиционной религиозностью в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 20. С. 130–136.
11. Тетюшкина С. А. Вестернизация как социокультурное явление // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 350–356.
12. Мchedlov M. L. Роль религии в идейно-политической самоидентификации // Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: Наука, 2005. С. 291–302.
13. Тихон (Васильев), иером. Тихон. Особенности православной миссии в информационном пространстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 4. С. 241–249.
14. Алексеев С. В., Скочиков А. К., Шумилов А. В. Дискурс глобализации в РПЦ // PolitBook. 2021. № 3. С. 58–68.
15. Ашенова С. В. Глобализация СМИ и национальные медиа // Медиапространство региона: история и перспективы развития. 2017. № 4. С. 13–19.
- University], 2021, vol. 9, no. 1 (34), pp. 1–16 (in Russian). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2021-9-1-11>
6. Kovalev A. A. Westernization as a threat to the Russian national mentality in the context of the protection of state national security. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*, 2022, no. 4, pp. 252–257 (in Russian). <https://doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-4-252-257>
7. Andreeva L. A., Smirnov M. Yu., Shcherbakov V. P. The process of de-Christianization in the European Union. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*, 2018, no. 5 (84), pp. 120–130 (in Russian). <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope52018120130>
8. Abdulatipov R. G. Traditional culture and the man of the information age. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*, 2010, no. 3, pp. 8–15 (in Russian).
9. Kapishin A. E. On the notion of “Traditional society” in social sciences. *Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*, 2006, no. 2, pp. 53–66 (in Russian).
10. Khlyakin O. S. To the question of the connection of Westernization with non-conventional religious traditions in Russia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies]*, 2017, vol. 20, pp. 130–136 (in Russian).
11. Tetyushkina S. A. Westernization as a socio-cultural phenomenon. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya [Socio-humanitarian Knowledge]*, 2010, no. 1, pp. 350–356 (in Russian).
12. Mchedlov M. L. The role of religion in ideological and political self-identification. In: *Rossiyskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii. Opyt sotsiologicheskogo analiza [Gorshkov M. K., total ed. Russian Identity in the Context of Transformation. The Experience of Sociological Analysis]*. Moscow, Nauka, 2005, pp. 291–302 (in Russian).
13. Tikhon (Vasiliev), hier. Tikhon. Specifics of Orthodox mission in the media. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 241–249 (in Russian).
14. Alekseev S. V., Skovikov A. K., Shumilov A. V. The discourse of globalization in the Russian Orthodox Church. *PolitBook [PolitBook]*, 2021, no. 3, pp. 58–68 (in Russian).
15. Ashenova S. V. Globalization of mass media and national media. *Mediaprostranstvo regiona: istoriya i perspektivy razvitiya [The media space of the region: History and prospects of development]*, 2017, no. 4, pp. 13–19 (in Russian).

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Moscow, Omega-L., 2022. 89 p. (in Russian).
2. Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 “On Freedom of Conscience and on Religious Associations”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (accessed September 3, 2023) (in Russian).
3. Church and Society. *Ofitsialnyy sayt Moskovskoy patriarkhii* (Official website of the Moscow Patriarchate). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/156223.html> (accessed September 3, 2023) (in Russian).
4. *Press-konferentsiya Vladimira Putina 19 dekabrya 2013 goda, Moskva* (Vladimir Putin’s press conference on December 19, 2013, Moscow). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19859> (accessed September 3, 2023) (in Russian).
5. Semikopov D. V., Zakhryapin A. A. Europe as the “other” of the Russian historiosophical consciousness: From the Middle Ages to modernity. *Vestnik Mininskogo universiteta [Bulletin of the Mininsky*

Поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 269–273

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 269–273

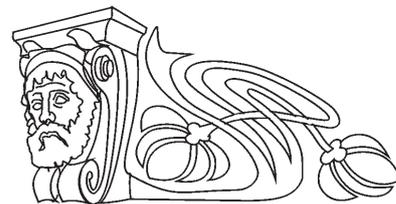
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-269-273>, EDN: GJAMUO

Научная статья

УДК [316.75:1](470+571)|2012/2023|

Реидеологизация российского общества: основные тезисы философской позиции

Н. В. Гришечкина¹, И. В. Суслов²✉

¹Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гришечкина Наталья Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0766-9121>

Сулов Иван Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Цифра», suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Аннотация. Введение. В начале XXI в. наблюдается постепенное возрождение интереса к реидеологизации политического и культурного пространства страны. Цель данной статьи заключается в систематизации и анализе философских взглядов на процессы реидеологизации, которые происходили в России в период с 2012 по 2023 г. *Теоретический анализ* позволил утверждать, что философское сообщество продемонстрировало разнообразные реакции на активные процессы реидеологизации в России, поддерживаемые государством с 2012 г. С одной стороны, выдвигаемые предупреждения о репрессивном характере тотальной идеологии. С другой стороны, философы искали формы участия в обсуждении общенациональных вопросов и определения будущего развития страны. Особое внимание уделялось таким концепциям будущего, как гуманизм, культура и коммунитаризм. Некоторые философы, отказываясь от обсуждения идеологии, заняли позицию эскапизма, стремясь к свободе в своем собственном бытии, вне влияния общества или какой-либо конкретной идеологии. **Заключение.** Трансформации привычных представлений об идеологии открывают новые ракурсы для философской саморефлексии. Дискуссии о необходимости «ухода» от обсуждения политических проблем и идеологической конфронтации вызывают «кризис философской идентичности» и одновременно представляют собой важный эпистемологический вызов.

Ключевые слова: идеология, реидеологизация, философия и государство, идеологический консенсус, общественная консолидация, философское сообщество

Для цитирования: Гришечкина Н. В., Сулов И. В. Реидеологизация российского общества: основные тезисы философской позиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 269–273. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-269-273>, EDN: GJAMUO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reideologization of Russian society: The main theses of the philosophical position

N. V. Grishechkina¹, I. V. Suslov²✉

¹V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachiya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia V. Grishechkina, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0766-9121>

Ivan V. Suslov, suslov85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Abstract. Introduction. At the beginning of the XXI century there is a gradual revival of interest in the re-ideologization of the political and cultural space of the country. The purpose of this article is to systematize and analyze philosophical views on the processes of re-ideologization that took place in Russia in the period from 2012 to 2023. *Theoretical analysis* allowed us to argue that the philosophical community has demonstrated a variety of reactions to the active processes of re-ideologization in Russia supported by the state since 2012. On the one hand, warnings were put forward about the repressive nature of total ideology. On the other hand, philosophers sought ways to participate in the discussion of national issues and determine the future development of the country. Particular attention was paid to concepts of the future such as humanism, culture, and communitarianism. Some philosophers, refusing to discuss ideology, have adopted a position of escapism,

seeking freedom in their own being, outside the influence of society or any particular ideology. **Conclusion.** Transformations of habitual ideas about ideology open new angles for philosophical self-reflection. Discussions about the necessity of “withdrawal” from the discussion of political problems and ideological confrontation cause a “crisis of philosophical identity” and at the same time represent an important epistemological challenge.

Keywords: ideology, re-ideologization, philosophy and the state, ideological consensus, social consolidation, philosophical community

For citation: Grishechkina N. V., Suslov I. V. Reideologization of Russian society: The main theses of the philosophical position. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 269–273 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-269-273>, EDN: GJAMUO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Тезис о необходимости деидеологизации общественной жизни, официально утвержденный в Конституции 1993 г., доминировал в российском научном дискурсе в течение первого постсоветского десятилетия. Однако в начале XXI в. происходит постепенное укрепление позиций сторонников реидеологизации политического и культурного пространства России.

Оживленные научные дискуссии о важности идеологии в общественной жизни начинаются во втором десятилетии XXI в. А. В. Рубцов отмечает, что идеологический уклон в сторону осторожной идеократии произошел в 2010–2011 гг. Прогрессивный модернизм быстро уступил место традиционализму с акцентом на уникальную духовность и моральные ценности. Изменился и язык идеологии: такие понятия, как модернизация, инновация, экономика знаний, человеческий капитал, были заменены духовностью, традициями, скрепами, идентичностью и культурными кодами [1].

Целью настоящей статьи является фиксация содержания и структуры философской позиции по поводу разворачивающихся в последнее десятилетие (2012–2023) процессов реидеологизации. В оптике исследования находятся статьи ведущих российских ученых, которые по данным elibrary.ru (библиометрической системы) были удостоены наибольшего количества цитирований.

Теоретический анализ

Философское сообщество продемонстрировало различные реакции на активно поддерживаемые государственной властью с 2012 г. процессы реидеологизации России. С одной стороны, А. А. Кара-Мурза отмечает риски тотализации идеологии, а также придание ей репрессивного характера в тех странах, где отсутствует независимое гражданское общество [2].

Э. А. Соловьев указывает на такие инструменты идеологического манипулирования, как разжигание недоверия, формирование образа врага, поощрение бдительности, а также использование геополитических мифов, межнациональной нетерпимости и исторических спекуляций. Философским ответом на эти идеологические угрозы должна стать культура скептицизма при проверке ожиданий и надежд, четкое различие программы и идеала (цели), а также дальнейшее развитие концепции открытой истории [3].

С другой стороны, философы вели поиск способов и форм участия в процессе обсуждения таких общенациональных вопросов, как организация государства, формирование идеологии и выбор оптимального направления дальнейшего развития страны. Например, В. Н. Шевченко пишет о потенциальных возможностях, связанных с развитием публичной философии и широкой популяризацией в обществе социально-политических идеалов интеграции [4].

Популярными становятся призывы к поиску национальной идеи – основополагающей сущности нации на определенном этапе ее исторического развития, единственной и важнейшей чертой национального бытия, отражающей стремление к единству и целостности национального государства.

Философы, не желающие обсуждать идеологию, заняли третью позицию, которая может быть охарактеризована как философский эскапизм, предполагающий поиск свободы в глубинах своего собственного существования, вне пределов разума, общества или какой-либо идеологии. В. М. Межуев считал, что философия все больше принимает характер интеллектуального общения между отдельными личностями, начиная восприниматься как своего рода индивидуальная (или для узкого круга близких) идеология [5].

Таким образом, политическая идеология выводится за пределы философского исследования. Данная позиция, безусловно, соблазнительная для аполитичной части философского

сообщества, оказалась на периферии современного российского научного дискурса. Несомненно, идеология сужает разнообразие мыслей и духовных переживаний, ограничивая их одной единственной «правдой» или «голосом», формируя общепринятый стиль мышления, но при этом выражая лишь ограниченную точку зрения. Именно поэтому критика идеологии в конечном итоге приводит лишь к формальному разнообразию мыслей, к радикальному разделению мира на непримиримо противоположные системы идей, что влечет за собой осуждение универсального человеческого опыта. Однако, замечает П. С. Гуревич, не мешает ли «критика идеологии» развернуть полноценный духовный диалог, заменяя его множеством автономных голосов? [6].

Работа по поиску идеологии для России активизировалась в середине второго десятилетия XXI в. В российском социально-философском дискурсе были обозначены несколько практических предложений, которые выходили за позиции традиционного разделения идеологических систем на либеральные, социалистические и консервативные. Заметного обсуждения удостоились такие идейные основы российского будущего, как *гуманизм*, *культура* и *коммуитаризм*.

1. *Гуманизм*. Появление индустриального общества, писал Ю. А. Красин, породило необходимость свободы личности и способствовало формированию идеологии гуманизма. Современный переход к инновационной модели общественного развития вызывает потребность в креативности, в индивидуальном творчестве и, следовательно, в продвижении новой метаидеологии гуманизма, которая должна стать нравственным идеологическим фундаментом для мировой политики компромиссов, способной объединить в себе единство глобального мира [7].

С. И. Мозгилин также подчеркивает, что отсутствие общей идеологии, которая бы поддерживала гуманистические ценности, способствует ухудшению моральной ситуации в современном обществе, что приводит к снижению уровня самодисциплины, поддерживаемой внутренними убеждениями [8].

2. Идейную основу в *российской культуре* предлагает искать А. Л. Маршак [9]. Богатая наследием различных народов российская культура, считает он, представляет собой сильное консолидирующее начало для возникновения новой идеологии, отражая многовековые достижения в различных сферах творчества – от

устного народного до зодчества и живописи, от литературы и фольклора до быта и образа жизни. Новая идеология должна объединять всех граждан, но не в форме прежнего идеологического монополизма и доминирования, а одновременно имея общегосударственный характер, сопровождаться интеллектуальной консолидацией общества.

3. Иной подход к идеологическому консенсусу предлагается Л. Г. Фишманом. Предполагается достижение согласия относительно общих критериев социальной принадлежности и получение вознаграждения за социальную активность, выраженную в участии в общественных делах с учетом ограниченных возможностей занятости в традиционном производстве материальных благ и услуг [10]. Этот подход, возможно, усилит влияние *коммуитаризма* (как альтернативы неолиберализму), основанного на ценностях общего блага, и призывающего к участию в общественной жизни.

О серьезном внимании философского сообщества к проблемам реидеологизации общественной жизни свидетельствует проведение 1 марта 2018 г. в Институте философии РАН круглого стола под названием «Философия и идеология: иллюзия деидеологизации», который стал продолжением обсуждений на общекруглом семинаре, начавшихся двумя годами ранее [11]. Обсуждение показало, что идеология обладает высокой подвижностью и разнообразием, что соответствует динамике современной общественной жизни. Объединение усилий исследователей из различных областей знания позволит прогнозировать процессы трансформации идеологии, делая ее более понятной и открытой (а не только репрессивной) для возможной социальной инсталляции.

Заключение

Часть философов сегодня признают необходимость взаимодействия с государством в вопросе создания национальной идеологии. Например, при разработке будущего проекта для России А. Л. Никифоров предлагает отказаться от принципов либерализма и капитализма, ориентированных на прибыль, в пользу новой коллективистской идеологии, предполагающей ограничение частной собственности и рыночных отношений. Главной задачей российской философии в настоящее время исследователь считает создание нового социального проекта, который придаст жизни людей глубокий смысл [12].

По мнению Ю. М. Резника, философия взаимосвязана с государством тремя способами: она получает от него финансирование, подчиняется его стандартам и регламентации и в свою очередь формирует идеалы государства в соответствии с культурными традициями. Основная задача философов, таким образом, заключается в обосновании культурной и цивилизационной миссии России в современном мире [13]. Россия нуждается в конкретизированной государственной идеологии, добавляет Л. А. Мусаелян, которая выражает интересы страны и привлекательна для молодежи. Эти новые ценности и идеалы должны отражаться в образовательной системе [14].

Однако процессы реидеологизации другая часть философов встречает с откровенным скепсисом. На международной конференции, посвященной 100-летию «Философского парохода», А. А. Гусейнов предлагает рассматривать «изгнание философов» как исторический эксперимент, неудача которого показала, что попытка полного слияния философии и идеологии приводит к краху [15]. Возвращение «Философского парохода» подчеркивает важность создания пространства для духовной жизни, которое не допускает превращения какого-либо философского учения в государственную идеологию.

Философское сообщество принимает участие в дискуссиях, которые в совокупности с происходящими общественными процессами предлагают вызов (призыв к саморефлексии), требуя занятия определенной позиции. Однако, как подметили А. В. Логинов и Д. В. Руденкин, философия сталкивается с противоречием между желанием описать идеологию с использованием привычного языка крупных и связанных проектов (консерватизм, либерализм, социализм), и отсутствием объекта для такого описания [16]. Тезис об «ухуде» идеологической борьбы с традиционных политических арен вызывает «кризис идентичности» в философии. Этот методологический крах ставит теорию идеологии перед серьезными вызовами. Изменение и расплывчатость привычного образа идеологии представляют собой возможность начала переосмысления философской миссии.

Список литературы

1. Рубцов А. В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 66–75. <https://doi.org/10.7868/S0042874418060055>
2. Кара-Мурза А. А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 27–44.
3. Соловьев Э. Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. № 4 (16). С. 5–17.
4. Шевченко В. Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 5–18.
5. Межуев В. М. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4 (17). С. 171–180. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>
6. Гуревич П. С. Философская экспертиза идеологии // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 1. С. 8–26. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-8-26>
7. Красин Ю. А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С. 34–59.
8. Мозжилин С. И. Совесть и идеология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 148–152. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>
9. Маршак А. Л. Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 503–512. <https://doi.org/10.223.63/2313-2272-2017-17-4-503-512>
10. Фишман Л. Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 3 (82). С. 116–129.
11. Сыродеева А. А. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207–217. <https://doi.org/10.31857/S004287440000243-2>
12. Никифоров А. Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 3. С. 82–95. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95>
13. Резник Ю. М. Должна ли философия служить государству? // Вестник Российского философского общества. 2022. № 3/4. С. 6–42.
14. Мусаелян Л. А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 3. С. 349–364. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>
15. Гусейнов А. А. Философия и идеология (к столетию «Философского парохода») // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 5–13. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-5-13>
16. Логинов А. В., Руденкин Д. В. Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. № 2. С. 341–355. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.211>

References

1. Rubtsov A. V. The illusions of the deideologization. Between rehabilitation of the ideological and ban on nationalization of ideology. *Voprosy filosofii*, 2018, no. 6, pp. 66–75 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0042874418060055>
2. Kara-Murza A. A. How ideas turn into ideologies: The Russian context. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2012, no. 2 (9), pp. 27–44 (in Russian).
3. Soloviev E. Yu. Philosophy as critique of ideologies. Part I. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2016, no. 4, pp. 5–17 (in Russian).
4. Shevchenko V. N. Why does society need public philosophy? *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2014, no. 1 (12), pp. 5–18 (in Russian).
5. Mezhev V. M. Philosophy as an ideology. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2017, vol. 10, no. 4, pp. 171–180 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>
6. Gurevich P. C. Philosophical examination of ideology. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2018, no. 1, pp. 8–26 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-8-26>
7. Krasin Yu. A. Ideological pluralism and meta-ideology of new humanism. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2015, no. 1 (12), pp. 34–59 (in Russian).
8. Mozhilin S. I. Conscience and ideology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 148–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>
9. Marshak A. L. Culture as a basis of contemporary Russian ideology: Challenges and prospects. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2017, vol. 17, no. 4, pp. 503–512 (in Russian). <https://doi.org/10.223.63/2313-2272-2017-17-4-503-512>
10. Fishman L. G. The decline of the “labor society”: Modern ideological constellation. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)* [Politya: Analysis. Chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)], 2016, no. 3 (82), pp. 116–129 (in Russian).
11. Syrodeeva A. A. Philosophy and ideology: Illusion of the deideologization (review of the “round table”). *Voprosy Filosofii*, 2018, no. 7, pp. 207–217 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440000243-2>
12. Nikiforov A. L. What kind of future is humanity facing? *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2021, vol. 14, no. 3, pp. 82–95 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95>
13. Reznik Yu. M. Should philosophy serve the state? *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 2022, no. 3–4, pp. 6–42 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/1606-6251-2022-3/4-6-42>
14. Musaelyan L. A. A philosopher's anxious reflections on modern social life and some problems of education in the era of total digitalization. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Vestnik of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, no. 3, pp. 349–364 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>
15. Huseynov A. A. Philosophy and ideology (to the centenary of the «Philosophical steamer»). *Voprosy filosofii*, 2023, no. 9, pp. 5–13 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-9-5-13>
16. Loginov A. V., Rudenkin D. V. Neither conflict nor concord: Performing ideology in contemporary Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint. Petersburg University. Philosophy and Conflictology], 2020, no. 2, pp. 341–355 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.211>

Поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 14.04.2024;
принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 14.04.2024;
accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–278

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 274–278

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-274-278>, EDN: GUOOLG

Научная статья

УДК 316.347:159.923.2

К вопросу о понятии национальной идентичности

В. С. Ерохин

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3

Ерохин Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, v.s.erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается национальная идентичность как социально-политический феномен. Исследуемая проблема состоит в концептуальной неясности содержания понятия «национальная идентичность», значительных расхождениях в его трактовке. **Теоретический анализ.** Целью работы является анализ содержания обозначенного понятия и изучение существенных его признаков. Использование логического и критического методов позволяет раскрыть двуединую его природу. Теоретическая значимость работы состоит в концептуальном анализе научного понятия «национальная идентичность». **Заключение.** Научная новизна заключается в формировании авторской трактовки понятия «национальная идентичность»: она есть результат достижения устойчивой взаимосвязи человека и национальной общности, приобретение им совокупности признаков, позволяющих осознать человеку свою принадлежность к идеалам, нормам и принципам существования нации. Формируется образ коллективного «мы», поддерживаемый институтом государства. Политическая сторона национальной идентичности объективирует свойства нации как коллективного «мы». Двуединая природа национальной идентичности включает в себя сочетание деятельности государственных институтов и свободной, активной природы человека как гражданина. Представленное понимание национальной идентичности может быть использовано в процессе формирования и практической реализации государственной политики идентичности.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, двойственная природа национальной идентичности, идентичность, воображаемые сообщества

Для цитирования: Ерохин В. С. К вопросу о понятии национальной идентичности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–278. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-274-278>, EDN: GUOOLG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

To the issue of the concept of national identity

V. S. Erokhin

Saratov State Law Academy, 104, build 3, Chernyshevskogo N.G. St., Saratov 410056, Russia

Vladimir S. Erohin, v.s.erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4257-5529>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of national identity as a socio-political phenomenon. The problem under study is the conceptual ambiguity of the content of the concept of «national identity», significant discrepancies in its interpretation. **Theoretical analysis.** The purpose of the work is to analyze the content of this concept and to study its essential features. The use of logical and critical methods in the analysis of the concept of «national identity» allows us to identify its important features and analyze its dual nature. The theoretical significance of the work consists in the conceptual analysis of the scientific concept of «national identity». **Conclusion.** The scientific novelty lies in the formation of the author's interpretation of the concept of «national identity»: it is the result of achieving a stable relationship between a person and a national community, the acquisition of a set of signs that allow a person to realize his belonging to the ideals, norms and principles of the existence of the nation. The image of a collective «we» is being formed, supported by the institution of the state. The political side of national identity objectifies the properties of the nation as a collective «we». The dual nature of national identity includes a combination of the activity of state institutions and the free, active nature of a man as a citizen. The presented understanding of national identity can be used in the process of formation and practical implementation of the state identity policy.

Keywords: nation, national identity, dual nature of national identity, identity, imaginary communities

For citation: Erokhin V. S. To the issue of the concept of national identity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 274–278 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-274-278>, EDN: GUOOLG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В философской, политической и иной литературе отмечается, что понятие «идентичность» выражает процесс самоотождествления с тем или иным образом, который, признается постоянным [1]. Свойство неизменности в течение длительного времени, таким образом, дает возможность проводить отождествление с образцом в любой момент. Словарный вариант толкования понятия «идентичный» выражает значение тождественности, схожести. Энциклопедическая трактовка понятия «идентичность» предполагает его понимание как отношения, выражающего способность атрибутировать конкретному субъекту определенные качества.

В научной литературе высказывается идея о междисциплинарной природе понятия «идентичность». Проведенный З. А. Жаде и М. Н. Губогло анализ результатов различных исследований приводит к мысли о многоуровневом и крайне важном статусе проблемы идентичности [2, 3], одним из проявлений которого можно считать изучение природы национальной идентичности. Ведутся споры о выявлении сущности понятия «национальная идентичность». Расхождения во мнениях состоят в выделении политических и этно-культурных оснований данного понятия. Одни ученые считают, что данное понятие должно быть сведено к политическим основаниям, в рамках которых государственные структуры определяют вектор развития данного вида идентичности [4]. Другие высказывают мнение о том, что данный вид идентичности должен быть сведен к совокупности этно-культурных свойств социальной группы [3].

Теоретический анализ

В самом общем виде под национальной идентичностью В. В. Титов предлагает понимать «устойчивую взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемый посредством института государства и политико-культурной традиции государственности» [4, с. 43]. Отмечается принципиальная значимость политической составляющей, выражающей совокупность эффективных свойств социальной группы.

Высказывается мнение о том, что сведение национальной идентичности к этническим ос-

нованиям и включение в содержание данного понятия национальности как свойства человека, принадлежащего определенной социальной группе, нецелесообразно, поскольку это избыточно расширяет содержание данного понятия и не дает возможность предлагать однозначного определения национальной идентичности.

Вызывает интерес тот факт, что данный вид идентичности представляет собой результат процесса идентификации с так называемым «воображаемым» социально-политическим сообществом [5, с. 19]. Человек мыслит себя как часть большой соответствующей общности, приписывает себе единые свойства, отражающие содержание данной социальной группы. Таким образом, определяется статическая сторона изучаемого понятия осознанием человека как гражданина своего членства в определенной нации как воображаемом сообществе. Национальная идентичность в таком случае мыслится как продукт государственной политики идентичности и по этой причине ее следует изучать, рассматривать в стратегическом измерении. Ценным можно считать комплекс внутренних и внешних факторов, которые позволяют сформировать государству все многообразие представлений о «своей» нации как воображаемом сообществе.

Таким образом, динамическая природа национальной идентичности предполагает использование всех ее форм для создания образа «своего» и «чужого», а также для того, чтобы сконструировать концептуальное основание для эффективного психологического восприятия отдельным человеком собственной принадлежности к большой социально-политической группе. Кроме того, формирование образа, заключенного в воображаемых сообществах, и основанной на нем национальной идентичности дает возможность интегрировать отдельного человека в систему макросоциальных идентичностей, что приводит к способности и возможности ориентаций в макрополитике.

Кроме того, ученые, в частности И. С. Семенов [6], отмечают, что структурное и функциональное понимание национальной идентичности включают в себя совокупность ориентаций на страну (в первую очередь – территорию), государство (как совокупность политических институтов и символов) и нацию. Такое единство представляет собой основание, которое дает возможность сформировать повседневный коллективный и персональный социальный

опыт. Последний оказывает принципиальное влияние на формирование политически значимых представлений, а также ориентаций целого сообщества на народ и государство.

Национальную идентичность следует трактовать через понятие «нация», в котором отражается государственная составляющая сообщества. Предполагается выделение конкретных оснований, позволяющих соотнести отдельного человека и целую социальную группу с идеалами, нормами и принципами нации. Указывается необходимость такого соотнесения, в рамках которого обозначается множество способов существования, характерных для конкретного национального образования.

Кроме того, в рамках представленного понимания национальной идентичности отражается факт необходимости принятия человеком или группой людей конкретных ценностных структур, позволяющих сформировать мировоззрение данной социальной группы. Таким образом, становятся возможными выявление и формирование национальной идентичности не только на уровне формальных структур, но и ее описание с точки зрения идеологических (говоря шире – мировоззренческих) оснований коллективного и индивидуального бытия.

Логично полагать, что национальная идентичность позволяет выразить принадлежность человека или социальной группы к «народу», важнейшим признаком которого является признание его как нации. Последняя обладает совокупностью признаков, сводящей ее именно к единой политической структуре. К. Аршин, анализируя понятие «нация», указывает, что, начиная с XV в., свойство политического единства мыслится различными учеными как одно из определяющих свойств данного социально-политического феномена.

Более того, в трудах мыслителей XVIII в., как утверждает К. Аршин [7], нация стала отождествляться с совокупностью именно государственных структур. В этой связи необходимо сделать значимый акцент на понимание нации как социально-политического феномена: она суть выражение способности группы к отождествлению себя с государством и иными политическими структурами, входящими в его состав.

Значимым становится не только и не столько наличие самого факта тождества нации с определенным государственным состоянием, но и способность нации к формированию определенного юридически закрепленного способа

организации политических структур. Нация как совокупность граждан государства, таким образом, оказывается не только подчиненной действующей политической системе, но и влияющей на ее организацию и заинтересованной в таком процессе. Подобная заинтересованность позволяет отграничить нацию от всех других социальных, политических и государственных феноменов и общностей.

Представленная логика опирается на известную договорную концепцию происхождения государства, а также принципиальную идею И. Канта о разумности субъекта как основании формирования свойства гражданина, «автономность которого обуславливает свободу выбора «национального» и относящихся к нему особенностей почти в любой комбинации» [цит. по: 8, с. 15]. Представляется, что человеческий разум определяет возможность и способность формировать себя и все формы национального самосознания. Человек оказывается свободным в процессе формирования национальной идентичности, причем речь идет в первую очередь о том, что он выбирает ту политическую и, говоря шире, социальную, группу, членом которой хочет быть. Можно говорить о том, что гражданственность – суть выражение сущности человека, его интенций и желания формировать социальный в целом и национальный в частности мир вокруг себя. Национальность как гражданственность, таким образом, становится результатом активности самого человека, его выбора и способности формировать мир вокруг себя.

Актуализация представленных идей в современности выражается в утверждении о том, что гражданское общество суть единство свободных людей, объединяющихся для решения задач, затрагивающих их интересы. Следует иметь в виду, что «люди создают коллективы сознательно, что дает возможность говорить о подлинной общности в отличие от коллективов, созданных или находящихся под контролем государства, которые в первую очередь выражают государственные интересы, а не личные. В гражданском обществе человек может свободно покинуть коллектив, не опасаясь применения против него каких-либо санкций со стороны общества или государства» [9, с. 24]. Следовательно, национальная идентичность, определяемая через свободное формирование политических институтов, становится выражением разумности и свободы человека как его фундаментальных свойств.

В рамках представленной логики указывается связь страны, общего блага, нации и народа, и, думается, что именно такие формальные политические структуры, как страна и государство, должны быть тесно связаны с нацией и входящим в ее состав народом.

Как итог следует утверждать, что содержание понятия «национальная идентичность» включает в себя множество признаков, позволяющих разграничить различные национальные общности. Необходимо отметить высокую значимость чувства общей судьбы, коллективных социальных и интеллектуальных переживаний, универсальной коллективной памяти для формирования национальной идентичности. Все представленные элементы в идеях зарубежного ученого могут считаться основанием для формирования целостного конструкта коллективного «мы» [10, с. 34]. Историческое измерение коллективное бытия нации следует трактовать как основание формирования целостного образа – совокупности свойств, с которой возможна реализация процедуры идентификации отдельным человеком как гражданином государства.

Национальная идентичность становится выражением единства граждан, поэтому может быть понята как результат процесса отождествления себя с коллективным субъектом. Основанием такого процесса можно считать гражданский способ существования человека, а также свободу человеческого выбора. Последний позволяет выбрать конкретному человеку общественно-политическую группу, которая выражает его интересы и интенции. Как результат формируется национальная идентичность как тождественность человека с совокупностью политических структур.

Исходя из представленной логики, следует полагать, что нация действительно категоризируется как единство людей, основанное на их совместной политической жизни. Положения, выдвигаемые представителями теории общественного договора, позволяют утверждать, что нация в своей сути ориентирована на необходимость использования ресурсов политического организма для выражения интересов каждого отдельного человека. В той или иной степени национальная идентичность связана с государственными структурами, институтами и отношениями.

Заключение

Подводя итоги, можно говорить о том, что под понятием «национальная идентичность»

следует понимать результат достижения устойчивой взаимосвязи человека и национальной общности. Предполагается наличие образа коллективного «мы», который формируется и поддерживается институтом государства через выделение и нормативное закрепление совокупности объективных свойств социальной группы. Именно политическая характеристика национальной идентичности дает возможность объективировать принципиальные свойства коллективного мы, выраженного в нации.

Включенная в понятие «национальная идентичность» совокупность признаков, критериев позволяет отдельному человеку осознать свою принадлежность к нации как целой социальной группе с ее идеалами, нормами и принципами существования. Как следствие значимым становится множество способов существования, которые характерны для конкретного национального образования.

К свойствам, относимым к содержанию понятия «национальная идентичность», следует отнести:

подчиненность субъектов, обладающих конкретной национальной идентичностью, определенной политической системе;

способность данных субъектов оказывать влияние на политическую структуру общества, а также их заинтересованность в таком влиянии;

свобода и разумность формирования политических (государственных) институтов.

Национальная идентичность имеет двуединую природу, одна часть которой связывается с государственными, политическими институтами, а другая – со свободной и активной сущностью человека как гражданина, стремящегося достигнуть национальной самоидентичности.

Список литературы

1. Borowski E. J. Identity and personal identity // *Mind. New Series*, 1976. Vol. 85, № 340. P. 481–502.
2. Жаде З. А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // *Философия и общество*. 2007. № 2. С. 173–185.
3. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003. 764 с.
4. Тумов В. В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 1. С. 42–54.

5. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. № 1 (69). С. 19–26.
6. Семенов И. С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
7. Аршин К. Нация // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 2. С. 103–116. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-103-116>
8. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. Понятие «политической нации» и «этнически фреймированные» конфликты в экономической парадигме политического // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 13–18. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.1>
9. Евтушенко М. В. Становление гражданского общества в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 2. С. 21–28.
10. Горский В. Парадоксы исторического сознания современной культуры // Мировоззрение и духовное творчество. Киев : Наукова думка, 1993. С. 34–51.
4. Titov V. V. National and state identity as a space for political senses and images. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University (TulGU). Humanitarian Sciences], 2017, no. 1, pp. 42–54 (in Russian).
5. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge, Mass., London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2007, pp. 171–176 (Russ. ed.: Teilor Ch. *Chto takoe sotsial'noe voobrazhaemoe? Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i culture*, 2010, no. 1 (69), pp. 19–26).
6. Semenenko I. S. *Grazhdanskaya identichnost' kak resurs natsional'nogo razvitiya* (Civic identity as a resource of national development). Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (accessed September 10, 2023) (in Russian).
7. Archshin K. Nation. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2018, vol. 4, no. 2, pp. 103–116 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-103-116>
8. Alaverdyan A. L., Maltsev K. G. The concept of a political nation and ethnic-framed conflicts in the economic paradigm of a politic. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2021, no. 5, pp. 13–18 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.1>
9. Evtushenko M. V. The formation of civil society in contemporary Russia. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2008, no. 2, pp. 21–28 (in Russian).
10. Gorskiy V. Paradoxes of historical consciousness of modern culture. In: *Mirovozzrenie i dukhovnoe tvorchestvo* [Worldview and spiritual creativity]. Kiev, Naukova dumka, 1993, pp. 34–51 (in Russian).

References

1. Borowski E. J. Identity and personal identity. *Mind. New Series*, 1976, vol. 85, no. 340, pp. 481–502.
2. Jade Z. A. The problem of identity in modern social theories. *Philosophiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2007, no. 2, pp. 173–185 (in Russian).
3. Guboglo M. N. *Identifikatsiya identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of Identity: Ethnosociological Essays]. Moscow, Nauka, 2003. 764 p. (in Russian).
4. Titov V. V. National and state identity as a space for political senses and images. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University (TulGU). Humanitarian Sciences], 2017, no. 1, pp. 42–54 (in Russian).
5. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge, Mass., London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2007, pp. 171–176 (Russ. ed.: Teilor Ch. *Chto takoe sotsial'noe voobrazhaemoe? Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i culture*, 2010, no. 1 (69), pp. 19–26).
6. Semenenko I. S. *Grazhdanskaya identichnost' kak resurs natsional'nogo razvitiya* (Civic identity as a resource of national development). Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (accessed September 10, 2023) (in Russian).
7. Archshin K. Nation. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2018, vol. 4, no. 2, pp. 103–116 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-103-116>
8. Alaverdyan A. L., Maltsev K. G. The concept of a political nation and ethnic-framed conflicts in the economic paradigm of a politic. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2021, no. 5, pp. 13–18 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.1>
9. Evtushenko M. V. The formation of civil society in contemporary Russia. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2008, no. 2, pp. 21–28 (in Russian).
10. Gorskiy V. Paradoxes of historical consciousness of modern culture. In: *Mirovozzrenie i dukhovnoe tvorchestvo* [Worldview and spiritual creativity]. Kiev, Naukova dumka, 1993, pp. 34–51 (in Russian).

Поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

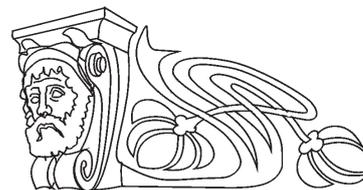
The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 279–283
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 279–283
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-279-283>, EDN: JRTAZW

Научная статья
УДК [004:316.4]:[[1:316]+141.319.8]

Индустрия 5.0 как торжество постгуманизма: от Homo Sapiens к Homo Digitalis

А. Л. Крайнов

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, проспект им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме трансформации человека в постчеловека вследствие становления пятой промышленной революции. Процессы цифровизации, свойственные индустрии 4.0 настолько прочно вошли в повседневное бытие человека, что меняют его изнутри. Взаимодействие с искусственным интеллектом и коботами формирует постчеловеческое будущее, а имплантация чипа в головной мозг создает постчеловека. **Теоретический анализ.** Феномен индустрии 5.0 связан с активным использованием робототехники и искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности человека. Особенность данной стадии промышленной революции заключается в человекоориентированности техники и установлении баланса между природой и техносферой. Тем не менее в результате данных процессов происходит утрата человеком собственного Я и статуса субъекта познания. Происходит переход от Homo Sapiens к Homo Digitalis. **Заключение.** Пятую промышленную революцию можно считать торжеством постгуманизма. Технооптимизм, вера в научно-технический прогресс и искусственный интеллект ставит под сомнение факт исчезновения человека как виновника данных феноменов. Зачем создавать постчеловеческое бытие, если человек утратит в нем свою сущность? Homo Digitalis подобен означаемому без означаемого – говорящей голове, лишенной собственного сознания и разума.

Ключевые слова: индустрия 5.0, пятая промышленная революция, постгуманизм, homo digitalis, искусственный интеллект, цифровизация

Для цитирования: Крайнов А. Л. Индустрия 5.0 как торжество постгуманизма: от Homo Sapiens к Homo Digitalis // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 279–283. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-279-283>, EDN: JRTAZW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Industry 5.0 as a triumph of posthumanism: From Homo Sapiens to Homo Digitalis

A. L. Krainov

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Andrey L. Krainov, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the problem of transformation of a man into a post-human due to the emergence of the fifth industrial revolution. The digitalization processes inherent in industry 4.0 have become so firmly entrenched in human everyday life that they change it from the inside. Interaction with artificial intelligence and cobots creates a post-human future, and implantation of a chip in the brain creates a post-human. **Theoretical analysis.** The industry 5.0 phenomenon is associated with the active use of robotics and artificial intelligence in all spheres of human activity. The peculiarity of this stage of the industrial revolution lies in the human-oriented nature of technology and the establishment of a balance between nature and the technosphere. However, as a result of these processes, a person loses his own self and the status of a subject of cognition. There is a transition from Homo Sapiens to Homo Digitalis. **Conclusion.** The fifth industrial revolution can be considered the triumph of posthumanism. Techno-optimism, faith in scientific and technological progress and artificial intelligence cast doubt on the fact of the disappearance of a man as the culprit of these phenomena. Why create posthuman existence if a man loses his essence in it? Homo Digitalis is like a signifier without a signified - a talking head, devoid of its own consciousness and intelligence.

Keywords: industry 5.0, fifth industrial revolution, posthumanism, homo digitalis, artificial intelligence, digitalization

For citation: Krainov A. L. Industry 5.0 as a triumph of posthumanism: From Homo Sapiens to Homo Digitalis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 279–283 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-279-283>, EDN: JRTAZW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Процессы цифровизации способствуют не только ускорению социального времени и серьезным изменениям общественных отношений, но и трансформации самого человека. Понятие «индустрия 5.0» подразумевает такое взаимодействие последнего с роботами, при котором все они будут полноправными субъектами социума, объединенными в единое целое искусственным интеллектом, будучи интегрированным в человека на киберфизическом уровне. Таким образом, наступит эра постчеловечества, которую воспевают представители трансгуманизма и постгуманизма в своих философских концепциях.

Значимость исследуемой проблемы подтверждается рядом прецедентов:

в 2017 г. робот-андроид София получила официальное гражданство Саудовской Аравии и тем самым приобрела права и обязанности гражданина со всеми вытекающими юридическими последствиями;

в феврале 2022 г. в России в рамках проекта Национальной технологической инициативы одобрена дорожная карта программы «Нейранет-2035», предполагающей имплантацию чипов в головной мозг человека для совершенствования когнитивных способностей;

в январе 2024 г. человек с интегрированным в головной мозг чипом Neuralink компании Илона Маска смог силой мысли управлять курсором мыши.

Данные события предвещают новую эру существования человечества и требуют философского осмысления. Понятие «постчеловек» совсем недавно являлось объектом и предметом неопределенного будущего и фигурой речи постгуманистических исследований. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что имплантация чипа в головной мозг способствует переходу человека в стадию постчеловека или киборга.

Цель исследования – проанализировать трансформацию человека и общества в условиях цифровизации.

Новизна исследования обусловлена современной тенденцией интеграции искусственного интеллекта с человеком на киберфизическом уровне.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Теоретический анализ

Понятия «индустрия 5.0» и «пятая промышленная революция» только входят в научный дискурс, так как подразумевают становление нового этапа развития общества, предполагающего интеграцию человека с роботом. С одной стороны, данный этап ознаменуется усилением роли цифровизации и робототехники во всех сферах жизнедеятельности человека и появлением множества человекоподобных коботов (роботов для совместной работы). С другой стороны, его характеристикой будет взаимодействие человека и искусственного интеллекта на киберфизическом уровне посредством чипирования головного мозга имплантом с подключением к Интернету.

Согласно Н. Н. Трофимовой для индустрии 5.0 будет характерно выполнение коллаборативными роботами под управлением искусственного интеллекта всех рутинных задач, в то время как человек будет их (коботов) контролировать и заниматься стратегическими проблемами [1, с. 35]. По мнению А. И. Северова, переход от индустрии 4.0 к индустрии 5.0 прежде всего связан с усилением роли робототехники с искусственным интеллектом в жизни человека [2, с. 359]. Если технологии «умный дом» и «Интернет вещей» являются характеристиками индустрии 4.0, то умные автономные роботы-помощники символизируют собой пятую промышленную революцию. При этом отличительной чертой индустрии 5.0, по мнению многих ученых, анализирующих данный феномен, выступает человекоориентированность и цифровое благополучие каждого человека [3, с. 35]. Е. Е. Жернов показывает контраст между индустрией 4.0 и индустрией 5.0, сравнивая первую с процессами дегуманизации общества, а вторую с направленностью на службу человечеству [4, с. 403-2]. Ю. А. Арнс и соавторы полагают, что индустрия 5.0 решит экологическую проблему, установив баланс между экологией, промышленностью и экономикой, так как в ее основе лежит биоэкономика [5, с. 15].

Приведенные восторженные прогнозы в адрес индустрии 5.0 рассматривают исключительно экономический аспект трансформации общества, не касаясь онтологии человека. Грядущая трансформация представляет собой не только инновации в экономике, но, прежде всего, эссенциальные изменения человека. Главный вопрос, который следует непременно

задать по прошествии таких изменений: «Что такое человек?». Вопрос этот не случаен и продиктован перспективой потери человеческого в модифицированном человеке эры пятой промышленной революции. Можно заключить, что это будет уже не человек, а постчеловек, так как он утратит свой собственный разум и право гордо именоваться Homo Sapiens, но обретет взамен коллективный разум искусственного интеллекта и имя Homo Digitalis.

Понятие «Homo Digitalis» (в некоторых источниках «Homo Digitalis» и «Digital Human Being») представляет собой цифрового или оцифрованного человека и является следствием четвертой промышленной революции, благодаря которой процессы цифровизации прочно вошли в его повседневное бытие. Причем, если в индустрии 4.0 эти процессы были снаружи человека, то индустрия 5.0 предполагает их запуск внутри него, что неминуемо приведет к трансформации последнего в новую сущность. Одним из атрибутов Homo Sapiens, входящих в гоминидную триаду, является высокоразвитый мозг, который делает человека разумным хозяином природы и венцом эволюции. Человек разумный – это не только объект, но и субъект познания, что принципиально отличает его от оцифрованного человека эпохи индустрии 5.0, к которому понятие субъекта познания сложно отнести. По мнению Е. В. Рягузовой, Homo Digitalis стоит перед проблемой самоидентификации и утраты собственного Я вследствие расширения его Я в виртуальном мире [6, с. 323]. Когда головной мозг соединен посредством имплантированного в него чипа с Интернетом и искусственным интеллектом, трудно говорить о какой-либо субъективности. В данном случае субъектом познания выступает искусственный интеллект, для которого человек будет играть роль объекта и механизма познания, тем более, согласно прогнозу Илона Маска, к 2025 г. искусственный интеллект превзойдет человеческий разум [7].

Представляет интерес анализ феномена постчеловека, проведенный М. Г. Красильниковым на основе исследования разных трактовок данного явления. Одна из них предполагает, что постчеловек будет наделен слабой памятью либо полным ее отсутствием, что обусловлено наличием у него постоянного доступа к Интернету и искусственному интеллекту [8, с. 341]. Действительно, уже сегодня обучающиеся различных образовательных организаций в большинстве своем утратили способность запо-

минать и анализировать заданный материал, а также пересказать его своими словами [9, с. 59]. Это является следствием клипового мышления как продукта информатизации и цифровизации общества. Память постчеловека или человека-киборга будет храниться на удаленных серверах Интернета а связующим звеном между ней и его мозгом будет выступать искусственный интеллект, мгновенно снабжая своего живого носителя всей необходимой информацией, формируя его сознание и мировоззрение. Таким образом, человеку эры индустрии 5.0 собственные память, сознание и разум не нужны. Можно предположить, что он будет носителем коллективного разума, контролируемого и управляемого искусственным интеллектом [8, с. 342].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что проблема создания индустрии 5.0 еще не до конца осмыслена в научном сообществе, а существующие прогнозы развития пятой промышленной революции в большинстве своем видят в ней только положительные аспекты. Такое позитивное восприятие грядущих технологических перемен во многом обусловлено интенсивным развитием цифровых технологий на основе искусственного интеллекта, в котором многие видят «палочку-выручалочку» на все случаи жизни. Сомнительная перспектива сиюминутной выгоды и возможность отдохнуть от работы, делегировав ее умным машинам-роботам, пересиливает в сознании разработчиков и создателей искусственного интеллекта возможные угрозы для человечества.

Наполнение социального пространства новыми субъектами социального действия в виде роботов-андроидов с официальным гражданством и киборгов (модифицированных людей) приведет к пересмотру законодательной базы, которую придется дополнить новыми главами, разделами и статьями о взаимоотношении человека и робота. Вопрос предоставления прав роботам и нормативного регулирования их взаимоотношения с человеком серьезно анализируется И. А. Асеевой [10]. Она приводит множество исследований данной проблемы, тем самым показывая ее серьезную значимость. В связи с такой постановкой вопроса научно-фантастический роман Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?» (1968 г.) теряет свою фантастичность.

Киборгизация общества, сопутствующая процессу усиления в нем роли робототехники, незаметно, но непременно приведет к его трансформации. Номо Sapiens утратит свой разум вместе с сознанием, приобретя взамен искусственный интеллект и превратится в Номо Digitalis. Данная перемена будет означать торжество постгуманизма, так как назвать человеком продукт индустрии 5.0 невозможно. Номо Digitalis представляет собой классический образец постчеловека, воспетый Франческой Феррандо, Розы Брайдотти, Донной Харауэй, Наташей Вита-Мор и другими идеологами постгуманизма.

Таким образом, пока человечество не совершило безвозвратный переход в новую технологическую эру своего существования, следует задуматься о целесообразности данного действия. Как минимум, становление индустрии 5.0 приведет к глобальной безработице, а, как максимум, к исчезновению человека разумного.

Список литературы

1. Трофимова Н. Н. Индустрия 5.0: интеграция человеческого потенциала в индустрию 4.0 // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4, № 1 (133). С. 34–39. <https://doi.org/10.36871/ek.up.r.2023.01.04.004>
2. Северов А. И., Виноградов Ю. М. Прогресс робототехники в переходе от индустрии 4.0 к индустрии 5.0 // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2024. № 1. С. 356–361. <https://doi.org/10.24412/2071-6168-2024-1-356-361>
3. Ху Т. Обзор национальных стратегий перехода к индустрии 5.0 // Экономика и управление инновациями. 2022. № 3 (22). С. 28–38. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2022-3-28-38>
4. Жернов Е. Е. Безопасность жизнедеятельности при осуществлении пятой промышленной революции: к постановке проблемы // Безопасность жизнедеятельности предприятий в промышленно развитых регионах: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции / под ред. К. С. Костикова. Кемерово : Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 2021. С. 403-1 – 403-5.
5. Аренс Ю. А., Каткова Н. А., Халимон Е. А., Брикошина И. С. Пятая промышленная революция – инновации в области биотехнологий и нейросетей // E-Management. 2021. Т. 4, № 3. С. 11–19. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-3-11-19>
6. Рягузова Е. В. Номо Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
7. Илон Маск: в 2025 году ИИ будет доминировать над людьми. URL: <https://www.securitylab.ru/news/547354.php> (дата обращения: 15.04.2024).
8. Красильников М. Г., Козловский Л. А., Петров Д. Д. Постчеловек, искусственный интеллект, коллективный разум // Человек: границы бытия: материалы Международной научно-практической конференции (г. Барнаул, 13–14 сентября 2018 г.) / под науч. ред. С. А. Ан. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2018. С. 339–343.
9. Колобаев В. К., Сеницына Т. А. Клиповое мышление – новый этап в развитии мышления современных учащихся // Наукосфера. 2022. № 2-1. С. 57–62. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5968836>
10. Асеева И. А. Права человека vs права роботов: методологические, юридические, этические аспекты (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2022. № 4. С. 51–64. <https://doi.org/10.31249/naukoved/2022.04.03>

References

1. Trofimova N. N. Industry 5.0: Integrating human potential into industry 4.0. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2023, vol. 4, no. 1 (133), pp. 34–39 (in Russian). <https://doi.org/10.36871/ek.up.r.2023.01.04.004>
2. Severov A. I., Vinogradov Yu. M. Progress of robotics in the transition from industry 4.0 to industry 5.0. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Izvestiya of Tula State University (TulGU). Technical Science], 2024, no. 1, pp. 356–361 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6168-2024-1-356-361>
3. Khu T. Review of national strategies for transition to industry 5.0. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami* [Economics and Innovation Management], 2022, no. 3 (22), pp. 28–38 (in Russian). <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2022-3-28-38>
4. Zhernov E. E. Vital activity security in the implementation of the fifth industrial revolution: Towards problem statement. *Bezopasnost zhiznedeyatelnosti predpriyatij v promyshlennno razvitykh regionakh: sbornik materialov XIV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Kostikov N. E., ed. Life Safety of Enterprises in Industrialized Regions. Collection of Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference]. Kemerovo, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev Publ., 2021, pp. 403-1 – 403-5 (in Russian).
5. Arens Yu. A., Katkova N. A., Khalimon E. A., Briko-shina I. S. The fifth industrial revolution – innovations in the field of biotechnologies and neural networks. *E-Management*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 11–19 (in Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-3-11-19>

6. Ryaguzova E. V. Homo Digitalis: Request for a new personality configuration. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
7. *Ilon Musk: v 2025 gody II budet dominirovat nad lyudmi* (Elon Musk: AI Will Dominate Humans in 2025). Available at: <https://www.securitylab.ru/news/547354.php> (accessed April 15, 2024) (in Russian).
8. Krasilnikov M. G., Kozlovskiy L. A., Petrov D. D. Post-human, artificial intelligence, collective intelligence. In: *Chelovek: granitsy bytiya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [An S. A., ed. Man: The Boundaries of Existence. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Barnaul, Altay State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 339–343 (in Russian).
9. Kolobaev V. K., Sinitsyna T. A. Clip thinking is a new stage in the development of thinking of modern students. *Naukosfera* [Scienceosphere], 2022, no. 2-1, pp. 57–62 (in Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.5968836>
10. Aseeva I. A. Human rights vs robot rights: Methodological, ethical and legal aspects (analytical review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8: Naukovedenie* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 8: Scientific Studies], 2022, no. 4, pp. 51–64 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/naukoved/2022.04.03>

Поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 18.04.2024;
принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 18.04.2024;
accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 284–288

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 248–288

<https://phpp.sgu.ru>

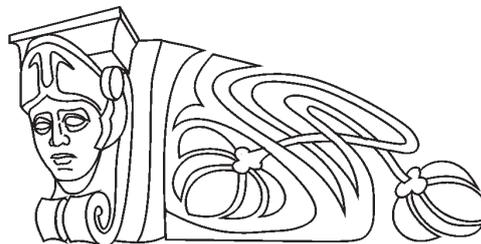
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-284-288>, EDN: NELYPD

Научная статья

УДК 378(470+571)(09)+14(470+571)(09)

Антиколониальная революция и социальная роль философии

Д. В. Михель

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Аннотация. Введение. Обсуждается вопрос о социальной роли философии в условиях антиколониальной революции. Защищая свой суверенитет и свободу на полях сражений, Россия сегодня стоит перед необходимостью сохранить свои традиционные ценности, избавиться от колониальной зависимости от Запада на интеллектуальном, культурном и философском уровнях.

Теоретический анализ. Показано, что система высшего образования осуществляет две функции: подготовку специалистов и воспитание граждан. После распада СССР отечественная система образования утратила функцию воспитания граждан, превратившись в систему производства потребителей западных идей и технологий. Важную роль в этой трансформации сыграла «философская перестройка» конца 1980-х гг., превратившая вузовскую философию в транслятор западных идей и подходов. Начало СВО и очередного витка противостояния России и коллективного Запада ставит перед российским философским сообществом задачу освободиться от западного философского влияния и встать на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей.

Заключение. Важным ориентиром для философского сообщества в новых условиях является Указ Президента РФ № 809, принятый 9 ноября 2022 г.

Ключевые слова: система высшего образования, «философская перестройка», Россия, Запад, антиколониальная революция

Для цитирования: Михель Д. В. Антиколониальная революция и социальная роль философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 284–288. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-284-288>, EDN: NELYPD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anticolonial revolution and the social mission of philosophy

D. V. Mikhel

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Dmitry V. Mikhel, dmitrymikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>

Abstract. Introduction. The question of the social role of philosophy in the context of anticolonial revolution, is discussed. Defending its sovereignty and freedom on the battlefields, Russia today faces the need to preserve its traditional values, to get rid of colonial dependence on the West at the intellectual, cultural and philosophical level. **Theoretical analysis.** It is shown that the system of higher education has two functions - training of specialists and education of citizens. After the collapse of the USSR, the domestic education system lost the function of educating citizens, turning into a system of production of consumers of Western ideas and technologies. An important role in this transformation was played by the “philosophical perestroika” of the late 1980s, which turned university philosophy into a translator of Western ideas and approaches. The beginning of the special military operation and the next round of confrontation between Russia and the collective West set before the Russian philosophical community the task of freeing itself from Western philosophical influence and standing up for traditional spiritual and moral values. **Conclusion.** An important reference point for the philosophical community in the new context is Presidential Decree No. 809, adopted in November 9, 2022.

Keywords: higher education system, “philosophical perestroika”, Russia, the West, anticolonial revolution

For citation: Mikhel D. V. Anticolonial revolution and the social mission of philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 284–288 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-284-288>, EDN: NELYPD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В нашем обществе философия в первую очередь является учебной дисциплиной, преподаваемой в вузах. При этом в исторической перспективе ее социальная роль меняется. На протяжении более 30 лет философия была транслятором западных философских идей и подходов, избегая другой своей миссии – воспитания сознательных граждан. Сегодня становится ясно, что такое положение совершенно неприемлемо. Начатая Россией специальная военная операция (СВО) вновь привела к очередному историческому противостоянию с Западом, но теперь это уже борьба не за гегемонию, а за более справедливый многополярный мир, а Россия в этой борьбе – «лидер антиколониальной революции» [1]. Россия, которая защищает свой суверенитет и свободу на полях сражений, стоит перед необходимостью сохранить свои традиционные ценности, избавиться от колониальной зависимости от Запада на интеллектуальном, культурном и философском уровнях. В связи с этим перед философским сообществом нашей страны встает целый ряд новых, важных вопросов. Один из них – вопрос о том, какую социальную роль предстоит сыграть философии в новых исторических условиях. В предлагаемой статье дается краткий анализ данной проблемы.

Теоретический анализ

В советском обществе система высшего образования осуществляла две взаимосвязанные социальные функции. Во-первых, она готовила квалифицированных специалистов, способных участвовать в сложной производственной деятельности; во-вторых, была занята воспитанием идеологически подкованных и морально устойчивых граждан, призванных служить своей Родине как в условиях мирного времени, так и военного. Осуществление этой второй функции было делом системы марксистско-ленинских дисциплин, важное место в которой занимала философия. Формально занятия философией сводились к передаче студентам известного минимума марксистско-ленинской терминологии, но по сути речь шла об их приобщении к ценностям социалистического общества. Можно долго спорить о том, справлялась ли советская вузовская философия с отведенной ей социальной ролью, но такая роль у нее, несомненно, была.

С распадом советского государства отечественная система высшего образования погрузилась в кризис. Главным испытанием, с которым ей пришлось столкнуться, стало хроническое недофинансирование и недостаток внимания со стороны либерального постсоветского государства. Однако, несмотря на все потрясения начала 1990-х гг., сама система в основном смогла сохраниться и адаптировалась к окружающим социально-экономическим условиям. Вузы продолжали готовить специалистов для нужд по большей части разрушенного хозяйства.

К началу 2000-х гг. систему высшего образования ожидали новые испытания. После того как российское правительство заявило о своем намерении присоединиться к Болонскому процессу, начался очередной этап ее реформирования. Был провозглашен курс на вхождение российских вузов в единое европейское образовательное пространство, предполагавший переход от системы подготовки специалистов к европейской многоуровневой образовательной системе. Развернувшаяся после этого дискуссия о преимуществах и недостатках вхождения России в Болонскую систему обнаружила, что оно несет серьезные вызовы российскому обществу, особенно в перспективе. Как отмечал тогда один из участников этой дискуссии, Болонские реформы направлены на «повышение культурного уровня студентов», на развитие «их личных способностей», но «ведь кому-то и работать надо» [2, с. 59–60].

Хотя отечественная система высшего образования в значительной степени сумела пережить распад советского государства и еще многие годы находила в себе силы сопротивляться навязываемым ей сверху Болонским образовательным подходам, свою вторую социальную функцию – воспитание сознательных граждан – она утратила уже в самом начале 1990-х гг. Ликвидация системы марксистско-ленинских дисциплин, произошедшая в 1991 г., и закрепление в Конституции 1993 г. нормы об идеологическом многообразии и отсутствии обязательной для государства идеологии сделали невозможным сам процесс приобщения студенчества к социалистическим ценностям. При этом стало неизбежным другое – усвоение ими ценностей либеральных, западных, инородных по отношению к российским культурным традициям. Когда в середине 2010-х гг. в ходе очередной волны дискуссий о

текущем состоянии системы высшего образования возник фундаментальный вопрос о том, кого же она в итоге готовит, ответом стал вывод о том, что она готовит «квалифицированного потребителя» – «пользователя чужих идей и технологий» [3, с. 96].

Упразднение идейно-воспитательного компонента системы высшего образования, осуществленное в 1991 г., готовилось исподволь и заранее. Основную роль в этом плане сыграло научное сообщество в лице ведущих представителей академической философской науки. Уже к концу 1980-х гг., горячо поддержав курс М. С. Горбачева на «перестройку», И. Т. Фролов, Э. А. Араб-Оглы, В. С. Степин, Н. В. Мотрошилова и другие приступили к кардинальному перестраиванию той части системы высшего образования, которая отвечала за идеологическое воспитание студентов. Заручившись поддержкой со стороны идеологов «нового политического мышления» в аппарате ЦК КПСС, теоретики «философской перестройки» из АН СССР запустили процесс трансформации содержательных основ философского знания, отказ от марксизма и переход к системе «общечеловеческих ценностей». Еще до того, как был распущен Советский Союз, они сделали свой собственный цивилизационный выбор, ментально и идеологически повернувшись на Запад.

Наиболее явным свидетельством этого поворота отечественной академической философии на Запад стала публикация в 1989 г. двухтомного учебника «Введение в философию», который вышел тиражом 500 тыс. экземпляров и был рекомендован Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебника для вузов. Публикации учебника предшествовала публикация отдельных его разделов в журнале «Вопросы философии», посредством которой лидеры академической философской науки смогли навязать свою точку зрения на философию, ее цели и задачи рядовым членам философского сообщества.

Сама структура учебника была выражением «перестроечных» веяний. Первый том представлял собой историко-философское введение, а во втором было дано обозрение основных проблем «теоретической философии». Обе части учебника объединял слабо скрываемый западноцентризм, в соответствии с которым историко-философский процесс понимался как движение мысли от периферии к центру, где

марксизм был лишь промежуточной стадией на пути к главным философским достижениям XX в. на Западе. Примечательно, что русской философии было отведено не более десятка страниц, а сама она рассматривалась как один из малозаметных эпизодов на магистральном пути философской мысли. В предисловии к учебнику авторы утверждали, что настало время отказаться от догматического отношения к марксизму и вступить в диалог с западной философской культурой. «Мы обязаны к тому же устанавливать контакты с теми течениями зарубежной философской и общественно-политической мысли, которые являются нашими союзниками в утверждении гуманистических идеалов и ценностей» [4, с. 16].

Появление двухтомного учебника академика И. Т. Фролова стало ключевым событием в истории «философской перестройки» в СССР. Почти сразу вслед за этим прекратилось преподавание философии в ее прежней форме – двуединства диалектического и исторического материализма. Наряду с этим начался процесс демонтажа и других марксистско-ленинских дисциплин – истории КПСС, политической экономии, научного коммунизма и научного атеизма, на смену которым в 1990–1991 гг. была введена западно-ориентированная система социально-гуманитарных дисциплин – политология, экономика, социология и культурология. К моменту, когда произошел роспуск СССР, система марксистско-ленинского образования в вузах уже прекратила свое существование, а сами вузы лишились функции воспитания сознательных граждан.

«Философская перестройка», начатая академической группой Фролова, инициировав процесс сворачивания марксистско-ленинского воспитания в вузах, дала старт еще одному фундаментальному процессу – колонизации студенческого сознания западными философскими концепциями и подходами. Провозгласив «гуманистическую» ценность западных философских идей и оставив без внимания идеи, выработанные русской философской культурой, авторы двухтомного учебника во главе с Фроловым разметили путь для других «перестроечников». Учебник Фролова стал моделью для подражания десяткам, если не сотням, других аналогичных учебников, в которых в той или иной степени воспроизводился предложенный пионерами «философской перестройки» западно-центричный подход. Именно с этого

учебника началась колонизация сознания новых поколений студентов, прошедших через филь-тры вузовской философии после 1991 г.

Нельзя не отметить того, что уже к концу 1990-х гг. вследствие стремительного распро-странения Интернета философские учебники как таковые перестали играть роль главных источников информации в рамках реального учебного процесса. Однако по существу это мало что изменило. Исходный тезис о том, что западная философская культура призвана определять самый характер нашего мышле-ния, заложенный в двухтомнике Фролова, продолжал господствовать как принцип все эти десятилетия и во многом еще продолжает господствовать.

Формируя «квалифицированных потре-бителей» западных идей и технологий, совре-менная отечественная система образования сегодня подошла к концептуальному тупику, из которой ей необходимо найти выход. Пытаясь стать частью западного мира, прежде всего в его интеллектуальной, культурной и философ-ской составляющей, Россия и ее система выс-шего образования так и не стала этой частью. Запад так и не принял Россию, не признав ее ни частью своей цивилизации, ни полноценной частью единого европейского образователь-ного пространства. Россия не признала Запад как продолжение самой себя, отказавшись призна-вать те ценности, которые Запад предложил России и остальному миру. С началом СВО Запад развернул против России «гибридную войну» – экономическую, информационную, «горячую». Россия в ответ объявила о своих планах строить справедливый многополяр-ный мир, став, по словам депутата Андрея Исаева, «лидером антиколониальной револю-ции» [1].

Определение ныне разворачивающегося противостояния между Россией и коллектив-ным Западом как «антиколониальной рево-люции» имеет фундаментальное значение для судеб всего нашего общества, в особенности для системы высшего образования. Совре-менное российское высшее образование все еще колонизовано западными философскими концепциями и подходами и нуждается в де-колонизации. Идеи и взгляды, выработанные в рамках философии постмодернизма, анали-тической философии, гендерных философских подходов прочно вошли в нашу вузовскую философскую культуру, став каркасом почти

для любого содержательного разговора на любую тему. Мы мыслим чужими мыслями и говорим на чужом философском языке, кото-рый не позволяет нам до конца осознать свою цивилизационную самобытность и вернуть себе подлинную свободу. Однако осознание того, что наступило время найти себя и вер-нуться к себе, уже приходит.

Заключение

9 ноября 2022 г. Президентом Российской Федерации был подписан указ № 809 «Об ут-верждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а затем и целый ряд других близких ему по сути указов, обозначивших новые направления национальной культурной политики. Ввиду отсутствия новых философских учебников, отвечающих запросам российского общества, указ № 809 в настоящее время является ори-ентиром для философского сообщества нашей страны. Обрисованные в нем задачи – предмет для начала большой философской дискуссии. Из текста указа вытекают вопросы о том, какую систему образования нам предстоит построить в ближайшее время; в какой мере она будет не только системой подготовки квалифицирован-ных кадров, но и системой воспитания нового поколения граждан; какую роль в этом воспи-тании призвана сыграть философия; наконец, какая философия будет способна решить эту задачу – та, что послушно транслирует чужие философские идеи, или та, что способна обра-титься к лучшим достижениям нашей собствен-ной философской культуры.

Список литературы

1. Андрей Исаев: Россия – лидер антиколониальной революции. URL: <https://rg.ru/2023/08/08/andrej-isaev-rossiia-lider-antikolonialnoj-revoliucii.html> (дата обращения: 08.02.2024).
2. Дружилов С. А. Интеграция с европейской системой высшего образования: преимущества и возможные «подводные камни» // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 5. С. 58–60.
3. Старцев М. В. Система образования России в условиях капитализма // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2017. № 4. С. 95–101.
4. Введение в философию : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 1 / руководитель авторского коллектива И. Т. Фролов. М. : Политиздат, 1989. 367 с.

References

1. *Andrey Isaev: Rossiya – lider antikolonialnoy revolutsii* (Andrei Isaev: Russia is the Leader of the Anti-colonial Revolution). Available at: <https://rg.ru/2023/08/08/andrej-isaev-rossiia-lider-antikolonialnoj-revolucii.html> (accessed February 8, 2024) (in Russian).
2. Druzhilov S. A. Integration with the European Higher Education System: Advantages and Possible Pitfalls. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* [International Journal of Experiential Education], 2010, no. 5, pp. 58–60 (in Russian).
3. Startsev M. V. Russian education system under capitalism. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus* [Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus], 2017, no. 4, pp. 95–101 (in Russian).
4. Frolov I. T., head of the author's team. *Vvedenie v filozofiyu: uchebnik dlya vuzov: v 2 ch. Ch. 1.* [Introduction to Philosophy: Textbook for Universities: in 2 parts. Part 1]. Moscow, Politizdat, 1989. 367 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 24.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024;
принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 24.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024;
accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

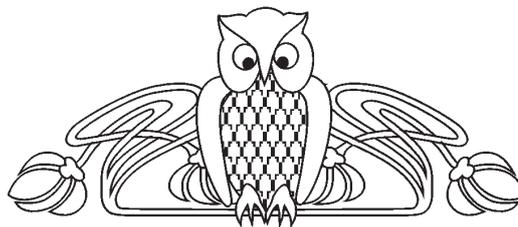

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 289–294
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 289–294
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-289-294>, EDN: OULLAE

Научная статья
УДК [94:316.7](470+571)

Совесть и историческая память в контексте российской культуры

С. И. Мозжилин

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Институт психолого-экономических исследований, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Сакко и Вацетти, д. 54/60

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, ¹профессор кафедры теоретической и социальной философии, ²ведущий научный сотрудник АНИО, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Аннотация. Введение. Работа направлена на раскрытие диалектической взаимосвязи чувства совести и исторической памяти, обусловленности того и другого господствующими идеалами культуры. **Теоретический анализ.** Используя психоаналитический подход и метод критической философской рефлексии, автор концентрирует внимание на обусловленности познания истории, вместе с тем и исторической памяти, ограничительными рамками совести, заданными спецификой ориентации личности на идеалы культуры. **Эмпирический анализ.** Анализируются последствия преобладания акцентирования внимания в средствах массовой информации и образовательной среде на негативных моментах советского этапа истории, явившихся одной из главных причин нравственно-духовной дезориентации жителей постсоветского пространства. Наиболее негативно антисоветская идеология вплоть до воспевания нацистских идеалов проявила себя в современной Украине. **Заключение.** От особенностей проявлений чувства совести, сопряженного с требованиями нравственных идеалов, которыми в своих поступках и помыслах руководствуется человек, зависят избирательность познания им истории, а следовательно, и его память о прошлом. Для успешного развития России, необходимо обогащать историческую память позитивными, знаменательными событиями прошлого, выстраивая линию преемственности идеалов, ориентирующих на социальную справедливость, прошлого и современности.

Ключевые слова: совесть, идеал, справедливость, историческая память, цивилизационный код, культура, нарциссизм, фашизм

Для цитирования: Мозжилин С. И. Совесть и историческая память в контексте российской культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 289–294. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-289-294>, EDN: OULLAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conscience and historical memory in the context of Russian culture

S. I. Mozhilin

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Institut of Psychological and Economic Research, 54/60 Sacco and Vanzetti St., Saratov 410012, Russia

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Abstract. Introduction. The work is aimed at revealing the dialectical relationship between the sense of conscience and historical memory, the conditionality of both by the dominant ideals of culture. **Theoretical analysis.** Using a psychoanalytic approach and the method of critical philosophical reflection, the author focuses on the conditionality of the cognition of history, and at the same time historical memory, by the restrictive framework of conscience, set by the specific orientation of an individual to the ideals of culture. **Empirical analysis.** The consequences of the predominant emphasis in the media and educational environment on the negative aspects of the Soviet stage of history, which was one of the main reasons for the moral and spiritual disorientation of the inhabitants of the post-Soviet space, are analyzed. This disorientation, right up to moral degradation to Nazi ideals, with the corresponding framework of shame and conscience, manifested itself most clearly in modern Ukraine. **Conclusion.** The selectivity of this knowledge of history, and, consequently, this memory of the past, depends on the characteristics of the manifestations of a sense of conscience, coupled with the requirements of moral ideals that guide a person in his actions and thoughts. For the successful development of Russia, it is necessary to enrich the historical memory with positive, significant events of the past, building a line of continuity of ideals that orient towards social justice, past and present.

Keywords: conscience, ideal, justice, historical memory, civilizational code, culture, narcissism, fascism

For citation: Mozhilin S. I. Conscience and historical memory in the context of Russian culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 289–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-289-294>, EDN: OULLAE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследование факторов, обуславливающих фиксацию исторических событий в памяти адептов какой-либо культуры, представляет особую значимость в деле формирования правдивых представлений о прошлом, вместе с тем верной ориентации в настоящем и конструктивном проектировании будущего.

Особенности восприятия и интерпретации исторических событий тем или иным человеком во многом продиктованы нравственной ориентацией, фундируемой ограничительными рамками чувств стыда и совести, во многом зависящими от идеалов, на которые сориентирована личность. Ориентация на определенные идеалы индивида формируется социальной средой, начиная с первых моментов его рождения. Конечно, немаловажную роль в восприятии информации, получаемой от окружающих формирующейся личностью, играют биологические индивидуальные задатки человека, но все же более значимо влияние социального окружения, поскольку оно преподносит изначально жизненно важную информацию, в том числе и сведения об исторических событиях и нравственно-эмоциональное отношение к ним. Банально говорить о том, что социальная среда, участвующая в формировании чувств стыда и совести отдельных индивидов весьма разнообразна, как разнообразны и сами индивиды, потому многообразно и восприятие истории. Когда речь идет об исторической памяти какой-либо культуры, то имеются в виду лишь общие сведения, считающиеся наиболее значимыми, характеризующие особенности восприятия исторических событий ее адептами. В первую очередь это общее представлено нравственными идеалами конкретной культуры, составляющими ее цивилизационный код. Потому исследование специфики фиксации наиболее значимых идеалов, составляющих основу исторической памяти, ориентация на которые является ключевым винтиком механизма, обеспечивающего функционирование ограничительных рамок совести, имеет непреходящее значение для своевременных корректировок отклонений, влекущих культуру к гибели.

Теоретический анализ

Несомненно, одним из ключевых факторов, обеспечивающих функционирование памяти отдельного индивида, является вытеснение как механизм психологической защиты, выявленный З. Фрейдом. Психологический аналитик отмечал: «Сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания» [1, с.109]. Устраняются содержания, не соответствующие цензуре культурных идеалов, на которые сориентирован человек. Всякое вытеснение сопровождается замещением, отмечал мыслитель. «В качестве замещающего образования появляется изменение “Я”, повышение чувствительности совести» [1, с. 121]. Возникает вопрос: можно ли историческую память рассматривать по аналогии с памятью отдельного индивида? Конечно, культура и историческая память как основа культуры не имеют психики, подобной человеческой, но следует согласиться с З. Фрейдом в том, что возможно проводить некоторые аналогии культуры с психикой отдельного индивида. Очевидно, что идеалы культуры создают определенную психическую напряженность ее представителей. Отклонение от требований идеалов культуры наказывается муками совести. Снижение планки идеала уменьшает данную напряженность, а также и проявления совести. Повышение планки идеала увеличивает психическую напряженность, обостряя проявления совести. Вполне наглядно, что реставрация капитализма в России, именуемая переходом к либеральной рыночной экономике, сопровождалась активным переосмыслением идеалов культуры в сторону снижения их нравственных требований. Во всяком случае было очевидно, что передел общей собственности многие граждане производили без всяких зазрений совести. Вместе с тем смена идеалов породила потребность вытеснения из памяти событий, находящихся в положительных ассоциациях с идеалами советской эпохи, оказывая существенное влияние как на нравственные ориентации членов общества, так на их отношение к истории своей страны.

Безусловно, специфика концентрации внимания на тех или иных событиях прошлого,

осуществляемая средствами массовой информации и образовательной средой, влияет на настроения людей, их нравственную ориентацию, позволяя производить различные манипуляции с их сознанием. Весьма дискуссионны замечания о манипуляциях с памятью людей, ничего не помнящих об истории. Например, Е. В. Романовская пишет: «Если обратиться к проблеме манипуляций, манипуляций исторической памятью, то совершенно понятно, что человек, который ничего не помнит – истории своей семьи, этноса, страны – становится легкой добычей для манипуляций и манипуляторов» [2, с. 47]. Думается, что если человек в здравом уме и не страдает амнезией, то он обязательно что-либо знает и помнит о своей семье и этносе, к которым принадлежит. Касаемо памяти индивида о событиях истории, произошедших до его рождения, то он их не может помнить, а только знает из источников, коими располагает. Другое дело, какими знаниями человек обладает, кто их ему преподносит и какую моральную оценку дает. Потому стоит подчеркнуть, что память об исторических событиях имеют конкретные люди, но во многом их представления формируются под воздействием установок культуры, к которой они принадлежат. Эти установки формируют конкретные акторы, преследующие те или иные цели. Если установки трансформированы, то и отношение к историческим событиям и идеалам представителей большей части общества изменяется. Кроме того, вытесняется все, что находится в ассоциациях с прежними идеалами, компенсируя проявления совести у людей, ранее ориентирующихся на них. Надо полагать, что изменяется и их «Я», следовательно, и отношение к историческим событиям.

В наиболее общем смысле историческая память понимается как система знаний о прошлом, формируемая всеми социальными институтами, главным из которых является государство. Однако необходимо заметить, что ошибочно персонифицировать и наделять волей абстрактного индивида социальные институты. Все социальные институты, в том числе и государство, состоят из весьма разнообразных по представлениям и убеждениям людей, включенных в коммуникационное пространство, в котором, как замечает Д. С. Артамонов, «...обмен информацией происходит в формате риторической арены, состоящей из множества голосов» [3, с. 240].

Вполне очевидно, что значимую долю в системе исторических знаний занимают идеалы культуры, являющиеся образцами поведения ее адептов. Более того, от идеалов, которыми руководствуются носители культуры, зависит избирательность их отношения к историческим событиям и персонажам [4]. Идеалы культуры задают алгоритмы ее воспроизводства и развития. К ним апеллируют нравственные нормы, определяющие как взаимоотношения между ее носителями, их отношение к представителям других культур, так и их способности к производству материальных и духовных ценностей. Несовпадение мыслей и поступков с требованиями идеалов порождает ощущение неудовлетворенности собой, выражающейся чувством стыда и терзаниями совести [5, с. 149].

Эмпирический анализ

От идеалов, на которые сориентирован человек, зависят его представления о справедливости. Разрушение СССР и реставрация капитализма в России и на всем постсоветском пространстве сопровождалась переоценкой нравственных идеалов, умалением их значения. Вместе с тем изменялись представления о справедливости. Во всяком случае забвению был предан социалистический принцип распределения благ – каждому по труду. В конце 80-х и в 90-е гг. многие историки, литераторы и кинематографисты, считавшие себя наиболее продвинутыми, одержимые либеральными идеями, впрочем, некоторые и без всяких идей, следуя господствующей в то время политической конъюнктуре, либо просто алчущие заработка, занимались поисками негативных моментов в истории своей страны и компромата ее идеалов. Их совесть вполне позволяла им это делать, поскольку ориентированы они были на западные потребительские идеалы. В то смутное время всячески умалались достижения страны, которая ко всему прочему была первой космической державой и второй экономикой в мире. Но разве могла бы страна достичь таких высот без развитой науки и одной из лучших систем образования? Главное, советские люди имели веру в светлое благополучное будущее, которую также поколебали апологеты либеральной рыночной экономики. Но человеку с памятью, не поврежденной антисоветской идеологией, невозможно не согласиться с замечанием по этому поводу В. В. Аверьянова: «Громадное сосредоточение

добра и веры в будущее счастье советских детей трудно отрицать представителям нашего поколения, тем, кто в 70–80-е годы рос в советских городах и селах, учился в советских школах, воспитывался на советских песнях и книжках, во многом вобравших дух классической и народной русской культуры» [6, с. 576–577].

В постсоветских республиках, в период их отделения критика советской эпохи часто дополнялась националистическими идеями, направленными на разрыв связи с Россией, составлявшей ядро СССР. Особенно поднаторели в этом направлении идеологи украинского национализма, по мере возможностей своих интеллектуальных способностей к фантазиям, придумавшие историю Украины, в которой главным врагом преподносится Россия. При этом немаловажную роль в формировании антироссийских настроений сыграла антисоветская идеология, концентрирующая внимание обывателя исключительно на негативных моментах советской эпохи, обвиняя во всем русских, вместе с тем возвышающая достижения западноевропейской цивилизации без достаточно критического рассмотрения ее негативных сторон. В итоге были отвергнуты идеалы не только советской эпохи, но и всей истории России, поскольку в советской культуре существовала преемственность идеалов, поддерживаемая с 40-х гг. XX в. советскими идеологами. Их место заняли националистические «герои», главными из которых являются Бандера и Шухевич. Именно их глазами и смотрит современный украинский истеблишмент на исторические события, давая им оценку, соответствующую ограничительным рамкам совести данных идеологов.

Безусловно, идеалы культуры закрепляют представления о справедливости, нарушение которых также приводит к проявлениям совести, направляя адептов культуры на путь достижения материального и духовного благополучия ее ограниченными рамками. В этой связи следует согласиться с замечанием В. Д. Зорькина: «От того, какая идея справедливости будет (и будет ли!) взята человечеством в качестве главного мировоззренческого ориентира на обозримую историческую перспективу, зависит его способность противостоять вызовам современной эпохи» [7, с. 5]. Между тем размышления о справедливости всегда сопряжены с конкретными моментами общественного бытия. Оценка справедливости того или иного поступка человека либо действия

власть предрешающих во многом зависят от господствующих нравственных норм, прежде всего, касающихся распределения материальных благ, производимых в процессе совместной трудовой деятельности. При этом всегда есть и будут люди, которые не довольствуются сложившейся системой распределения благ. Представления их о справедливости весьма разнообразны. Среди них есть ассоциирующие справедливость с нравственными нормами, руководствуясь которыми, человечество достигнет состояния всеобщего благоденствия и мирного существования. Для этого, в первую очередь, все должны честно работать и получать по внесенному трудовому вкладу. Однако есть и такие, которые размышляют о справедливости или несправедливости только по отношению к себе. Первые всегда преобладали в качестве ориентиров, оказывающих главенствующее влияние на формирование ментальности российского общества. В этой связи не удивительно, что социалистическая революция произошла в России. У большинства россиян не вызвали сомнения нравственные нормы, которые закреплялись в моральном кодексе строителя коммунизма, поскольку они соответствовали их ментальным представлениям о справедливости. Заметим, что эти нормы не противоречили и христианским представлениям о справедливости. Данный факт отметил В. В. Путин, посетив Валаам в 2018 г.: «Кодекс строителей коммунизма – примитивная выдержка из Библии, ничего там нового не придумали» [8]. На наш взгляд, в формировании исторической памяти советские идеологи неоправданно пренебрегали религиозными чаяниями людей, ориентируя их лишь на земную жизнь. Не пропагандировались исторические религиозные идеалы культуры, направляющие к жизни вечной.

Атеистические идеалы главенствовали в культуре советской эпохи. Справедливости ради следует заметить, что во всяком случае в так называемое брежневское время атеизм господствовал, поскольку соответствовал совести большинства представителей советской культуры. Религия у значительной части общества ассоциировалась с архаизмом и невежеством, потому большинство людей не посещали храмы, но никак не по причине государственных запретов, поскольку таковых не было. Как только стали более активно преподноситься религиозные идеалы, мнение большинства резко изменилось в другую сторону. Количество верующих в

Бога с 20% в 1988 г. возросло до 60% к 1995 г. [9, с. 313]. Этот факт подтверждает ключевую роль идеалов культуры в формировании мировоззренческих ориентиров ее представителей, следовательно, избирательности их памяти.

Заметим, что реализация справедливости, ведущей к всеобщему благоденствию и мирному существованию на земле, и религиозное стремление к Царствию Божьему неразрывно взаимосвязаны, поскольку через земное существование мы движемся к Небесному. И Иисус Христос говорит нам об этом, давая основную молитву: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, а будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» (Матф. 6:9-13, Лука 11: 2-4). В этой связи неверно отделять земное и небесное непреодолимой стеной. Более того, на наш взгляд, лукавством являются наставления о том, что на Земле нельзя построить Царствие Божье, поскольку они отвергают и Царствие Небесное. Зачастую такое мнение связано с желанием оправдать в угоду власть имущим несовершенное, во многом несправедливое, распределение благ, утешая ожиданием Царствия Небесного. Вместе с тем и на Земле построить общество всеобщего благоденствия невозможно без стремления к Царствию Божьему, так как люди, ориентированные только на земные блага, в итоге превращаются в банальных потребителей, особо не вспоминающих Заповеди Божьи при удовлетворении земных потребностей. Конечно, было бы утопично думать о том, что все сразу станут жить, следуя Заповедям Божьим, но если не будет людей, демонстрирующих такую жизнь, то невозможным окажется и духовное совершенствование общества. В этой связи бесспорно замечание И. А. Треушниковой и Е. В. Грязновой, согласно которому правового и социального государства, основанного на принципах равенства, справедливости и свободы, мы не построим без стремления к идеалам, осуществляющим эти принципы, которые кажутся утопичными и недостижимыми [10, с. 35]. Собственно, такие личности и должны быть доминирующими идеалами в российской культуре, составляя ее цивилизационный код, устанавливая ограничительные рамки стыда и совести ориентирующихся на них членов общества.

В XX в. в исторической памяти российской культуры дважды происходили масштабные забвения прошлого: после Великой Октябрьской социалистической революции, в 20–30-е

и в 90-е гг. Оба раза эти забвения позитивного в истории государства порождали массовые проявления деструктивного поведения, с масштабной выраженностью насилия. Российское государство достигало состояния устойчивого развития, позволяющего продуктивно решать как внутренние, так и внешние проблемы, пересмысливая отношение к истории, возвращая в историческую память позитивные знаменательные события прошлого, вместе с тем выстраивая линию преемственности идеалов прошлого и современности.

Заключение

Как бы там ни было с временными забвениями в исторической памяти стоит подчеркнуть, что Россия никогда не скатывалась до закрепления на государственном уровне националистических, фашистских идеалов. Чтобы духовного падения и деградации общества до нарциссизма со всеми вытекающими последствиями не произошло, в будущем необходимо сохранять идеалы, ориентирующие на традиционные российские ценности, возвышающие общественные интересы над индивидуальными. И дело не в том, что скатывание к нарциссизму происходит по незнанию истории, как может показаться. Главное, какую оценку историческим событиям дает человек, а это зависит от совести, фундируемой идеалами, которыми он руководствуется.

Список литературы

1. Фрейд З. Вытеснение // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа : сборник статей. СПб. : Алетей, 1998. С. 108–123.
2. Романовская Е. В. Историческая память: проблемы манипуляции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 1. С. 46–49.
3. Артамонов Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>
4. Культура: бытие и общество / под ред. Е. В. Листвиной, О. В. Шиндиной. Саратов : Саратовский источник, 2023. 207 с.
5. Мозжилин С. И. Совесть и идеология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 148–152. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>

6. Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 688 с.
7. Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14. <https://doi.org/10.31857/S004287440004029-6>
8. «Валаам». Документальный фильм Андрея Кандрашова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rfQZWXqd2kM> (дата обращения: 25.05.2021).
9. Пронина Т. С. Религиозность современных россиян: смена форм или содержания? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 312–319.
10. Треушников И. А., Грязнова Е. В. К вопросу о структуре правового идеала в современных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 33–38. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-33-38>
3. Artamonov D. S. Socio-epistemic arenas of historical cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>
4. *Kul'tura: bytie i obshchestvo* [Listvina E. V., Shindina O. V., eds. Culture: Existence and Society]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2023. 207 p. (in Russian).
5. Mozzhilin S. I. Conscience and ideology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 148–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-148-152>
6. Averianov V. V. *Nash dukh ne slomlen* [Platonov O. A., ans. ed. Our Spirit is Not Broken]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2015. 688 p. (in Russian).
7. Zorkin V. Justice – imperative of the civilization of law. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 1, pp. 5–14 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440004029-6>
8. “Valaam”. *Dokumental'nyy fil'm Andrey Kandrashova* (“Valaam” is a documentary film by Andrey Kandrashov). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=rfQZWXqd2kM> (accessed May 25, 2021).
9. Pronina T. S. Religion of modern Russians: Change of form and content? *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 9, pp. 312–319 (in Russian).
10. Treuhnikov I. A., Gryaznova E. V. On the question of the structure of the legal ideal in modern conditions. *Legal Science and Practice. Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal affairs of Russia*, 2021, no. 3 (55), pp. 33–38 (in Russian). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-33-38>

References

1. Freud S. *Repression. Complete edition of the works of Sigmund Freud, the founder of psychoanalysis, consists of 24 volumes*. London, Hogard, 1953–1974, vol. 14, pp. 159–216 (Russ. ed.: Freyd S. *Vytesnenie*. In: Freyd S. *Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza: sbornik statey*. St. Petersburg, Ale-tejya, 1998. 250 p.).
2. Romanovskaya E. V. Historical memory: Problems of manipulation. *Intellect. Innovations. Investments*, 2017, vol. 1, pp. 46–49 (in Russian).

Поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Научная статья

УДК 316.334.2:1

Социально-политическая стабильность и порядок: соотношение понятий и феноменов

А. Н. Сулимин

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Соборная, зд. 25, стр. 1

Сулимин Александр Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений, Kratos84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>

Аннотация. Введение. В статье анализируются такие социальные феномены, как социально-политическая стабильность и социально-политический порядок, с точки зрения идеологических, правовых и ценностных параметров общественного развития. **Теоретический анализ.** На протяжении длительного времени социально-политическая стабильность рассматривалась как адекватная характеристика политического устройства государства. Ученые обращали внимание на смену либеральных и консервативных циклов и форм правления, в которых усматривался баланс между порядком и свободой общества и человека. В этом контексте русская философская мысль связывала социально-политический порядок с духовно-нравственными началами как регуляторами государства, общества и человека, а также обращала внимание на свободу и правовые институты. Институционализация социально-политического порядка осуществляется через механизмы политической власти и ее легитимации, идеологии, права на основе ценностных предпочтений общества. Системно-синергетическая парадигма определяет данные механизмы как параметры порядка, лежащие в основе самоорганизации любой социальной системы. **Заключение.** Социально-политическая стабильность выступает качественной характеристикой социально-политического порядка, который детерминируется историческими, геополитическими условиями существования общества с его духовными факторами и традициями. Социально-политический порядок не универсален, он носит инвариантный характер и определяет вариативность развития человечества.

Ключевые слова: социально-политическая стабильность, социально-политический порядок, либерализм, консерватизм, синергетика, хаос, параметр порядка, идеология, ценности, политическая власть, легитимация

Для цитирования: Сулимин А. Н. Социально-политическая стабильность и порядок: соотношение понятий и феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 295–299. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-295-299>, EDN: YZYAZJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-political stability and order: Correlation of concepts and phenomena

A. N. Sulimin

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 25 Sobornaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander N. Sulimin, Kratos84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1296-5996>

Abstract. Introduction. The article examines and analyzes such social phenomena as socio-political stability and socio-political order from the point of view of ideological, legal and value parameters. **Theoretical analysis.** For a long time, socio-political stability has been considered as an adequate characteristic of the political structure of the state. Scientists drew attention to the change of liberal and conservative cycles and forms of government, which saw a balance between order and freedom of society and a man. In this context, Russian philosophical thought linked the socio-political order with spiritual and moral principles as regulators of the state, society and a man, and also paid attention to freedom and legal institutions. The institutionalization of the socio-political order is carried out through the mechanisms of political power and its legitimization, ideology, and law based on the value preferences of society. The system-synergetic paradigm defines these mechanisms as order parameters underlying the self-organization of any social system. **Conclusion.** Socio-political stability is a qualitative characteristic of the socio-political order, which is determined by the historical, geopolitical conditions of society, with its spiritual factors and traditions. The socio-political order is not universal, it is invariant, determining the variability of human development.

Keywords: socio-political stability, socio-political order, liberalism, conservatism, synergetics, chaos, order parameter, ideology, values, political power, legitimization

For citation: Sulimin A. N. Socio-political stability and order: Correlation of concepts and phenomena. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 295–299 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-295-299>, EDN: YZYAZJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В гуманитарных науках широко используются такие категории, как «социально-политическая стабильность» и «социально-политический порядок», но часто без должной концептуализации и рефлексии. В настоящей статье данные понятия рассматриваются как аналитические конструкты, позволяющие раскрыть важные аспекты устойчивого развития общества. В первой части работы определяется концепт социально-политической стабильности; во второй части рассматривается категория «социально-политический порядок» и ее соотношение с понятием «социально-политическая стабильность», что ставит вопрос о применении данных феноменов в условиях вариативного развития человечества.

Теоретический анализ

Еще в философской мысли Древнего мира идеи социально-политической стабильности интерпретировались в контексте существующих форм правления, сочетающих различные стили лидерства и последовательную смену политических парадигм. Так, Аристотель, анализируя развитие древнегреческой политики, выделял три состояния: устойчивость, изменчивость и переходные нестабильные состояния [1, с. 162–163].

В Средневековье долгое время господствовала теократическая модель социально-политической стабильности, на закате которой воссоздаются античные образцы культуры. С наступлением рационализма и просвещения рождается новая эпоха, в которой идеи прогрессизма и либерализма оттесняют на второй план идеи стабильности и порядка.

Кризисы и катастрофы XX столетия показали, что общества не могут развиваться стремительно и быстро, не обращая внимания на механизмы устойчивости и стабилизации. В политической жизни западных стран все большую роль играют либеральные и консервативные циклы в контексте поиска оптимального соотношения социально-политической стабильности и динамического развития. Все это происходило на фоне конвергенции гуманитарных и точных наук.

Современные исследователи при анализе категорий «политическая стабильность» и «политическая устойчивость» часто обращают внимание на идентичные факторы, воздействующие на данные процессы и состояния: начиная от структурных или институциональных, заканчивая ценностными, идеологическими в разрезе функционирования конкретной социальной системы.

И. В. Соболева считает, что устойчивость является дискретной характеристикой стабильности. Это означает, что система может быть стабильной, но неустойчивой, если она не может адекватно реагировать на изменения внешней среды. И. В. Соболева выделила принципы, которые определяют устойчивость и стабильность системы: динамичность, наличие плюрализма, развитые горизонтальные связи, высокая политическая активность ее акторов [2, с. 34–35]. Подобная трактовка политической устойчивости опирается на развитые структуры гражданского общества, которые способны поддерживать политическую стабильность за счет самоорганизации и развитых горизонтальных связей.

М. И. Бобровский сравнивает понятия «стабильность» и «устойчивость» при изучении процесса стабильности [3, с. 1519]. Он утверждает, что стабильность социальной системы отражает ее временное равновесие. Политическая и социальная системы находятся в равновесии благодаря действию разнонаправленных сил. Однако изменение равновесия может привести к дестабилизации системы. Оперативные и тактические параметры политического процесса могут характеризовать стабильность политической системы. Устойчивость же политической системы связана с исторической и стратегической плоскостями социального развития. Если временное равновесие нарушено, интегрирующая субстанция, матрица могут вернуть систему в состояние прежнего равновесия. Подобной интегрирующей матрицей, способной придать устойчивость общественному развитию, можно назвать традицию, которая порождает новации, позволяющие противостоять изменениям внешней среды.

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить, что феномен социально-политиче-

ской стабильности достаточно широко изучался в междисциплинарном разрезе, противопоставляясь феномену социальной нестабильности. Как правило, стабильность связана с устойчивым функционированием системы под воздействием внутренних и внешних вызовов, а условием стабильности становились развитые горизонтальные связи внутри системы, а также способность системы интегрировать элементы системы с помощью ценностной матрицы. Тем не менее стабильность рассматривалась в контексте оперативных и тактических параметров социально-политического процесса, игнорируя факторы политического порядка.

Представления о социальном и политическом порядке в концептуальной форме были сформулированы мировыми политическими доктринами XVIII–XIX вв. – либерализмом, консерватизмом и марксизмом. Согласно либеральной доктрине политический порядок есть результат общественного договора, по которому государство и гражданское общество определяют границы автономии личности. Соответственно подобный порядок выстраивается на индивидуализме, в котором идеи свободы доминируют над идеями порядка. Начиная с веберовской традиции, либеральный социальный порядок основывался на протестантской этике и духе капитализма, т. е. принадлежал западной политической традиции.

Консервативная политическая доктрина, пожалуй, рассматривала социальный порядок как главный фундамент общественных отношений. Взгляды консерваторов были направлены на утверждение основ упорядоченности социальной жизни – иерархию, традиционализм, традицию и антирационализм, что делало такой порядок привлекательным для определенной части элиты и образованных слоев общества.

Специфичны представления о социальном и политическом порядках в русской философской мысли второй половины XIX в., находящейся как под влиянием либерализма, так и русской религиозной политической концепции. В частности, Б. Н. Чичерин связывал социально-политический порядок с внутренней и внешней свободой человека, который исходил от государства, его правовых и нравственных начал [цит. по: 4, с. 21]. Б. Н. Чичерину оппонировал В. С. Соловьев, приверженец нравственно-секулятивной концепции общества [цит. по: 5]. Духовно-нравственные начала выступают регуляторами государства, общества и чело-

века, соответственно они определяют основы социально-политического порядка в философии В. С. Соловьева.

Подобный теоретический поиск оптимальных идеологических параметров развития общества на практике породил определенное сближение между консерватизмом и либерализмом, когда в некоторые консервативные идеи имплементировались некоторые либеральные элементы, а либералы принимали некоторые консервативные принципы. В XX столетии к существующим политическим доктринам добавились и социалистические идеи, на практике став способом сохранения социально-политического порядка в условиях кризисов, порождаемых рыночной экономикой и войнами.

Вторая половина XX в. рождает новую постнеклассическую парадигму – синергетику, которая успешно применяется для изучения самоорганизации социального порядка. Так, И. Пригожин отмечал, что порядок создается хаосом, сосуществуя в диссипативной структуре в ходе явления самоорганизации [6, с. 102].

При рассмотрении сущности социального и политического порядка не стоит абсолютизировать процессы самоорганизации, так как любой порядок может детерминироваться определенным способом. Один из основоположников синергетики Г. Хакен считал, что любая упорядоченность имеет управляющие параметры – временные иерархические структуры на микро-, макро- и мегауровнях системы. Параметрами порядка выступают долгоживущие коллективные переменные, задающие язык среднего макроуровня. Эти параметры порядка управляют короткоживущими структурами нижестоящего микроуровня [7, с. 116–117].

Как отмечал А. И. Демидов, власть является ключевым параметром порядка любого общества, она снижает риски неустойчивого развития и представляет собой внутреннюю структуру общества [8, с. 209]. Историческая, культурная, ценностная детерминация власти позволяет поддерживать социальный порядок, закрепляя его параметры. Ценности оформляют властные отношения, создают нормы и институты, которые структурируют общество. При этом нормы действуют в противоречивой среде и могут вызывать деинституализацию и разрушение системы власти.

В политике, как правило, ценности существуют в определенном идеологическом пространстве и играют важную роль в оформлении

политического порядка. Во-первых, идеология формирует общие ценности и цели развития государства и общества в целом; во-вторых, способствует мобилизации общества для сохранения институционального порядка; в-третьих, участвует в процессе легитимации правящего режима, обосновывая легитимное физическое господство политической власти. Поэтому процесс воспроизводства политического порядка в политической системе общества во многом зависит от эффективной работы механизмов легитимизации.

Механизмы легитимации являются основополагающими для обеспечения поддержки населением существующих и вновь вводимых норм и правил политического, социального и экономического поведения. Эти механизмы играют важнейшую роль в придании легитимности действиям властных структур и утверждению определенных норм в сознании общества. Процесс легитимации успешен, если внедряемые нормы соответствуют доминирующим в обществе ценностям и убеждениям.

В контексте паттернов, институционализирующих политический порядок, ученые выделяют и право. В отличие от идеологии оно позволяет рационализировать политический порядок, но при этом является категорией догматической, консервативной, требующей постепенного обновления под влиянием социального опыта человечества [9, с. 9].

Социально-политический порядок институционализируется не только под воздействием культурных, правовых и ценностных императивов, но и на основании других факторов. Такими факторами могут служить исторические и геополитические условия существования социума, а также человеческий материал, адекватный системе власти и управления [10, с. 24].

Итак, рассмотрев феномены социально-политической стабильности и порядка, необходимо отметить, что стабильность является одной из форм упорядочивания общества, т. е. качественной характеристикой порядка в социальной и политической сферах общества. Механизмами политической стабилизации выступают развитые горизонтальные и вертикальные связи, которые придают устойчивость социальной системе под влиянием внутренних и внешних вызовов. Политический порядок, основанный на институтах власти, направлен на стабилизацию общественных отношений. Важными инструментами стабилизации слу-

жат политическая власть, ценности, правовые нормы, идеология. Социально-политический порядок, являясь продуктом организованного хаоса, способен генерировать потенциальные новации и инвариантные характеристики, которые предохраняют общество от аномии и распада. Социально-политическая стабильность позволяет воспроизводить легитимный политический порядок, когда власть пользуется поддержкой общества, а правовые нормы и ценности обеспечивают работу социальных институтов.

Заключение

Рассмотрение сущности социально-политической стабильности подразумевает осознание данного феномена как одного из важнейших факторов социально-политического порядка. Социально-политический порядок играет важную роль в поддержании непрерывного развития общества, противодействуя процессам хаоса и дестабилизации. Образцы социально-политического порядка выражены концептуально и ценностно и могут быть представлены либеральными, консервативными и социалистическими идеями, в зависимости от внутренних и внешних факторов. Если социально-политическая стабильность выступает универсальным состоянием социальной системы, то социально-политический порядок не может быть абсолютно одинаковым для всех стран и народов, так как он находится в непрерывной эволюции и формируется вариативно, в соответствии с конкретными историческими и геополитическими условиями, а также нравственными, правовыми, культурными устоями и традициями общества. В контексте цивилизационного развития общества социально-политический порядок на Западе и Востоке складывался по-разному, поэтому сегодня изучение этого феномена может стать одним из обоснований необходимости вариативного развития человечества с учетом складывания контуров многополярного мира.

Список литературы

1. *Аристотель. О душе* / пер. и примеч. П. С. Попова. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1987. 180 с.
2. *Соболева И. В. Анализ факторов стабильности и устойчивости политической системы на примере Индии* // Международная научная конференция по

- проблемам развития экономики и общества : сборник студенческих работ. М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 31–39.
3. Бобровский М. И. Взаимосвязь традиций и новаторства как основа устойчивого социального развития // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1519–1521.
  4. Устьянцев В. Б. Порядок и государство: полемика Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева // Права человека и политика права в XXI в. : перспективы и вызовы: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. О. Ю. Рыбаков. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 269–278.
  5. Омельченко Н. А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России) // Власть. 2009. № 4. С. 18–21.
  6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
  7. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками / пер. с англ. В. И. Емельянова // Синергетическая парадигма. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 110–119.
  8. Демидов А. И. Ценностная детерминация власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 208–215.
  9. Працко Г. С., Филимонова Е. А. Ценности права и правовой порядок в условиях демократизации общественной жизни // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1 (3). С. 5–12. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-3-5-12>
  10. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
- In: *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: sbornik studencheskikh rabot* [International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development]. Moscow, HSE Publishing House, 2010, pp. 31–39 (in Russian).
3. Bobrovskiy M. I. Interrelation of traditions and innovation as the basis of sustainable social development. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2015, no. 10 (90), pp. 1519–1521 (in Russian).
  4. Ustiantsev V. B. Order and the State: Polemics of B. N. Chicherin and V. S. Solovyov. In: *Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy* [Rybakov O. Yu., ans. ed. Human Rights and the Politics of Law in the XXI Century: Prospects and Challenges]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2022, pp. 269–278 (in Russian).
  5. Omelchenko N. A. Freedom or order (on the question of conservative and liberal traditions in Russia). *Vlast'* [Authority], 2009, no. 4, pp. 18–21 (in Russian).
  6. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa* [Order from Chaos]. Moscow, Progress, 1986. 432 p. (in Russian).
  7. Haken G. Synergetics as a bridge between natural and social sciences. In: *Sinergeticheskaya paradigma* [Synergetic Paradigm]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, pp. 110–119 (in Russian).
  8. Demidov A. I. The valuable determination of the power. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2015, no. 6, pp. 208–215 (in Russian).
  9. Pratsko G. S., Filimonova E. A. The values of law and legal order in the context of democratization of public life. *Pravovoy poryadok i pravovye tsennosti* [Legal Order and Legal Values], 2023, no. 1 (3), pp. 5–12 (in Russian). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-3-5-12>
  10. Zinov'ev A. A. *Faktor ponimaniya* [Factor of Understanding]. Moscow, Algoritm, Eksmo, 2006. 528 p. (in Russian).

References

1. Aristotel'. *O dushe* [On the Soul]. Moscow, State Socio-Economic Publishing House, 1987. 180 p. (in Russian).
2. Soboleva I. V. Analysis of factors of stability and stability of the political system on the example of India.

Поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 300–304

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 300–304

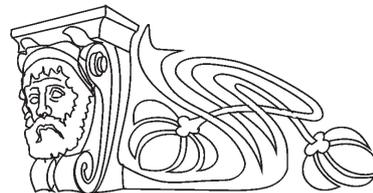
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-300-304>, EDN: LGRKRI

Научная статья

УДК [004:316.4]+[1:316]+179

Проблема ценности в цифровом обществе роевого интеллекта

М. А. Шаткин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. *Введение.* Цифровое общество, находящееся в стадии становления, демонстрирует проблему обоснования стоимости, ценности и цены цифровых продуктов и услуг, что требует рассмотрения специфики ценности в данном обществе. *Теоретический анализ.* Вслед за финансовым рынком и рынком произведений искусства в цифровом обществе стирается граница между «ценностью» и «стоимостью». Ценность, в том числе ценность личности, приобретает переменный характер и обуславливается наличием уникальных признаков и уникального опыта, который получает рыночную стоимость. В то же время в условиях стандартных цифровых протоколов и технологий истинная уникальность индивидуального опыта личности трудно достижима и может быть достигнута только посредством создания индивидуальных цифровых экосистем в форме роботизированных роев, обеспечивающих жизнедеятельность человека. Совокупность цифровых устройств, которые обладают достаточными ресурсами для постоянного самообновления и формирования вокруг личности замкнутой среды, обеспечивающей уникальный опыт, может быть названа хризалическим роем, который открывает возможность выхода личности из диктуемой обществом логики взаимной конкуренции. *Заключение.* Рассмотрение проблемы ценности в цифровом обществе роевого интеллекта открывает теоретическую перспективу на проблему кризиса социальных элит в условиях реализации данного сценария развития общества.

Ключевые слова: ценности, стоимость, уникальность, роевый интеллект, хризалический рой

Для цитирования: Шаткин М. А. Проблема ценности в цифровом обществе роевого интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 300–304. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-300-304>, EDN: LGRKRI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of value in the digital society of swarm intelligence

M. A. Shatkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Max A. Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. *Introduction.* The emerging digital society demonstrates the problem of justifying the value, worth and price of digital products and services, which requires consideration of the specificity of value in this society. *Theoretical analysis.* Following the financial and art market, the boundary between “value” and “worth” is blurred in the digital society. Value, including the value of an individual, becomes variable and is conditioned by the presence of unique attributes and unique experiences that obtain market value. At the same time, under standard digital protocols and technologies, the true uniqueness of an individual experience can only be achieved through the creation of customized digital ecosystems in the form of robotic swarms that support human life activities. A set of digital devices that have sufficient resources to continuously self-renew and form a closed environment around the individual that provides a unique experience can be called a chrysalis swarm. The chrysalis swarm creates an opportunity for the individual to escape from the logic of mutual competition dictated by society. *Conclusion.* Studying the value problematization in the digital society of swarm intelligence opens a theoretical perspective on the problem of the crisis of social elites in the context of the fulfillment of this scenario of society development.

Keywords: values, worth, uniqueness, swarm intelligence, chrysalis swarms

For citation: Shatkin M. A. The problem of value in the digital society of swarm intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 300–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-300-304>, EDN: LGRKRI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Тенденцией в развитии социальной философии в последние десятилетия является разворот от «фундаментальных вопросов» к «неидеальным» (т.е. признающих легитимность существующих институтов и придерживающихся агностицизма относительно возможности построения идеально справедливого общества [1, р. 206–207]) исследованиям социальных несправедливостей и проблем [2, р. 448]. Одной из таких проблем является угроза автономии и достоинства личности в условиях зависимости от трудового дохода в корпорациях, осуществляющих не только экономическую, но также культурную и ценностную власть над работниками [1, р. 206–208]. При этом навязывание «культурных» ценностей корпоративной культуры, помимо прочего, служит цели обесценивания (т.е. снижения действительной ценности для корпорации) труда работников [1, р. 213]. Особенно остро эта проблема выражается в высокотехнологичном секторе, где ценность (и, соответственно, стоимость) труда отдельного сотрудника трудно оценить [1, р. 214]. Таким образом, вопрос об оценке ценности (стоимости) труда, а также провозглашаемых институтами цифровой экономики культурных ценностей становится вопросом, от обсуждения которого зависит понимание автономии и достоинства (ценности) личности в наступающем цифровом обществе. Социальные условия этого общества, а именно зависимость личности от трудовых доходов, чей размер определяется оценкой ценности труда в рамках корпоративной культуры, обуславливают необходимость рассмотрения феномена ценности в контексте практики оценки стоимости в формирующемся цифровом обществе. С учетом разнообразия сценариев развития этого общества в данной статье мы ограничимся условиями цифрового общества роевого интеллекта, предполагающего акцент на обеспечение человеческих потребностей скоплениями (роями) цифровых устройств, взаимодействующих между собой с помощью алгоритмов роевой оптимизации и не имеющих отдельного «сильного» искусственного интеллекта [3].

Теоретический анализ

Заметной тенденцией в современном политическом, экономическом и научном дискурсе является размытие концептуальных границ между понятиями «(экономическая) стоимость» и «(со-

циальная, культурная) ценность». Предпосылкой для такого размытия служит сдвиг в понимании обоснования цены продукта – от затрачиваемых на него усилий и ресурсов (себестоимости) к его полезности для конкретного пользователя или всего общества. Как указывает Маццукато, этот сдвиг произошел в рамках борьбы западных элит с трудовой теорией стоимости Маркса в первой половине XX в. и затем усилился под влиянием торжества финансового капитала, цена услуг которого не имеет реального обоснования, что в результате привело к размытию границ между «ценой» и «ценностью» [4, с. 101–115, 207]. Стоит заметить, что в русском издании книги М. Маццукато «Ценность всех вещей: создание и изъятие в мировой экономике» это размытие приняло крайнюю форму тотальной замены термина «стоимость» термином «ценность» без учета сложившихся в российской науке традиций, что привело к появлению вызывающих недоумение выражений, как, например, «трудовая теория ценности» (К. Маркс), «прибавочная ценность» и «объем ценности» [4, с. 56, 85, 208].

Проведенное Маццукато исследование финансового рынка, на котором требуемое вознаграждение за предоставляемые услуги не имеет никакой рациональной корреляции с понесенными затратами или предоставляемой пользой, позволяет сделать вывод, согласно которому в основе цены (на эти услуги) лежит произвольно заявленная их символическая ценность для развитой позднекапиталистической экономики. Легко заметить, что ценообразование на финансовом рынке гомологично тому же процессу на рынке произведений искусств (арт-маркете), где художественная (символическая) ценность картины является функцией ее цены, признанной экспертами и рынком [5, с. 20–24]. Таким образом, проблематизация стоимости и ценности не является эксклюзивной чертой цифровой экономики, скорее последняя по своему происхождению несет на себе родимые пятна спекулятивных рынков и престижных арт-маркетов.

Чтобы проанализировать цифровое общество через призму обоснования ценности (стоимости) обращающихся в нем товаров и услуг, требуется провести анализ внутренней, точнее, политэкономической логики существования цифровых технологий как продуктов. Эти продукты появляются вследствие инвестиций (продавца в производство и покупателей в приобретение цифрового продукта) и призваны стать частью цепочки создания стоимости, рост кото-

рой окупит инвестиции. С учетом того, что сами эти инвестиции носят спекулятивный характер, и инвесторы склонны получать доход не от широкого производства инновационного продукта, а от роста цены акций, обусловленного ожиданиями относительно данного производства, уже в основе расчета себестоимости инноваций лежат произвольные оценки и ожидания.

Как указывалось ранее, понятие стоимости (ценности) в последние десятилетия приобрело размытый и полисемичный характер, поэтому проведение четкой границы между экономической стоимостью и внеэкономической социальной ценностью не всегда возможно [6, р. 3–5], особенно если стремление к росту экономической стоимости становится социальной ценностью, которая служит поводом для привлечения интереса публики к новинке и это способствует росту ее цены, которая обосновывается высокой «стоимостью», ставшей в данном случае неотличимой от «ценности». В отличие от традиционной аксиологии под «ценностью» понимается то, что «объявлено» в качестве «важного», а не то, что «должно быть важным (невзирая на рыночную цену)». Так, аксиологическое суждение «человеческая личность, обладая безусловной ценностью», вступает здесь в противоречие с социальной реальностью, где личности включаются в острую конкуренцию за то, чтобы их социальная и экономическая «ценность» (выражаемая в «цене» их труда и активов) возрастала и фиксировалась.

Популярным обоснованием стремительного распространения цифровых технологий является их способность вносить вклад в увеличение «ценности» (и, соответственно, «стоимости», определяемой через «цену» – уровень доходов) пользователей через рост их личной производительности посредством повышения «эффективности» их труда, узнаваемости в социальных сетях, привлекательности через алгоритмы обработки изображений или моделирование внешнего вида. Однако из этого ряда выбиваются технологии, используемые в развлекательных целях (наиболее яркий пример – видеоигры), где, за исключением отдельных категорий профессиональных стримеров, пользователи скорее теряют, чем приобретают профессиональную ценность. Тем не менее эти продукты во многом являются «двигателем» цифровой экономики (и цифрового общества в целом), обеспечивая рост совокупной стоимости представленных в ней продуктов.

Для понимания специфики ценности (стоимости) в цифровом обществе предлагаем обратиться к понятию «валоризация», используемому Л. Болтански и А. Эскером [7] для обозначения придания предмету (товару, услуге, историческому ландшафту) дополнительной ценности через его связь с уникальным историческим или географическим контекстом. Здесь ценность определяется способностью предоставлять уникальный опыт, который также приобретает характер имеющей стоимостное выражение ценности и, в свою очередь, обуславливает социальную ценность и привлекательность личности, обладающей наиболее разнообразным и уникальным опытом. Однако в контексте цифровых технологий уникальность опыта проблематизируется, так как этот опыт обусловлен стандартными программными протоколами, скриптами и шаблонами. Здесь мы сталкиваемся с диалектической основой цифрового общества, а именно противоречием между требованием оригинальности и уникальности и шаблонным характером этой уникальности. Раскрытие этого противоречия, его отражение в разных социотехнических практиках, сферах и дискурсах не может быть осуществлено в рамках традиционного аксиологического подхода, опирающегося на духовное и этическое понимание ценностей. В связи с этим предлагается назвать теоретико-методологический подход, нацеленный на раскрытие того, как формируется связанная со стоимостью ценность, валоризационным.

В возникающем цифровом обществе, опирающемся на ценностно-стоимостные практики финансового рынка и арт-маркета, ценность личности не является безусловной. Она предстает как переменная величина, которая, подобно производству искусства, определяется конкретной уникальностью, представленной в жизненном опыте. Предпосылки такого понимания представлены в ранней работе Болтански и Тевено [8], в которой было введено понятие «величие» (*grandeur*) личности, носящее динамический и процессуальный характер и определяющее ценность (вес) ее аргументации в установлении ценности вещей. В цифровом обществе ценность личности обуславливается местом и ролью (функцией) личности в общественном процессе роста (создания, поддержания, увеличения) стоимости, неразрывно связанном с экономическими, инновационными, социальными и иными инвестициями в развитие цифровых технологий. Последние являются неотъемлемым

инфраструктурным элементом создания и возрастания накопленной в обществе стоимости. Социальная ценность личности предоставляет ресурсы для инвестиций в развитие технологических возможностей поддержания и формирования уникального личного опыта, в то время как достигнутая уникальность монетизируется в рост ценности. Эта взаимосвязь действует и в обратном порядке, когда то, что воспринимается обществом как безликое, скучное и стандартное, не получает ресурсов для обретения первичной уникальности. Здесь открывается широкая перспектива для возникновения и осмысления новых поколений цифрового неравенства, где на современных технологических уровнях воспроизводится так называемый «эффект Матфея», согласно которому богатые становятся богаче, а бедные – беднее. Кроме того, валоризационная перспектива открывает возможности для переосмысления понятия социальных институтов (их роль в процессе создания ценности личности), социального порядка (допустимый уровень различий уникальности и ценности, позволяющий говорить о наличии единого социума) и социального дискурса, который не только служит распространению и монетизации уникального опыта и представлений о нем, но и скрывает те формы опыта, относительно которых не сложился консенсус об их стоимости.

В этих условиях наиболее ценным самоопределением личности становится такое, которое исключает ее из нескончаемой суеты борьбы за классические измерения социальной ценности – престижа, богатства и власти. Причем диалектически отрицание, снятие и в то же время полное осуществление социальной логики борьбы за уникальность произойдет на уровне тех, кто занимает в социальной иерархии ценностей престижное место и обладает достаточными ресурсами для обновления своей личной цифровой инфраструктуры до высшего возможного уровня. Динамичная взаимосвязь уникальности и постоянно меняющейся ценности личности диктует цель достижения максимальной ценности через максимальную уникальность, что диалектически означает переход на новый качественный уровень, снимающий прежнюю логику бесконечной гонки за уникальностью. Этот переход возможен через создание закрытых и самовоспроизводящихся цифровых экосистем, которые не только поддерживают существование и благополучие личности, но и формируют окружающую ее среду. Поскольку эти экосистемы,

как показывает современное развитие цифровых технологий, представляют децентрализованное скопление поддерживающих взаимную связь и постоянно решающих задачи по созданию наиболее оптимального для пользователя уникального жизненного опыта цифровых устройств, то они получили название «роботизированные рои». Пользователь и собственник этих экосистем – роев освобождается от зависимости от общества в части технологических инноваций, поскольку данный рой способен решать задачи по собственной оптимизации. Каждый рой в зависимости от особенностей самого субъекта-пользователя и окружающей среды будет решать данную задачу оригинальным способом. Это обеспечит полностью уникальный опыт субъекта, выступающего в роли «королевы» своего роя, и, соответственно, будет означать достижение неизменной (точнее находящейся в состоянии постоянного самовоспроизводства) ценности данного опыта и одновременно его освобождение от зависимости от тенденций и колебаний социальных представлений о ценности и уникальности. Таким самодостаточным, закрытым цифровым экосистемам, доступным только для наиболее обеспеченных представителей общества, предлагается присвоить наименование «хризалический рой», которое является отсылкой к «золотым» куколкам некоторых бабочек. Этим самым подчеркивается роль роя как непроницаемого защищающего кокона и отражается высокий уровень достатка владельцев таких роев.

Хризалический рой может быть представлен как ценность за пределами ценности и богатство за пределами богатства. Он выводит владельца из нескончаемой конкуренции за место в рейтингах, поскольку в хризалическом рое стоимость и, соответственно, ценность, становятся неизмеримыми и в этом аспекте трансцендентными по отношению к любым формам социально-экономической стратификации, включая принадлежность к собственной элитной группе. Если принять во внимание тот факт, что в истории обществ с выделенными элитами для последних ценностью являлось сохранение социальной и культурной дистанции по отношению к остальным слоям общества, то в цифровом обществе роевого интеллекта это стремление может достичь своей цели, а точнее диалектического снятия ценности данной дистанции, поскольку последняя становится непреодолимой и из разряда ценности переходит в разряд второстепенного элемента внутрироевой реальности.

Заключение

Исследование оформляющихся черт становящегося цифрового общества (в сценарии общества роевого интеллекта) требует обращения внимания в первую очередь на те особенности данного общества, которые наследуются им от современных социально-экономических практик. Технологии роевого интеллекта способны довести до полной реализации те тенденции, которые отражают не только позднекапиталистические условия рынков финансов и искусства, но и в условия всех обществ, где ценностью являлась социальная стратификация и конкуренция за место в социальной пирамиде. Стирание границ между «стоимостью», «ценностью» и «ценой» находит свое полное воплощение в технологическом хризалическом рое, создающем для своего владельца самодостаточную и постоянно самообновляемую экосистему. В то же время создание таких индивидуальных роев проблематизирует феномен социальной элиты, который из консолидированной группы, имеющей общие интересы, распадается на изолированные индивидуальные хризалические рои. Таким образом, последовательное рассмотрение проблемы ценности в рамках цифрового общества роевого интеллекта открывает новую теоретическую перспективу и обуславливает возникновение следующей теоретической задачи, требующей отдельного рассмотрения, а именно изучения кризиса социальных элит в данном типе общества.

Список литературы

1. Herzog L. Citizens' autonomy and corporate cultural power // *Journal of Social Philosophy*. 2020. Vol. 51, iss. 2. P. 205–230. <https://doi.org/10.1111/josp.12310>
2. Hänel H. C., Haslanger S., Kroeger O. Analyzing social wrongs // *Journal of Social Philosophy*. 2022. Vol. 53, iss. 4. P. 448–453. <https://doi.org/10.1111/josp.12505>
3. Шаткин М. А. Проблема приватности в цифровом обществе роевого интеллекта // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–66. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-62-66>

4. Маццукато М. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 408 с.
5. Грав И. Высокая цена. Искусство между рынком и культурой знаменитости. М. : Ад Маргинем Пресс, 2008. 169 с.
6. Hybrid governance, organisations and society: Value creation perspectives / eds. J. Vakkuri, J. E. Johanson. Abingdon : Routledge, 2021. 268 p.
7. Болтански Л., Эскер А. Обогащение. Критика товара. М. ; СПб. : Издательство Института Гайдара, 2021. 600 с.
8. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

References

1. Herzog L. Citizens' autonomy and corporate cultural power. *Journal of Social Philosophy*, 2020, vol. 51, iss. 2, pp. 205–230. <https://doi.org/10.1111/josp.12310>
2. Hänel H. C., Haslanger S., Kroeger O. Analyzing social wrongs. *Journal of Social Philosophy*, 2022, vol. 53, iss. 4, pp. 448–453. <https://doi.org/10.1111/josp.12505>
3. Shatkin M. A. The problem of privacy in the digital society of swarm intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–66 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-62-66>
4. Mazzucato M. *The Value of All Things. Creation and Withdrawal in the Global Economy*. Allen Lane, Penguin Random House UK, 2018. 312 p. (Russ. ed.: Mazzucato M. *Tsennost vseh veshchey. Sozдание i izyatie v mirovoy ekonomike*. Moscow, HSE Publishing House, 2021. 408 p.).
5. Graw I. *Der große Preis: Kunst zwischen Markt und Celebrity-Kultur*. DuMont, 2008. 160 S. (Russ. ed.: Graw I. *Vysokaya tsena. Iskustvo mezhdu rynkom i kul'turoy znamenitosti*. Moscow, Ad Marginem Press, 2008. 169 p.).
6. Vakkuri J., Johanson J. E. (eds.). *Hybrid governance, organisations and society: Value creation perspectives*. Abingdon, Routledge, 2021. 268 p.
7. Boltanski L., Esquerre A. *Enrichissement. Une critique de la merchandise*. Paris, Gallimard, 2017. 672 p. (Russ. ed.: Boltanski L., Esquerre A. *Obogashchenie. Kritika tovara*. Moscow, St. Petersburg, Institut Gaydara Publ., 2021. 600 p.).
8. Boltanski L., Teveno L. *De là justification. Les économies de la grandeur*. Paris, Gallimard, 1991. 496 p. (Russ. ed.: Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti*. Moscow, Novoye Literaturnoe Obzrenie, 2013. 576 p.).

Поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–309

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–309
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-305-309>

EDN: RUTRSL

Научная статья

УДК 343.341:[316.62+159.923]

Социальная и личностная неопределенность как факторы социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую организацию

И. М. Исмаилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

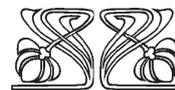
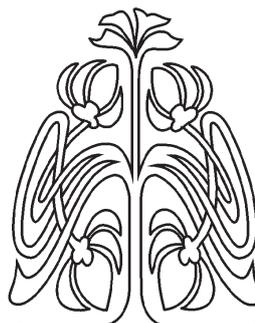
Исмаилов Исмаил Мирзабекович, аспирант кафедры социальной психологии, byboska90@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0159-9635>

Аннотация. Введение. В контексте противостояния идеологии терроризма решаются две основные задачи: как выявить наиболее уязвимые для восприятия идей терроризма социальные группы населения и какие профилактические работы следует проводить, чтобы ослабить эффект воздействия идеологии терроризма. **Теоретический анализ.** Степень социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую организацию главным образом зависит от признания личностью принципов национальной, политической и религиозной доктрины. Социально-психологическая устойчивость личности к участию в террористических акциях – это качество личности, заключающееся в сформированном критическом отношении к терроризму, знаниях о губительных последствиях терроризма в обществе, активной гражданской позиции, которая включает в себя неприятие терроризма. В результате можно утверждать, что социально-личностная неопределенность влияет на социально-психологическую устойчивость личности. **Эмпирический анализ.** Рассмотрение проблемы детерминации социальной и личностной неопределенности на социально-психологическую устойчивость личности к вовлечению в террористическую деятельность позволило установить, что социально-личностная неопределенность влияет на социально-психологическую устойчивость личности. **Заключение.** Социальная и личностная неопределенности являются благоприятной средой для формирования экстремистских взглядов и оправдания идеологии насилия, поэтому необходимо внедрение психодиагностического инструментария, направленного на выявление социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую деятельность.

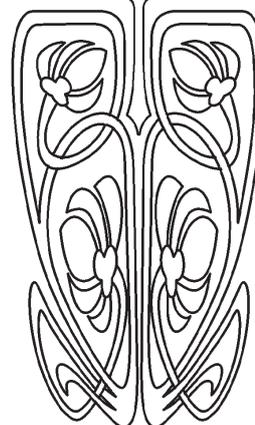
Ключевые слова: террористическая пропаганда, феномен социальной и личностной неопределенности, социально-психологическая устойчивость личности к участию в террористических акциях

Для цитирования: Исмаилов И. М. Социальная и личностная неопределенность как факторы социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую организацию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–309. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-305-309>, EDN: RUTRSL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Social uncertainty as a predictor of an individual's socio-psychological resistance to involvement in a terrorist organization

I. M. Ismailov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ismail M. Ismailov, byboska90@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0159-9635>

Abstract. Introduction. In the context of countering the ideology of terrorism, two main tasks are being solved: how to identify the most vulnerable social groups of the population to the perception of the ideas of terrorism and what preventive work should be carried out to weaken the effect of the ideology of terrorism. **Theoretical analysis.** It allows us to conclude that the degree of socio-psychological resistance of a person to involvement in a terrorist organization mainly depends on the recognition of the principles of national, political and religious doctrine by a person. The socio-psychological stability of a person to participate in terrorist acts is a personality quality consisting in a formed critical attitude towards terrorism, knowledge of the disastrous consequences of terrorism in society, and an active civic position, which includes rejection of terrorism. As a result, it can be argued that socio-personal uncertainty affects the socio-psychological stability of a person. **Empirical analysis.** Consideration of the problem of determining social and personal uncertainty on the socio-psychological stability of a person to involvement in terrorist activities has allowed us to conclude that socio-personal uncertainty affects the socio-psychological stability of a person. **Conclusion** social and personal uncertainty are a favorable environment for the formation of extremist views and justification of the ideology of violence, therefore it is necessary to introduce psychodiagnostic tools aimed at identifying the socio-psychological resistance of a person to involvement in terrorist activities. **Keywords:** terrorist propaganda, the phenomenon of social and personal uncertainty, socio-psychological stability of a person to participate in terrorist acts

For citation: Ismailov I. M. Social uncertainty as a predictor of an individual's socio-psychological resistance to involvement in a terrorist organization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–309 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-305-309>, EDN: RUTRSL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время, как никогда, остро встает проблема противостояния идеологическому воздействию международного терроризма. В рамках социальной психологии в контексте противостояния идеологии терроризма решаются две основные задачи: как выявить наиболее уязвимые для восприятия идей терроризма социальные группы населения и какие профилактические работы следует проводить, чтобы ослабить эффект воздействия идеологии терроризма. Для решения поставленных задач необходимо выделить факторы, отрицательно влияющие на социально-психологическую устойчивость личности к вовлечению ее в террористическую организацию. В работе Г. Г. Аракелова с соавторами [1] и других приводятся факторы, негативно влияющие на социально-психологическую устойчивость личности к вовлечению ее в террористическую организацию. Подчеркивается экономический и социально-психологический характер обсуждаемых факторов. В настоящем исследовании внимание сосредоточено на факторах личностной и социальной неопределенности. Смысл феноменов социальной и личностной неопределенности и особенности их деструктивного влияния

на развитие личности в целом раскрывается в работе Е. А. Шмелевой, П. А. Кислякова, Т. С. Стрункиной [2].

Теоретический анализ

Нами были изучены работы, основными задачами которых являются следующие: установление социально-психологической природы мирового терроризма; исследование характеристики представителей молодежной и, в частности, студенческой среды, наиболее уязвимых в психологическом плане с точки зрения воздействия террористической пропаганды; разработка психологических мер противостояния идеологическому воздействию терроризма; раскрытие смысла феноменов социальной и личностной неопределенности.

Отталкиваясь от работы А. В. Забарина [3], мы пришли к пониманию того, что степень социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую организацию существенным образом зависит от признания личностью принципов национальной, политической и религиозной доктрин. При этом все усилия террористической пропаганды направлены на внедрение в сознание широких масс системы альтернативных идеалов.

1. *Феномен социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую деятельность. Компоненты и уровни данного феномена*

Мы рассматриваем понятие социально-психологической устойчивости личности в рамках иерархии.

Е. И. Зыкина говорит о нравственной устойчивости как о психологическом образовании, которое складывается благодаря опоре на нравственные ценности человека и на основе его поведения [4].

М. А. Чунов считает, что в основе социально-психологической устойчивости личности человека лежит ответственное отношение молодого человека к ценностям, отрицательным явлениям в обществе, к своему поведению. Если человек имеет социально-психологическую устойчивость, то он ответственен за свое мировоззрение перед окружающими [5].

Основываясь на взглядах С. Л. Рубинштейна, мы рассматриваем социально-психологическую направленность личности на принятие идеалов национальной политической и религиозной систем как полидинамических тенденций, выполняющих роль мотивов, определяющих поведение личности в процессе расширения и углубления социально-психологических связей человека с общественными институтами на благо развития государственного суверенитета [6].

Социально-психологическая устойчивость личности к участию в террористических акциях – это качество личности, заключающееся в сформированном критическом отношении к терроризму, знаниях о губительных последствиях терроризма в обществе, активной гражданской позиции.

Социально-психологическая устойчивость личности по отношению к терроризму включает в себя следующие составляющие:

непримирение к терроризму;

когнитивную составляющую – осведомленность человека о вреде и пагубном влиянии терроризма на окружающих;

поведение индивида, направленное на борьбу с терроризмом и его последствиями, непримирение к терроризму в любом виде;

эмоциональную составляющую – негативное отношение к терроризму, его последствиям, умение понимать природу этого негативного отношения.

2. *Социальная и личностная неопределенность как факторы, негативно влияющие на*

социально-психологическую устойчивость личности к вовлечению в террористическую деятельность.

Н. М. Романова, К. А. Киселев [7–10], а также А. И. Коробеев, А. А. Мальцев [11] отмечают, что в террористическую деятельность обычно втягивают молодых людей, у которых появляются проблемы социальной адаптации и отсутствуют социальные нормы.

Наиболее подверженными вовлечению в деятельность террористических организаций являются молодые люди, переживающие социальную и личностную неопределенность. На основании исследований упомянутых ученых можно выделить следующие социально-психологические характеристики такой молодежи:

социальные: молодежь, демонстрирующая явно или скрытно недовольство своим социальным статусом, готовая к нарушению законов с целью экономического обогащения, проявляющая нетерпимость к религиозным и другим особенностям представителей других этносов. Важным обстоятельством вовлечения молодежи в террористическую организацию является идентификация молодых людей с деструктивными социальными группами;

личностные: молодежь с неокрепшими ценностными представлениями, неуверенные в себе молодые люди с заниженной самооценкой и имеющие высокий уровень конформности, молодежь с завышенной самооценкой, внешним локусом контроля, высоким уровнем склонности к риску и низким уровнем стрессоустойчивости. В группу риска зачастую попадают молодые люди, не обладающие индивидуальными качествами, направленными на достижение поставленных целей.

Социальная и личностная неопределенности оказывают влияние на социально-психологическую устойчивость личности к участию в терроризме. Об этом говорится в трудах таких психологов, как П. А. Кисляков, А.-Л. С. Мерсон, П. А. Егоров [12] и др. В своих работах А. Н. Луняка рассматривает социальную неопределенность личности как отсутствие сформированного представления в вопросах вероисповедания, политических взглядов, религиозных убеждений, института семьи, образа референтной группы. Личностная же неопределенность заключается в отсутствии четкого сформированных ценностных и смыслозначимых ориентаций, четкого осознания своих жизненных планов и путей их достижения [13].

Итак, социальная неопределенность – это критичное состояние общества во время социальных реформ и деформации всех устоев общества, несущее угрозу всему обществу, его целостности, нравственным и моральным ценностям. Личностная неопределенность – это переживание индивидом смысловой фрагментарности собственного жизненного пути.

Эмпирический анализ

Были определены высокий, средний и низкий уровни вовлечения в террористические организации, на основании субъективного вос-

приятия личности различных ситуаций в жизни. В исследовании участвовали осужденные по ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности».

Для определения детерминации социальной и личностной неопределенности на социально-психологическую устойчивость личности к вовлечению в террористическую деятельность применялся множественный регрессионный анализ. Переменными предикторами выступили социальная неопределенность (СН) и личностная неопределенность (ЛН), которым соответствуют три уровня опасности вовлечения в террористическую деятельность (таблица).

Результаты множественной регрессии
Multiple Regression Results

Статистические переменные	Факторы (предикторы) – социальная и личностная неопределенность					
	СН(В)	СН(С)	СН(Н)	ЛН(В)	ЛН(С)	ЛН(Н)
Множественные R	0,511	0,39	0,35	0,65	0,55	0,42
Множественные R ²	0,261	0,15	0,12	0,42	0,30	0,17
Скорректированные R ²	0,214	0,09	0,07	0,39	0,26	0,12
F статистическая величина	5,536	2,75	2,16	11,55	6,81	3,29
p значение вероятности	0,000	0,02	0,05	0,00	0,00	0,01
Стандартная ошибка оценки	1,996	1,98	1,97	1,55	1,78	1,79

Все рассмотренные регрессионные модели статистически значимы и подвержены интерпретированию. В результате можно утверждать, что социально-личностная неопределенность влияет на социально-психологическую устойчивость личности.

Заключение

Итак, мы пришли к выводу о существовании двух систем идеалов. *Первая система* идеалов базируется на активном усвоении личностью религиозных и социально-политических норм, регулирующих процесс его социализации. Категория лиц с недостаточно развитой социальной и личностной самоидентификацией представляет собой благоприятную среду для формирования *второй системы* идеалов – системы, подпитывающей разрушительные процессы в сфере социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую деятельность. Указывая на то, что социальная и личностная неопределенности являются благоприятной средой для формирования экстремистских взглядов и оправдания идеологии

насилия, усматривается необходимость в разработке и внедрении психодиагностического инструментария, направленного на выявление социально-психологической устойчивости личности к вовлечению в террористическую деятельность, будет иметь практическую значимость для социальных психологов, специалистов, работающих в системе противодействия терроризму в молодежной среде.

Список литературы

1. Аракелов Г. Г., Аршинова В. В., Жданова Г. Е. Стресс-факторы, влияющие на формирование психосоциальной устойчивости личности в период студенчества // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 52–60.
2. Шмелева Е. А., Кисляков П. А., Стрункина Т. С. Социокультурная идентичность в формировании устойчивости молодежи к возникающим угрозам и рискам // Научный поиск. 2019. № 3.1. С. 76–80.
3. Забарин А. В. Психологическая устойчивость к воздействию идеологии терроризма // Петербургский психологический журнал. 2018. № 23. С. 95–120.
4. Зыкина Е. И. Методика развития нравственной устойчивости у студентов – будущих юристов на

- занятиях по английскому языку // Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова. 2015. № 3 (67). С. 129–130.
5. Чуносов М. А. Психолого-педагогический аспект формирования у несовершеннолетних морально-ценностной устойчивости к идеологии экстремизма // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 2 (13). С. 34–38.
  6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.
  7. Романова Н. М., Сплошнова Е. А., Киселёв К. А. Типология современных мошенников: фрустраторы и мотивировки // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9 (29). URL: www.sisp.nkras.ru, <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-87>
  8. Романова Н. М. Разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 96–100. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-3-96-100>
  9. Romanova N. M. Classification of criminal groups // CBU International Conference on Integration and Innovation in Science and Education (Prague, April 7–14, 2013). Prague, Central Bohemia University Publ., 2013. P. 129–134. <https://doi.org/10.12955/cbup.2013.25>
  10. Романова Н. М. Вовлечение личности в криминальную деятельность: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 80–86.
  11. Коробеев А. И., Мальцев А. А. Особенности причинно-мотивационного комплекса вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 50–59. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).50-59](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).50-59)
  12. Кисляков П. А., Меерсон А.-Л. С., Егорова П. А. Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 2. С. 11. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-2-11>
  13. Луняка А. Н. Социальное самоопределение курсантов военного института как фактор социально-психологической адаптации // Общество: Социология, психология, педагогика. 2021. № 3 (83). С. 80–84.
  2. Shmeleva E. A., Kislyakov P. A., Strunkina T. S. Socio-cultural identity in the formation of youth's resistance to emerging threats and risks. *Nauchnyi` poisk* [Scientific Search], 2019, no. 3.1, pp. 7–80 (in Russian).
  3. Zabarin A. V. Psychological resistance to the influence of the ideology of terrorism. *St. Petersburg Psychological Journal*, 2018, no. 23, pp. 95–120 (in Russian).
  4. Zykina E. I. Methods of developing moral stability among students – future lawyers in English classes. *Vestnik IzhGTU imeni M. T. Kalashnikova* [IzhGTU Bulletin named after M. T. Kalashnikov], 2015, no. 3 (67), pp. 129–130 (in Russian).
  5. Chunosov M. A. Psychological and pedagogical aspect of the formation of moral and value stability in minors to the ideology of extremism. *Obzor. NTsPTI* [Review of the National Center for Information Countering Terrorism and Extremism in the Educational Environment and on the Internet], 2018, no. 2 (13), pp. 34–38 (in Russian).
  6. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2002. 720 p. (in Russian).
  7. Romanova N. M., Sploshnova E. A., Kiselev K. A. The typology of modern fraudsters: Frustrators and justifications. *Modern Research of Social Problems*, 2013, no. 9 (29) (in Russian). Available at: www.sisp.nkras.ru, <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-87>
  8. Romanova N. M. Kinds of involvement of the personality in criminal activity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 96–100 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-3-96-100>
  9. Romanova N. M. Classification of criminal groups. In: *CBU International Conference on Integration and Innovation in Science and Education (Prague, April 7–14, 2013)*. Prague, Central Bohemia University Publ., 2013, pp. 129–134. <https://doi.org/10.12955/cbup.2013.25>
  10. Romanova N. M. Involvement of the personality in criminal activity: To the problem statement. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 80–86 (in Russian).
  11. Korobeev A. I., Maltsev A. A. Motivation and causal complex of the participation of children in terrorist organizations. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 50–59 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).50-59](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).50-59)
  12. Kislyakov P. A., Meyerson I.-L. S., Egorova P. A. Indicators of psychological stability of the individual to sociocultural threats and negative information impact. *Vestnik of Minin University*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 11 (in Russian). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-2-11>
  13. Lunyaka A. N. Social self-determination of cadets of the military institute as a factor of socio-psychological adaptation. *Obshchestvo: Sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2021, no. 3 (83), pp. 80–84 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 30.12.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2024;
 принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024
 The article was submitted 30.12.2023; approved after reviewing 29.04.2024;
 accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 310–315

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 310–315

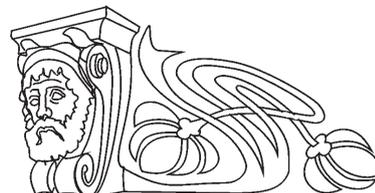
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-310-315>, EDN: TMMEQZ

Научная статья

УДК [61:378]:159.923

Карьерная ориентация «профессиональная компетентность» как фактор успешного освоения роли врача студентами медицинских специальностей

В. В. Енин

Ставропольский государственный медицинский университет, Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Мира, д. 310

Енин Виктор Викторович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии, yeninvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2029-1397>

Аннотация. Введение. В статье отражены результаты исследования, позволившего выявить связь субъектных свойств личности и выраженность карьерной ориентации, проявляющейся в желании улучшить свои знания и умения в выбранной сфере у студентов медицинского вуза. Сформированность изучаемой карьерной мотивации может быть важным фактором, определяющим успешность освоения ролевого профессионального поведения будущими врачами. **Теоретический анализ.** В современных исследованиях делается акцент на значимости сформированности карьерной ориентации «профессиональная компетентность» для успешного освоения навыков студентами-медиками, но не раскрываются особенности ее взаимосвязи со структурными компонентами субъектной организации личности в условиях межличностного взаимодействия. **Эмпирический анализ.** Обнаружены связи между мотивацией к самосовершенствованию в выбранной профессиональной деятельности, способностью к осуществлению самоконтроля в условиях коммуникации, а также проявляемыми эго-позициями в общении и стилями саморегуляции. **Заключение.** Сформированность карьерной ориентации «профессиональная компетентность» может быть важным фактором успешного освоения профессионального ролевого поведения студентами-медиками при условии актуализации субъектных свойств в условиях межличностного взаимодействия: волевой регуляции поведения, оптимального сочетания требуемого и проявляемого поведения в общении, использования оптимальных стилей саморегуляции и стратегий взаимодействия.

Ключевые слова: карьерные ориентации, профессиональная компетентность, ролевое поведение, субъектные свойства, межличностное взаимодействие, саморегуляция

Для цитирования: Енин В. В. Карьерная ориентация «профессиональная компетентность» как фактор успешного освоения роли врача студентами медицинских специальностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 310–315. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-310-315>, EDN: TMMEQZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Career orientation “professional competence” as a factor in the successful mastery of the role of a doctor by medical students

V. V. Enin

Stavropol State Medical University, 310 Mira St., Stavropol 355017, Russia

Victor V. Enin, yeninvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2029-1397>

Abstract. Introduction. The article reflects the results of the study that made it possible to identify the connection between subjective personality traits and the severity of career orientation, manifested in the desire to improve their knowledge and skills in the chosen field among medical university students. The maturity of the studied career motivation can be an important factor determining the success of future doctors mastering role-related professional behavior. **Theoretical analysis.** The results of modern research allow us to talk about the importance of the formation of a career orientation “professional competence” for the successful self-realization of young doctors, but do not reveal the features of its relationship with the structural components of the subjective organization of an individual in the conditions of interpersonal interaction. **Empirical analysis.** Connections were found between motivation for self-improvement in the chosen professional activity, the ability to exercise self-control in communication conditions, as well as manifested ego positions in communication and self-regulation styles. **Conclusion.** The formation of a career orientation “professional competence” can be an important factor in the successful development of professional role behavior by medical students, subject to the actualization of subjective properties in the conditions of interpersonal interaction: volitional regulation of behavior, the optimal

combination of required and demonstrated behavior in communication, the use of optimal styles of self-regulation and interaction strategies.
Keywords: career orientations, professional competence, role behavior, subjective properties, interpersonal interaction, self-regulation
For citation: Enin V. V. Career orientation "professional competence" as a factor in the successful mastery of the role of a doctor by medical students. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 310–315 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-310-315>, EDN: TMMEQZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследование связи карьерных ориентаций и успешности профессиональной социализации студентов медицинских специальностей – актуальная проблема для социальной психологии образования, так как карьерная мотивация может оказывать существенное влияние на процесс освоения навыков врачебной деятельности и ее результативность. Об этом свидетельствуют данные современных исследований [1–4]. Карьерные ориентации имеют разную представленность и выраженность на всех этапах обучения в медицинском вузе [4]. На необходимость осуществления профессиональной ориентации абитуриентов, поступающих в медицинские вузы, указывают ряд авторов в контексте ухода молодых врачей из профессии в первые годы после обучения [5, 6]. Своевременная психопросветительская работа, направленная на осознание собственных «якорей карьеры» [7], могла бы быть мерой профилактики такого явления.

Карьерная ориентация «профессиональная компетентность» может влиять на то, каким образом студенты осваивают и проявляют навыки профессиональной межличностной коммуникации, осуществляют саморегуляцию и самоконтроль эмоциональных реакций и поведения. Данное предположение выступило в качестве гипотезы проведенного исследования.

Теоретический анализ

Проблеме изучения становления личности профессионала в процессе обучения в медицинском вузе посвящены работы как отечественных авторов, например М. А. Тарарышкина [8], А. Д. Доника [9], В. А. Урываева, А. А. Тарасовой [10], Е. В. Роцевской [11], Ю. А. Сторожевой [12], Н. В. Бирюковой [13], В. И. Чумакова, И. В. Чумакова [14], Е. А. Синенко, А. Ю. Бендриковой, Н. С. Логиновой [15], так и зарубежных Н. А. Насаби, П. Бастани, А. Р. Йезфия, Н. Бордбар, 2021 [16], раскрывающие потенциальные и актуальные возможности личности, осваивающей сложную профессию врача.

В исследовании А. Д. Доника были выявлены значимые для освоения роли врача личностные особенности, к которым автор отнес мыслительные, эмоциональные и коммуникативные. При этом росту напряжения в ситуации профессионального межличностного общения способствуют недостаточный самоконтроль в условиях коммуникации, негативный эмоциональный фон, эгоцентричность [9]. «Якоря карьеры» как мотивационные основания выбора медицинских профессий являются предметом изучения, как правило, с целью выявления доминирующих индивидуально-личностных оснований, обеспечивающих эффективность реализации профессиональной роли врача. Карьерные ориентации могут различаться у студентов медицинского вуза на разных этапах обучения [4]. Выраженность карьерной установки «профессиональная компетентность» не меняется на всем протяжении процесса обучения, оставаясь на высоком уровне выраженности. Она также не связана с возможным депрессивным настроением, переживаемом студентами медиками в процессе профессиональной социализации [2].

Цель исследования состояла в выявлении связи между выраженностью стремления к повышению своей компетентности в выбранной профессиональной деятельности и свойствами личности как субъекта межличностного взаимодействия у студентов медицинского вуза.

Эмпирический анализ

В исследовании приняли участие студенты I–IV курсов Ставропольского государственного медицинского университета (N = 1540, из них – 1200 девушек (77,92%) и 340 юношей (22,08%); средний возраст – 20,36 лет, SD = 6,72), обучающихся на лечебном, педиатрическом и стоматологическом факультетах.

Исследование проводилось в сентябре–феврале 2023/24 г. Использовались следующие психодиагностические методы: методика изучения мотивации профессиональной карьеры

Э. Шейна в адаптации В. Э. Винокуровой и В. А. Чикер; Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой; Опросник «Исследование психологической структуры темперамента» Б. Н. Смирнова; Опросник «Контроль за действием» – тестовая методика, разработанная Ю. Кулем (Kuhl), адаптированная С. А. Шапкиным; Опросник межличностных отношений (ОМО) – русскоязычная версия А. А. Рукавишников опросника FIRO (Fundamental Interpersonal Relations Orientation) В. Шутца; Тест Э. Берна «Определение ролевых позиций в межличностных отношениях». В

качестве методов математической статистики использовались корреляционный анализ Спирмена, расчетные процедуры, выполненные в статистическом пакете программы SPSS Statistics 26.0.

В таблице представлены результаты корреляционного анализа связи выраженности карьерной ориентации «профессиональная компетентность» и совокупности субъектных личностных характеристик, отражающих особенности реализации межличностного взаимодействия, волевого контроля и саморегуляции у студентов медицинских специальностей.

Корреляционные связи между карьерной ориентацией «профессиональная компетентность» и свойствами личности как субъекта межличностного взаимодействия
Correlation links between career orientation «professional competence» and personality traits as a subject of interpersonal interaction

Субъектные свойства личности	Показатели	Профессиональная компетентность
Якоря карьеры	Служение	0,622**
	Стабильность места работы	0,567**
	Интеграция стилей жизни	0,566**
	Вызов	0,498**
	Менеджмент	0,434**
	Автономия	0,419**
	Предпринимательство	0,343*
	Стабильность места жительства	0,228*
Волевая регуляция	Неудача	0,215*
	Реализация	0,199*
Особенности межличностного взаимодействия	Требуемое поведение в области включения	0,197**
	Требуемое поведение в области аффекта	0,189**
	Выраженное поведение в области аффекта	0,186**
	Требуемое поведение в области контроля	-0,137**
Стили саморегуляции	Общий уровень саморегуляции	0,27*
	Планирование	0,26*
	Программирование	0,212*
	Гибкость	0,155*
Эго-позиции в межличностном взаимодействии	Взрослый	0,216*
	Родитель	0,227*

Примечание. Значимость корреляции по Спирмену на уровне 0,01* и 0,05**.

Note. Spearman correlation significance at 0.01* and 0.05** levels.

Представленные результаты позволяют говорить о том, что изучаемая карьерная ориентация на значимом уровне коррелирует со

всеми якорями карьеры. При этом студенты, имеющие способности к профессиональной деятельности и ориентированные на разви-

тие свой компетентности, отличаются самоконтролем при столкновении с неудачами в условиях реализации профессиональной роли врача. Для них характерен высокий уровень саморегуляции и такие стили саморегуляции, как «Планирование», «Программирование», «Гибкость». То есть, осваивая профессию, они способны самостоятельно выдвигать реалистичные цели, осознавать условия их достижения, прогнозировать возможный результат, при этом их действия могут своевременно меняться, при возникновении непредвиденных обстоятельств они могут гибко реагировать на происходящее, осуществляя эффективную регуляцию собственного поведения.

В процессе межличностного взаимодействия студенты проявляют заинтересованность в расширении контактов, стремятся быть причастными к группе, заинтересовать собой других людей, ожидают по отношению к себе доверительного отношения и сами способны его проявлять. При этом они не склонны испытывать по отношению к себе контролирующие действия. Связь карьерной ориентации «профессиональная компетентность» с эго-позициями «Взрослый» и «Родитель», подтверждает вышеуказанный факт. Межличностное взаимодействие этих студентов реализуется с установкой на проявление заботы, эмпатического принятия с весомой долей реализации контролирующих и назидательных функций, свойственных для проявления указанных эго-позиций по Э. Бэрну.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что у студентов медицинских специальностей стремление к повышению собственной компетентности проявляется в единстве со способностью к самоконтролю и пластичностью в постановке и реализации планов, а также способностью к расширению межличностных связей и умением сочетать в межличностной коммуникации эго-позиции, что позволяет проявлять заботу, эмпатичность и наставничество одновременно.

Полученные данные могут быть использованы в практике реализации гуманитарной составляющей обучения в медицинских вузах с целью формирования и развития адекватных для освоения роли врача карьерных ориентаций в сочетании с комплексом субъектных

свойств, обеспечивающих в их единстве эффективность как профессиональной деятельности, так и процесса саморазвития будущих врачей.

Список литературы

1. Торопова Г. В., Шеломенцева О. В., Ковалева Г. К. Предпочтения в карьерных ориентациях студентов Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-ясенецкого // Сибирское медицинское обозрение. 2016. № 6 (102). С. 60–65.
2. Князев Е. Б., Соловьева В. А., Сергеев А. С., Барсукова М. И., Рамазанова А. Я., Иноземцева Н. П., Долгова Л. В. Депрессивное настроение и якоря карьеры у российских студентов-медиков // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 2. С. 309–324. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.027.202302.309-324>
3. Комолкина О. И. Исследование ведущих карьерных ориентаций студентов медицинского колледжа // Психологическая наука и практика: инновации в образовании [Электронный ресурс]: материалы Пятой конференции психологов образования Сибири (Иркутск, 20–22 июня 2018 г.) / редкол.: З. В. Диянова [и др.]. Иркутск : Издательство Иркутского государственного университета, 2018. С. 330–335. URL: http://psy.isu.ru/ru/science/docs/material_nauchno-prakticheskoy_konferencii_2018.pdf (дата обращения: 15.05.2024).
4. Князев Е. Б., Сергеев А. С. Выраженность якорей карьеры у студентов-медиков разных курсов обучения // Всемирный день качества – 2021: материалы II Международной конференции (Саратов, 11 ноября 2021 г.). Саратов : Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, 2021. С. 157–164. EDN: JZICVN
5. Амлаев К. Р., Муравьева С. М., Койтуева А. Г., Ходжаиян М. А. Некоторые аспекты профессиональной ориентации абитуриентов при поступлении в образовательные организации высшего медицинского образования // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. Т. 11, № 1. С. 28–40.
6. Козуля С. В., Лахно В. А., Лахно Д. М. Недостаточная работа по профессиональной ориентации как причина кадрового «голода» в медицине // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. Т. 10, № 3. С. 31–41.
7. Schein E. H. Career Anchors Revisited: Implications for Career Development in the 21st Century // NHRD Network Journal. 1996. Vol. 1, no. 4. P. 27–33. <https://doi.org/10.1177/0974173920070407>
8. Тарарышкина М. А. Формирование профессионально-личностной культуры студентов в образовательном процессе высшей медицинской школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 27 с.

9. Доница А. Д. Интериоризация профессиональной роли врача: социальные, психологические и соматические детерминанты : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Волгоград, 2010. 48 с.
10. Урываев В. А., Тарасова А. А. Субъективное благополучие и структура защитных реакций личности студентов медицинского вуза // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 58–63.
11. Роцевская Е. В. Акмеологические особенности профессионального становления студентов-медиков : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2013. 23 с.
12. Сторожева Ю. А. Акмеологические аспекты профессионального самоопределения студентов-медиков // Вестник Уральского государственного медицинского университета. 2016. № 4. С. 105–109.
13. Бирюкова Н. В. Самореализация и саморазвитие обучающихся в условиях медицинского профильного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 5. <https://doi.org/10.17513/spno.32069>
14. Чумаков В. И., Чумаков И. В. Саморазвитие студента – будущего врача в условиях образовательной среды медицинского ВУЗа // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21, № 5. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3500>
15. Синенко Е. А., Бендрикова А. Ю., Логинова Н. С. Смыслоразностные ориентации студентов медицинских вузов в контексте компетентностного подхода // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2023. № 1. С. 79–92.
16. Nasabi N. A., Bastani P., Yusefi A. R., Bordbar N. Career Development in Nursing: Identifying the Career Anchors of Nurses at Shiraz University of Medical Sciences // Quarterly Journal of Management Strategies in Health System. 2021. Vol. 6, № 3. P. 248–259. <https://doi.org/10.18502/mshsj.v6i3.8042>
- konferentsii psikhologov obrazovaniya Sibiri (Irkutsk, 20–22 iyunya, 2018 g.) [Z. V. Diyanova [et al.], eds. Psychological Science and Practice: Innovations in Education]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2018, pp. 330–335 (in Russian). Available at: http://psy.isu.ru/ru/science/docs/material_naychno-prakticheskoy_konferencii_2018.pdf (accessed May 15, 2024).
4. Knyazev E. B., Sergeev A. S. Expression of career anchors among medical students of different courses of study. *Vsemirnyy den' kachestva – 2021. Materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii* [World Quality Day – 2021. Materials of the II International Conference (Saratov, November 11, 2021)]. Saratov, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University Publ., 2021, pp. 157–164 (in Russian). EDN: JZICVN
5. Amlaev K. R., Murav'eva S. M., Koytueva A. G., Khodzhan M. A. Some aspects of professional guidance of applicants upon admission to educational organizations of higher medical education. *Meditinskoe obrazovanie i professional'noe razvitie* [Medical Education and Professional Development], 2020, vol. 11, no. 1, pp. 28–40 (in Russian).
6. Kozulya S. V., Lakhno V. A., Lakhno D. M. Insufficient work on professional guidance as a cause of personnel “hunger” in medicine. *Meditinskoe obrazovanie i professional'noe razvitie* [Medical Education and Professional Development], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 31–41 (in Russian).
7. Schein E. H. Career Anchors Revisited: Implications for Career Development in the 21st Century. *NHRD Network Journal*, 1996, vol. 1, no. 4, pp. 27–33. <https://doi.org/10.1177/0974173920070407>
8. Tararyshkina M. A. *Formation of professional and personal culture of students in the educational process of a higher medical school*. Tesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2007. 27 p. (in Russian).
9. Donika A. D. *Interiorization of the professional role of a doctor: Social, psychological and somatic determinants*. Diss. Dr. Sci. (Sociol.). Volgograd, 2010. 48 p. (in Russian).
10. Uryvaev V. A., Tarasova A. A. Subjective well-being and the structure of defensive reactions of the personality of medical university students. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2011, no. 41, pp. 58–63 (in Russian).
11. Roshchevskaya E. V. *Acmeological features of the professional development of medical students*. Tesis. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Rostov-on-Don, 2013. 23 p. (in Russian).
12. Storozheva Yu. A. Acmeological aspects of professional self-determination of medical students. *Vestnik of Ural State Medical University*, 2016, no. 4, pp. 105–109 (in Russian).
13. Biryukova N. V. Self-realization and self-development of students in the conditions of medical specialized training. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2022, no. 5 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/spno.32069>

References

1. Toropova G. V., Shelomentseva O. V., Kovaleva G. K. Preferences in career orientations of students of the Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky. *Sibirskoye meditsinskoye obozreniye* [Siberian Medical Review], 2016, no. 6 (102), pp. 60–65 (in Russian).
2. Knyazev E. B., Solovyova V. A., Sergeev A. S., Barsukova M. I., Ramazanova A. Ya., Inozemtseva N. P., Dolgova L. V. Depressive mood and career anchors among Russians medical students. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2023, vol. 27, no. 2, pp. 309–324 (in Russian). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.111.027.202302.309-324>
3. Komolkina O. I. Study of leading career orientations of medical college students. *Psikhologicheskaya nauka i praktika: innovatsii v obrazovanii: materialy Pyatoy*

14. Chumakov V. I., Chumakov I. V. Self-development of a student – a future doctor in the educational environment of a medical university. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika* [Cardiovascular Therapy and Prevention], 2022, vol. 21, no. 5 (in Russian). <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3500>
15. Sinenko E. A., Bendrikova A. Yu., Loginova N. S. Life orientations of medical university students in the context of the competency-based approach. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine* [Intercultural Communication in Education and Medicine], 2023, no. 1, pp. 79–92.
16. Nasabi N. A., Bastani P., Yusefi A. R., Bordbar N. Career Development in Nursing: Identifying the Career Anchors of Nurses at Shiraz University of Medical Sciences. *Quarterly Journal of Management Strategies in Health System*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 248–259. <https://doi.org/10.18502/mshsj.v6i3.8042>

Поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024;
принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 316–320

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 316–320

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-316-320>, EDN: UZQHWX

Научная статья

УДК [616.33-002.44:364-787.2]:159.937

Субъективное восприятие социальной поддержки в ситуации язвенной болезни

М. М. Орлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлова Мария Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, orlova-maria2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2340-8343>

Аннотация. Введение. Актуальность исследования предикторов субъективного ощущения социальной поддержки у больных язвенной болезнью заключается в развитии понятия внутренней картины болезни соматических больных. **Теоретический анализ.** Социально-психологические стратегии преодоления, являясь частью внутренней картины болезни, составляют значимую и недостаточно изученную область. Это предполагает необходимость рассмотрения параметров социальной поддержки и удовлетворенность ею. **Эмпирический анализ.** В данной статье на примере больных язвенной болезнью устанавливаются предикторы показателей удовлетворенности социальной поддержкой больных хроническими соматическими заболеваниями. **Заключение.** Для больных язвенной болезнью выявлено снижение удовлетворенностью социальной поддержкой, прежде всего, сотрудничеством с социальным окружением, близостью эмоциональных контактов и опорой на близких.

Ключевые слова: ситуация болезни, социальная поддержка, социально-психологические ресурсы, язвенная болезнь

Для цитирования: Орлова М. М. Субъективное восприятие социальной поддержки в ситуации язвенной болезни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 316–320. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-316-320>, EDN: UZQHWX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Subjective perception of social support in a peptic ulcer situation of ulcer disease

М. М. Orlova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria M. Orlova, orlova-maria2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2340-8343>

Abstract. Introduction. The relevance of the study of predictors of subjective feeling of social support in patients with ulcer disease lies in the development of the concept of internal picture of the disease of somatic patients. **Theoretical analysis.** Social-psychological coping strategies, being a part of the internal picture of the disease, constitute a significant and insufficiently studied area. This implies the need to consider the parameters of social support and satisfaction with it. **Empirical analysis.** In this article on the example of patients with ulcer disease the predictors of indicators of satisfaction with social support of patients with chronic somatic diseases are established. **Conclusion.** For patients with ulcer disease a decrease in satisfaction with social support, first of all, cooperation with the social environment, closeness of emotional contacts and reliance on the external environment is revealed.

Keywords: disease situation, social support, socio-psychological resources, peptic ulcer disease

For citation: Orlova M. M. Subjective perception of social support in a peptic ulcer situation of ulcer disease. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 316–320 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-316-320>, EDN: UZQHWX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Степень социальной уязвимости в обществе негативно отражается на социальном и психологическом состоянии семей и эффективности выполнения ее функций [1]. Это

снижает ресурсность семьи и ее оздоровительное влияние на личность ее членов. Большинство исследователей считают, что семья является основой совладающего поведения индивида и его душевного и физического здоровья [2].

Уязвимость семьи отражается в первую очередь на уязвимости наиболее слабых ее членов, к которым относятся больные, имеющие хронические соматические заболевания.

Теоретический анализ

Семья как социальная система выполняет целый ряд функций, обеспечивающих как адаптацию к происходящим изменениям, так и удовлетворение имеющихся потребностей ее членов. К этим функциям относятся потребность в эмоциональном тепле, ощущении своей ценности, взаимоподдержки. Особенно важными эти потребности становятся в трудных жизненных ситуациях, к которым относится болезнь.

Ситуация болезни – это интегративное понятие, включающее объективные и субъективные компоненты, учитывающее тяжесть и обратимость соматических изменений и социальных последствий этих изменений (трансформация социальных ролей, возможностей, взаимодействие с другими людьми и социальными институтами в роли больного), а также внутреннюю картину болезни, определяемую преморбидной личностью пациента, его мотивационной структурой и арсеналом адаптационных механизмов.

В случае язвенной болезни больной испытывает страдание вследствие болевого синдрома и страха недоброкачественного развития. Изучение проблем адаптации больного человека в этой ситуации требует анализа как индивидуальных, так и семейных стратегий и ресурсов, способствующих выбору эффективного совладающего поведения и переживания. Это позволит сформировать тактику психологического сопровождения и психотерапии.

Личностные характеристики определяют выбор стратегий копинга, в том числе социально-психологических. Поскольку ситуация болезни включает социальное окружение и социальные последствия, то субъективное ощущение социальной поддержки является значимым ресурсом или источником травматизации. Феномен социальной поддержки в ситуации болезни носит как объективный, так и субъективный характер. К объективным факторам можно отнести обращение за материальной, хозяйственной и медицинской помощью, к субъективным – лично-коммуникативные взаимодействия с социальным окружением.

Последнее имеет неоднозначное толкование как форм поддержки, так и их эффектив-

ности в отношении ресурсов личности (Р. Лазарус, С. Фолкман, К. С. Карвер, М. Ф. Шайер, Дж. К. Вайнтрад, П. Тойц и др.).

Р. Лазарус и С. Фолкман выделяют наиболее значимые параметры поиска социальной поддержки, а именно: обращение за информационной, эмоциональной и действенной помощью [цит. по: 3]. Н. С. Эндлер и Д. А. Паркер предлагают стратегию социального отвлечения, которая заключается в стремлении быть среди близких людей. С. Хобфолл считает, что в поиск социальной поддержки входят стремление быть включенным в социальную среду и получение сочувствия социального окружения.

Таким образом, данное понятие является развивающимся. Большинство авторов считают, что к видам социальной поддержки относятся информационная, эмоциональная, материальная и инструментальная социальная поддержка в трудных жизненных ситуациях [4, 5].

Выделяются следующие закономерности социальной поддержки: эмоционально-ориентированные способы преодоления [6], избегающий тип преодоления [7], преодоление, ориентированное на изменение ситуации [8].

Вопрос эффективности копинг стратегий также является открытым, в частности в ситуации хронического соматического заболевания.

Межличностные отношения могут быть важным ресурсом адаптации в трудной жизненной ситуации. Потребность в социальной поддержке возрастает в ситуации соматического заболевания, но особенности восприятия и принятия такой поддержки недостаточно изучены. Источником такой поддержки прежде всего являются семейные отношения, которые претерпевают в ситуации болезни родственника значительные сложности [9].

Данные приведенных исследований свидетельствуют о том, что особенности внутренней картины болезни того или другого заболевания могут препятствовать принятию поддержки за счет формирования эгоцентризма и недоверия отношению близких за счет чувства вины перед ними за создание проблем и сосредоточенности на преодолении болезни.

Эмпирический анализ

Гипотеза. Мы предполагаем, что удовлетворенность больных язвенной болезнью социальной поддержкой имеет специфические особенности.

В данном исследовании приняли участие 38 больных язвенной болезнью желудка. В контрольную группу вошли 120 чел., не имеющих хронических заболеваний.

Статистические методы представлены вычислением средних арифметических, Т-критерием Стьюдента и регрессионным анализом.

Сравнительный анализ средних арифметических показал достоверно меньшую вы-

раженность таких показателей социальной поддержки, как надежный союз (11,1/12,8; $T = 2,1; p < 0,01$), эмоциональная привязанность (11,5/13,7; $T = 2,7; p < 0,01$), внешняя поддержка и самоуважение (10,5/13; $T = 2,4; p < 0,01$). По всей видимости, больные переживают недостаточность доверия близким, ослабление семейной сплоченности и снижение возможности опираться в своем самоотношении на поддержку близких (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Сравнение средних арифметических показателей социальной поддержки в группе больных язвенной болезнью и контрольной группе
Comparison of arithmetic mean of social support indicators in the group of patients with ulcer disease and the control group

Группа	Шкалы					
	Надежный союз	Эмоциональная привязанность	Подчиненность и опора на авторитет	Опека и покровительство	Социальная интеграция	Внешняя поддержка и самоуважение
Контрольная	12,8	13,7	12,5	13,1	12,4	13
Больные язвенной болезнью	11,1	11,5	12	13	12	10,57

Вера в свое социальное окружение в группе больных язвенной болезнью связана со снижением негативного отношения к себе. Видимо, снижение данного показателя ухудшает субъективное ощущение социальной поддержки за счет наличия негативного отношения к самому себе.

Возможно, это связано с чувством вины за проблемы и хлопоты, возникающие в семье в связи с наличием заболевания. Таким образом, возможность эмоционально ориентированного способа преодоления фрустрирована, поскольку больной не может принять сочувствие от близких (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Предикторы фактора «надежный союз» в группе больных язвенной болезнью
Predictors of the factor “reliable alliance” in the group of patients with ulcer disease

Надежный союз	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Внутренняя неустроенность	0,519	27%	14,329	-,270	,001

В контрольной группе предиктором опорой на социальное окружение является копинг стра-

тегия обесценивания проблем, т. е. ориентация на социальное отвлечение (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Предикторы фактора «надежный союз» в контрольной группе
Predictors of the factor “reliable alliance” in the control group

Надежный союз	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Бегство-избегание	0,242	6%	10,938	,039	,009

Эмоциональная привязанность в группе больных язвенной болезнью снижена также за счет негативного отношения к себе. Таким образом, больной эгоцентрически замкнут на переживании собственных проблем, что снижает возможность получения эмоциональных ресур-

сов от сопричастности к своим близким (табл. 4).

В контрольной группе эмоциональная привязанность опирается на сплоченность семьи, т. е. ценность семьи определяет социальную поддержку, выраженную в эмоциональной привязанности (табл. 5).

Таблица 4 / Table 4

Предикторы фактора «эмоциональная привязанность» в группе больных язвенной болезнью
Predictors of the factor “emotional attachment” in the group of patients with ulcer disease

Эмоциональная привязанность	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Внутренняя неустроенность	0,463	21%	14,226	-,224	,003

Таблица 5 / Table 5

Предикторы фактора «эмоциональная привязанность» в контрольной группе
Predictors of the factor “emotional attachment” in the control group

Эмоциональная привязанность	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Сплоченность	0,234	5%	14,635	,153	,011

Предикторами внешней поддержки в группе больных язвенной болезнью является снижение внутренней неустроенности и конфронтационного копинга. Снижение внешней поддержки – следствие негатив-

ного отношения к себе и склонностью разрешать проблемы с помощью конфликтов (табл. 6).

В контрольной группе внешняя поддержка опирается на сплоченность семьи (табл. 7).

Таблица 6 / Table 6

Предикторы фактора «Внешняя поддержка и самоуважение» в группе больных язвенной болезнью
Predictors of the factor “External support and self-esteem” in the group of patients with ulcer disease

Внешняя поддержка и самоуважение	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Внутренняя неустроенность	0,457	21%	13,310	-,229	,004
Конфронтационный копинг	0,452	20%	13,194	-,057	,004

Таблица 7 / Table 7

Предикторы фактора «Внешняя поддержка и самоуважение» в контрольной группе
Predictors of the factor “External support and self-esteem” in the control group

Внешняя поддержка и самоуважение	R	R-квадрат	Константа	Коэффициент В	Значимость
Сплоченность	0,24	6%	14,843	,302	,009

Заключение

Снижение субъективного ощущения социальной поддержки у больных язвенной болезнью связано с негативным отношением к самому себе и склонностью решать проблемы за счет протестного поведения. В контрольной группе ощущение социальной поддержки опирается, прежде всего, на семейную сплоченность.

Таким образом, семейные отношения в ситуации болезни претерпевают значительные изменения. Это предполагает необходимость расширения понятия внутренней картины болезни за счет изучения характера межличностных отношений больного.

Список литературы

1. Джидарьян Н. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб. : Алетей, 2001. 242 с.

2. Писарева Е. А. Социальная поддержка как фактор формирования образа «Я» и образа сверстника у старших подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 24 с.

3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009. 336 с. (Серия «Практикум»).

4. Cohen S., Wills T. A. Stress, social support, and the buffering hypothesis // Psychological Bulletin. 1985. Vol. 98, № 2. P. 310–57.

5. Sek H. Life stress in various domains and perceived effectiveness of social support // Polish Psychologist Bull. 1991. Vol. 23, № 3. P. 151–161.

6. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56, № 2. P. 267–283.

7. Крюкова Т. Л. Методология исследования и адаптация опросника диагностики совладающего (копинг) поведения // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 65–76.

8. Дементий Л. И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20–25.
9. Орлова М. М. Предикторы субъективного ощущения социальной поддержки у онкологических больных на примере заболеваний репродуктивной системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 318–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-318-325>, EDN: QDXJHF
4. Cohen S., Wills T. A. Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*, 1985, vol. 98, no. 2, pp. 310–57.
5. Sek H. Life stress in various domains and perceived effectiveness of social support. *Polish Psychol. Bull.*, 1991, vol. 23, no. 3, pp. 151–161.
6. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 56, no. 2, pp. 267–283.
7. Kryukova T. L. Research methodology and adaptation of the questionnaire for diagnosing coping behavior. *Psychological Diagnostics*, 2005, no. 2, pp. 65–76 (in Russian).
8. Dementiy L. I. To the problem of diagnosing the social context and coping behavior strategies. *Journal of Applied Psychology*, 2004, no. 3, pp. 20–25 (in Russian).
9. Orlova M. M. Predictors of subjective feeling of social support in women with oncological diseases of the reproductive system. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 318–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-318-325>, EDN: QDXJHF

References

1. Dzhidaryan H. A. *Predstavlenie o schast'e v rossiyskom mentalitete* [Representation of Happiness in the Russian Mentality]. St. Petersburg, Aleteia, 2001. 242 p. (in Russian).
2. Pisareva E. A. *Social support as a factor in the formation of the image of "I" and the image of a peer in older adolescents*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2006. 24 p. (in Russian).
3. Vodopyanova N. E. *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnosics of Stress] (Series "Practicum"). St. Petersburg, Piter, 2009. 336 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

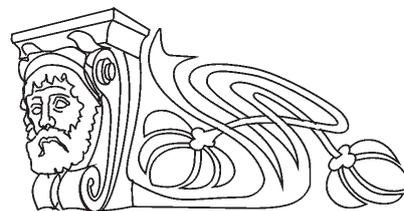
The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 321–326
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 321–326
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-321-326>, EDN: WREPLJ

Научная статья
УДК 177.74:316.62

Доброта и сострадание в оптике новой психологической нормальности

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Во *Введении* обосновывается актуальность изучения режимов просоциального поведения в условиях новой психологической нормальности, обусловленных информатизацией и цифровизацией общества, сломом привычных поведенческих алгоритмов в период пандемии, корректированием правил и норм взаимодействия. *Теоретический анализ* и проведенные ранее исследования позволяют дифференцировать сострадание и доброту с точки зрения мотивов, целей и результатов просоциального поведения: если сострадание связывается с эмпатическим подключением, сочувствием, резонансной со-настройкой с Другим, предоставлением ему собственных ресурсов, то доброта трактуется как добровольное принятие ответственности за настоящее и будущее Другого через мобилизацию его ресурсов. *Эмпирический анализ.* Цель – изучение сострадания и доброты как разных режимов просоциального поведения с точки зрения их типичности и значимости в поведенческом репертуаре современных студентов, возможности адекватного распознавания в зависимости от локализации Другого на шкале «Знакомый – незнакомый». Участники: студенты-психологи ($N = 76$; $M = 24,4$; $SD = 9,5$). Методы: опрос и психологическое тестирование с помощью шкалы сценариев доброты и сострадания (Gilbert P. et al.). **Заключение.** Выявлено, что значимость и типичность реализации поведенческих сценариев, построенных с учетом норм просоциального поведения, указывают на их недостаточную приоритетность и востребованность. Установлено, что при более точном распознавании режима доброты сострадание одинаково хорошо идентифицируется в отношении как знакомого, так и незнакомого человека, тогда как доброта лучше распознается относительно знакомого и корреспондирует с альтруистическим инвестированием.

Ключевые слова: новая нормальность, просоциальное поведение, распознавание, доброта, сострадание, знакомый – незнакомый

Для цитирования: Рягузова Е. В. Доброта и сострадание в оптике новой психологической нормальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 321–326. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-321-326>, EDN: WREPLJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Kindness and compassion in the optics of a new psychological normal

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. The *introduction* substantiates the relevance of studying the modes of prosocial behavior in the conditions of new psychological normal, conditioned by informatization and digitalization of society, breaking of habitual behavioral algorithms during the pandemic, adjustment of rules and norms of interaction. *Theoretical analysis* and earlier studies allow us to differentiate compassion and kindness in terms of motives, goals and results of prosocial behavior: if compassion is associated with empathic connection, sympathy, resonant co-tuning with the Other, providing him with his own resources, kindness is interpreted as voluntary acceptance of responsibility for the present and future of the Other through the mobilization of his resources. *Empirical analysis.* The objective of this research is to study compassion and kindness as different modes of prosocial behavior from the point of view of their typicality and significance in the behavioral repertoire of modern students, the possibility of adequate recognition depending on the location of the Other on the scale “Acquaintance – Stranger”. Participants: psychology students ($N = 76$; $M = 24.4$; $SD = 9.5$). Methods: survey and psychological testing with the Kindness and Compassion Scenario Scale (Gilbert P. et al.). **Conclusion.** It has been revealed that the significance and typicality of the implementation of behavioral scenarios constructed with regard to the norms of prosocial behavior indicates their insufficient priority and demand. It is found that when the mode of kindness

is more accurately recognized, compassion is equally well identified in relation to both familiar and unfamiliar people, whereas kindness is better identified in relation to familiar people and corresponds with altruistic investment.

Keywords: new normal, prosocial behavior, recognition, kindness, compassion, acquaintance – stranger

For citation: Ryaguzova E. V. Kindness and compassion in the optics of a new psychological normal. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 321–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-321-326>, EDN: WREPLJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Понятие The New Normal (новая нормальность), появившись в аналитических работах, связанных с изучением состояния мировой экономики и финансов, обусловленного нестабильностью, неопределенностью в экономических отношениях и снижением их предсказуемости, после пандемии COVID-19 приобретает междисциплинарный статус, весьма размытую денотацию и достаточно нейтральную коннотацию. Считается, что серьезное масштабное кризисное событие, имевшее место в любой сфере человеческого функционирования, приводит к необратимым трансформациям в ней, слому привычных алгоритмов и прежних закономерностей, необходимости серьезной рефлексии новых реалий и вызовов, поиску других возможностей и приоритетов.

Новая психологическая нормальность обусловлена не только четвертой промышленной революцией, связанной с цифровизацией и мощью информационных технологий, возрастающим неравенством и отходом от идей глобализма, изменением мирового геополитического ландшафта и сменой однополярного мира на многополярный [1, 2], но и опытом прохождения человечества через экзистенциальную угрозу тотальной пандемии и масштабных ограничительных мер, существенно изменивших жизнь человека и оказавших влияние на его чувство безопасности и ментальное здоровье, мотивационно-потребностную и ценностно-смысловую системы, временную перспективу с доминирующим желанием вернуться в докризисную реальность, сферу межличностных отношений и взаимодействий.

Новая психологическая нормальность фиксирует и закрепляет произошедшие трансформации в обществе, утверждает и определяет новые стандарты, корректирует социальные нормы. Цифровая социальность связывается с существованием современного человека в смешанной он-лайн и офф-лайн реальности, гиперподключенностью к Интернету и расширением личности [3], ее слиянием с информационно-

коммуникативными технологиями [4], дополнением цифровыми и сетевыми я-образами, изменением границ приватной и публичной жизни [5], запросом на новую конфигурацию индивидуальности [6].

Теоретический анализ

В фокусе нашего исследовательского интереса находятся трансформации просоциального поведения в условиях новой психологической нормальности. Просоциальное поведение трактуется как преднамеренная социально ориентированная добровольная активность человека, направленная на благополучие Другого. Методологической основой исследования выступает интегративная модель просоциального поведения D. Keltner et al., в которой важными детерминантами являются такие факторы, как социальная организация общества, его законы, правила, нормы, ценности, специфика культурных измерений (коллективизм – индивидуализм, феминность – маскулинность и др.); характеристика конкретной жизненной ситуации и ее вписанность в определенный социокультурный контекст; личностные особенности, оценка субъектом выгод и потерь при совершении просоциального поступка (модальность эмоционального состояния, взаимность, немедленное или отложенное вознаграждение, повышение самооценки и самоэффективности); цена собственного действия и бездействия (ответственность, вина, стыд, репутационные издержки, потеря ресурсов, санкции, наказание); восприятие и оценка человека, находящегося в трудной жизненной ситуации (вербальные и невербальные компоненты поведения, внешность, статус, сходство с собой) [7].

В контексте данной статьи внимание акцентируется только на двух факторах, определяющих просоциальное поведение: во-первых, это восприятие и категоризация личностью Другого, нуждающегося в поддержке, помощи и заботе в трудной для него жизненной ситуации, при реализации личностью одного из сценариев просоциального поведения – доброты или состра-

дания в зависимости от локализации на шкале «Знакомый – незнакомый»; во-вторых, наша исследовательская оптика сфокусирована на одном из вариантов ситуации взаимодействия Я–Другой, при котором только Другой находится в трудных для него жизненных обстоятельствах, и не включает анализ критических инцидентов, одинаково оцениваемых всеми субъектами как экстремальных и чрезвычайных, поскольку такие ситуации запускают актуализацию иных психологических механизмов и характеризуются другими закономерностями.

Режим сострадания связан с эмпатическим подключением к боли и страданию Другого, явным сочувствием и искренним соучастием с ним, резонансной со-настройкой на его переживания, ситуативным отождествлением себя с Другим, попыткой облегчить его состояние «здесь-и-сейчас» через предоставление собственных личностных и энергетических ресурсов. Сострадая Другому, человек может получить как удовлетворение от своего действенного соучастия и сопереживания, так и испытывать усталость от сострадания [8], обусловленную истощением собственных ресурсов человека и приводящую к ухудшению психического здоровья и качества его жизни [9].

Доброта включает, помимо интересубъектной направленности, ориентированной на поддержку и помощь Другому, внимание на благополучие и соблюдение его прав, интра-субъектную ориентацию, предполагающую заботу человека о себе [10, 11], связанную с категоризацией себя как субъекта и автора аутентичного жизненного проекта, обладающего собственным достоинством, характеризующегося осознанностью жизни и ответственностью за нее. При совершении доброго поступка внутренним вознаграждением для личности становится «теплое внутреннее свечение» [12],

которое переживается не только непосредственно в момент совершения поступка, но и при воспоминании о нем, и связывается с доминированием альтруистической мотивации над эгоистической.

Эмпирический анализ

Целью эмпирического исследования является изучение сострадания и доброты как разных режимов просоциального поведения с точки зрения их типичности и значимости в поведенческом репертуаре современных студентов, возможности адекватного распознавания в зависимости от локализации образа Другого на шкале «Знакомый – незнакомый».

В исследовании принимали участие студенты-психологи 1 курса бакалавриата и 1 курса магистратуры ($N = 76$; $M = 24,4$; $SD = 9,5$; возрастной диапазон бакалавров ($N = 40$) 17–19 лет, 29 девушек и 11 юношей, возрастной диапазон магистрантов ($N = 36$) 21–56 лет, 9 мужчин и 27 женщин.

В качестве основной методики использовалась шкала сценариев доброты и сострадания П. Гилберт, Дж. Басран, М. Мак Артур и др. [13], включающая описание двух просоциальных сценариев, репрезентированных восьмью ситуациями взаимодействия. Участникам исследования необходимо было идентифицировать каждую из предложенных ситуаций как имеющую отношение к тому или иному режиму просоциального поведения, выразить в количественной форме степень типичности каждой ситуации и оценить ее значимость по 10-балльной шкале.

Для обработки данных применялся пакет статистического анализа JAPS 0.18.1. Обобщенные и усредненные результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Распознавание режимов просоциального поведения, оценка их значимости и типичности Recognition of prosocial behavior modes, assessment of their significance and typicality

Показатели	Бакалавры		Магистранты	
	Доброта	Сострадание	Доброта	Сострадание
Распознавание	83,45	63	76	61
Типичность	4,5	4,6	4,4	4,8
Значимость	5,26	5,53	4,65	5,3

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что доброта как режим просоциального

поведения распознается значительно лучше, чем сострадание представителями обеих групп:

в первой группе значимость различий на уровне $p < 0,01$, во второй – $p < 0,05$. Выявленный факт не согласуется с данными, опубликованными в 2019 г., авторами используемой методики, согласно которой сострадательный сценарий просоциального поведения человека правильно идентифицируется значительно чаще [13]. Это рассогласование может быть связано с определенной степенью усталости от сострадания, вызванной неопределенностью, нестабильностью и кризисными процессами в обществе, а также последствиями пережитой тотальной пандемии, значительно снизившими общий ресурсный потенциал всего общества и оказавшими влияние на социальные нормы реципрокности и ответственности. Типичность и значимость именно сценария сострадания оцениваются участниками исследования выше, чем сценария доброты, что подчеркивает, с одной стороны, признание человекомерности социального бытия и его центрированности на совместном существовании и взаимодействии личности с разноликими и разноголосыми Другими, а, с другой стороны, указывает на сохранение в современном обществе априорного человеколюбия, конституи-

рующего собственно человеческое в человеке и устанавливающего этический императив и нравственную солидарность с Другими.

Обратим внимание на еще один интересный результат, полученный в ходе нашего исследования – диапазон оценок значимости и типичности изучаемых режимов просоциального поведения человека в повседневной жизни находится на среднем уровне (максимум шкалы – 10 баллов), что может трактоваться как их недостаточная востребованность и представленность в поведенческом репертуаре современного человека, живущего в высокотехнологичном, жестком и прагматичном мире, а также объясняться неоднозначной интерпретацией просоциального поведения участниками взаимодействия [14] и общим снижением распространенности в обществе милосердия и сострадания как традиционных ценностей российской культуры [15].

Проанализируем распознавание разных просоциальных сценариев в зависимости от категоризации личностью Другого, находящегося в трудной ситуации, и его локализации на шкале «Знакомый – незнакомый» (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Распознавание режимов просоциального поведения в зависимости от категоризации Другого
Recognition of prosocial behavior modes depending on the categorization of the Other

Режимы просоциального поведения	Категоризация Другого	
	Другой как незнакомец	Знакомый Другой
Доброта	41	72
Сострадание	60	56

Полученные результаты указывают на то, что сценарий сострадательного поведения, подразумевающий оказание прямой непосредственной помощи, одинаково распознается в ситуациях, репрезентирующих взаимодействие как со знакомыми (например, *жертвуете своим временем, чтобы поддержать друга*), так и незнакомыми людьми (например, *помогаете бездомному человеку, отдавая последние деньги, а сами идете домой пешком*), что обусловлено усвоенными и интериоризированными в процессе социализации нормами взаимности, заботы и ответственности, осознанием общности экзистенциального опыта людей, а также возможной потенциальной инверсией социальных ролей. Триггером актуализации такого сценария по отношению к незнакомому человеку выступает в большей степени аффективно-насыщенная си-

туация и субъективный эмоциональный отклик на нее. При этом развертывание именно этого режима просоциального поведения носит, как правило, случайный и импульсивный характер.

Сострадательное помогающее поведение, ориентированное на знакомого человека из разного социально-психологического круга общения (член семьи, друг, коллега), обусловлено как личностными особенностями и эмоциональным состоянием человека, реализующего сострадательный режим просоциального поведения, так и спецификой сложившихся межличностных отношений (норма справедливости или заслуженности).

Просоциальный сценарий доброты чаще распознается в отношении знакомого человека и по содержательно-смысловому наполнению пересекается с такой просоциальной страте-

гией, как альтруистическое инвестирование [16], ориентированной не на сиюминутную помощь, сочувствие и сострадание Другому, а на прирост и увеличение социального капитала Мы-общности, укрепление системы ее взаимных обязательств и заботы об общем благополучии (нормы заботы, взаимности, лояльности группе).

Заключение

Современный мир с его технологическими инновациями и мегатрендами, витальными угрозами и многочисленными рисками, разнорядковыми кризисами и военно-политическими конфликтами оказывает существенное влияние на функционирование человека во всех возможных контекстах его жизни, в том числе в сфере взаимодействий социальных акторов, переводя их на другой уровень социальной интеграции и внося изменения в привычные правила и нормы, при этом не отменяя их, а лишь корректируя в соответствии с новыми реалиями.

Социальные нормы, регулирующие межличностные интеракции в формате просоциального поведения, устанавливая границы допустимого и дозволенного в рамках нравственной дихотомии «добро–зло», обеспечивают порядок в обществе и его стабильность, укрепляют и сохраняют этико-смысловую основу, предоставляют возможность совместного бытия людей.

В современном обществе нормы просоциального поведения – ответственность, взаимность, забота, справедливость (заслуженность) – безусловно, соблюдаются, однако значимость и типичность реализации поведенческих сценариев, построенных с учетом этих норм, указывают на их недостаточную приоритетность и востребованность со стороны социальных акторов, порождая некоторое противоречие между запросом / ожиданием общества и готовностью / интенциями его представителей удовлетворять и соответствовать им. Отметим, что участниками исследования выступали студенты, получающие психологическое образование, априори предполагающее направленность на человекознание и человеколюбие, уважение Другого и его понимание, заботу и ответственность за него.

Трансформация социальных субъектов и их поведенческих практик приводит к разной степени узнавания и распознавания таких режимов просоциального поведения, как добро-

та и сострадание. При этом сострадательный просоциальный сценарий одинаково хорошо распознается в отношении как знакомого, так и незнакомого человека, оказавшегося в трудных жизненных обстоятельствах, тогда как сценарий доброты лучше идентифицируется относительно знакомого человека и в большей степени коррелирует с такой стратегией просоциального поведения, как альтруистическое инвестирование.

Список литературы

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : ЭКСМО, 2016. 208 с.
2. Плиев С. М. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 214–220. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-3-214-220>
3. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-18-3-431-450>
4. Асмолов Г. А., Асмолов А. Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
5. Труфанова Е. О. Идентичность личности в цифровую эпоху: утрата приватности, границы ответственности // Studia Culturae. 2020. № 45. С. 59–68.
6. Рягузова Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
7. Keltner D., Kogan A., Piff P. K., Saturn S. R. The sociocultural appraisals, values, and emotions (SAVE) framework of prosociality: Core processes from gene to meme // Annual Review of Psychology. 2014. Vol. 65, № 1. P. 425–460. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115054>
8. Radey M., Figley C. R. The Social Psychology of Compassion // Clinical Social Work Journal. 2007. Vol. 35. P. 207–214. <https://doi.org/10.1007/s10615-007-0087-3>
9. Рягузова Е. В. Сострадание и доброта как разные сценарии просоциального поведения личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–96. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-90-96>
10. Фуко М. Говорить правду о самом себе. Лекции, прочитанные в 1982 году в Университете Виктории в Торонто / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Дело, 2021. 336 с.

11. Malti T. Kindness: A perspective from developmental psychology // *European Journal of Developmental Psychology*. 2020. Vol. 18, iss. 5. P. 629–657. <https://doi.org/10.1080/17405629.2020.1837617>
12. Andreoni J. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving // *The Economic Journal*. 1990. Vol. 100, iss. 401. P. 464–477. <https://doi.org/10.2307/2234133>
13. Gilbert P., Basran J., MacArthur M., Kirby J. Differences in the Semantics of Prosocial Words: An Exploration of Compassion and Kindness // *Mindfulness*. 2019. Vol. 10. P. 2259–2271. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01191-x>
14. Рязузова Е. В. Парадоксы доброты в контексте просоциального поведения: анализ современных концепций // *Социальная психология и общество*. 2024. Т. 15, № 1. С. 5–21. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150101>
15. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Александрович М. О. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 10. С. 116–138. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-10-116-138>
16. Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л. Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности // *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10, № 3. С. 157–176. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100310>
- Philosophy. *Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
7. Keltner D., Kogan A., Piff P. K., Saturn S. R. The sociocultural appraisals, values, and emotions (SAVE) framework of prosociality: Core processes from gene to meme. *Annual Review of Psychology*, 2014, vol. 65, no. 1, pp. 425–460. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115054>
8. Radey M., Figley C. R. The social psychology of compassion. *Clinical Social Work Journal*, 2007, vol. 35, pp. 207–214. <https://doi.org/10.1007/s10615-007-0087-3>
9. Ryaguzova E. V. Compassion and kindness as different scenarios of pro-social behavior of the person. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–96 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-90-96>, EDN: CMHHLW
10. Foucault M. *Dire vrai sur soi-même: conférences prononcées à l'Université Victoria de Toronto, 1982* / Édition, introduction et apparat critique par H.-P. Fruchaud, D. Lorenzini. Paris, Librairie Philosophique J. Vrin, 2017. 296 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Govorit' pravdu o samom sebe. Lektsii, pročitannye v 1982 godu v Universitete Viktorii v Toronto*. Moscow, Delo, 2022. 336 p.).
11. Malti T. Kindness: A perspective from developmental psychology. *European Journal of Developmental Psychology*, 2020, vol. 18, iss. 5, pp. 629–657. <https://doi.org/10.1080/17405629.2020.1837617>
12. Andreoni J. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving. *The Economic Journal*, 1990, vol. 100, iss. 401, pp. 464–477. <https://doi.org/10.2307/2234133>
13. Gilbert P., Basran J., MacArthur M., Kirby J. Differences in the Semantics of Prosocial Words: An Exploration of Compassion and Kindness. *Mindfulness*, 2019, vol. 10, pp. 2259–2271. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01191-x>
14. Ryaguzova E. V. Paradoxes of kindness in the context of prosocial behavior: Analysis of modern concepts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2024, vol. 15, no. 1, pp. 5–21 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150101>
15. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Aleksandrovich M. O. Moral grounds and social norms of safe prosocial behavior of young people. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2020, vol. 22, no. 10, pp. 116–138 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-10-116-138>
16. Mararitsa L. V., Kazantseva T. V., Pochebut L. G., Sventitskiy A. L. The contribution of the individual to the group's social capital: The structure of altruistic investment. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 1, pp. 43–66 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090104>

References

1. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva, World Economic Forum, 2016. 172 p. (Russ. ed.: Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow, EKSMO, 2016. 208 p.).
2. Pliev S. M. “New Normal” in the modern world: Historical aspects and current political practices. *Novoe Proshloe* [The New Past], 2021, no. 3, pp. 214–220 (in Russian). <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-3-214-220>
3. Soldatova G. U., Voyskounskiy A. E. Socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the mind. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 431–450 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-18-3-431-450>
4. Asmolov G. A., Asmolov A. G. The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective. *Voprosy psikhologii*, 2019, no. 4, pp. 3–28 (in Russian).
5. Trufanova E. O. Personal identity in digital age: The loss of privacy, the limits of responsibility. *Studia Culturae*, 2020, no. 45, pp. 59–68 (in Russian).
6. Ryaguzova E. V. Homo Digitalis: Request for a new personality configuration. *Izvestiya of Saratov University*.

Поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 327–331

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 327–331
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-327-331>

EDN: CQYQNU

Научная статья
УДК 76:37.01

Особенности формирования профессиональных компетенций у будущих художников-графиков

Аль-Муршеди Ахмед Вахид Хамза

Московский педагогический государственный университет, Россия, 129226, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Аль-Муршеди Ахмед Вахид Хамза, аспирант кафедры методики преподавания изобразительного искусства, ahmedkrussa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9098-5408>

Аннотация. Введение. В образовании существует ряд противоречий, заключающихся в том, что получаемые в учебном заведении знания, умения и навыки не удовлетворяют рынок труда. В целом обучение по специальности «Художник-график (станковая графика)» может быть интересным и полезным для тех, кто хочет работать в сфере искусства. Для успеха на рынке труда необходимо развивать не только свои способности, но и навыки маркетинга, продвижения работы и поиска заказов. В настоящей статье рассмотрены компетенции будущих художников-графиков со специализацией № 1 «Художник-график (станковая графика)». Анализ контингента художественно-педагогических заведений позволяет заключить, что специальность мало востребована. **Теоретический анализ** проблемы формирования профессиональной компетенции будущих художников-графиков дает возможность выявить компоненты и показатели профессиональной готовности будущих художников-графиков. **Заключение.** Особенности формирования профессиональных компетенций – процесс многогранный. Они могут быть связаны с индивидуальными особенностями студентов, спецификой профессии и учебного процесса. Индивидуальный подход к студентам, использование современных методов обучения и ориентация на реальные потребности рынка труда помогут эффективно формировать профессиональные компетенции у будущих специалистов в любой области.

Ключевые слова: художник-график, художественно-графическая деятельность, компетенция, профессиональные компетенции, профессиональная деятельность

Для цитирования: Аль-Муршеди Ахмед Вахид Хамза. Особенности формирования профессиональных компетенций у будущих художников-графиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 327–331. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-327-331>, EDN: CQYQNU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

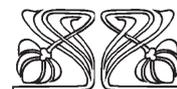
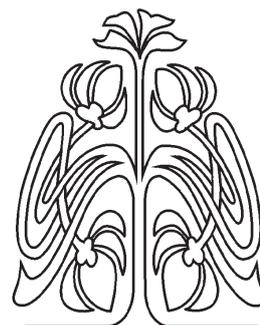
Article

Features of the professional competencies formation of future graphic artists

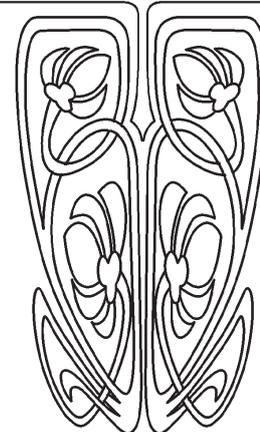
Al-Murshedi Ahmed Vahid Hamza

Moscow Pedagogical State University, 1, building 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 129226, Russia
Al-Murshedi Ahmed Vahid Hamza, ahmedkrussa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9098-5408>

© Аль-Муршеди Ахмед Вахид Хамза, 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. There are a number of contradictions in education when the knowledge, skills and abilities obtained at an educational institution do not satisfy the labor market. In general, training in the specialty "Graphic Artist (easel graphics)" can be interesting and useful for those who want to work in the field of art. To be successful in the labor market, it is necessary to develop not only your abilities, but also marketing skills, job promotion and order search. The article analyzes the competencies of future graphic artists with specialization no. 1 "Graphic artist (easel graphics)". The analysis of the contingent of art and pedagogical institutions leads to the conclusion that the specialty is in little demand. **Theoretical analysis** of the problem of professional competence formation of future graphic artists identified components and indicators of professional readiness of future graphic artists. **Conclusion.** In conclusion, it can be noted that the peculiarities of the formation of professional competencies is a multifaceted process. These peculiarities may be related to the individual characteristics of students, the specifics of the profession, as well as the peculiarities of the educational process. An individual approach to students, the use of modern teaching methods and orientation to the real needs of the labor market will help to effectively form professional competencies of future specialists in any field.

Keywords: graphic artist, artistic and graphic activity, competence, professional competencies, professional activity

For citation: Al-Murshedi Ahmed Wahid Hamzah. Features of the professional competencies formation of future graphic artists. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 327–331 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-327-331>, EDN: CQYQNU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Формирование профессиональных компетенций у будущих художников-графиков – сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода и учета ряда особенностей.

Под художниками-графиками подразумеваются специалисты, получающие высшее образование по специальности 54.05.03 «Графика» со специализацией № 1 «Художник-график (станковая графика)». Проанализировав Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, мы уточнили требования к подготовке студентов по данному направлению. Художники-графики, освоившие программу специальности, в качестве сферы профессиональной деятельности могут рассматривать культурную и социальную среду общества, изобразительное искусство, медиасферу, издательское дело, искусство кино и телевидения, культурно-просветительскую деятельность, систему художественного образования и художественно-эстетическое воспитание [1].

Одной из ключевых особенностей данной специальности является необходимость сочетания теоретических знаний и практических навыков. При этом следует учитывать, что профессиональные компетенции художника-графика включают в себя как общие (креативность, коммуникативные и технические навыки), так и специфические для данной области (например, умение работать с различными материалами и программным обеспечением).

Первостепенной особенностью является необходимость учета индивидуальных возможностей каждого студента и его потребностей. Это означает, что обучение должно быть гибким и адаптированным к уровню знаний, интересам и способностям обучающегося.

Также следует учитывать, что формирование профессиональных компетенций должно быть направлено на развитие у студентов ценностных ориентаций, таких как этика профессии, уважение к интеллектуальной собственности, профессиональное самосовершенствование.

Важным фактором формирования профессиональных компетенций является использование современных технологий и программного обеспечения, так как они позволяют не только улучшить качество обучения, но и готовить студентов к работе в современном информационном обществе [2].

Теоретический анализ

Интерес к проблеме формирования профессиональных компетенций у будущих художников-графиков в настоящее время возрастает, что объясняется появлением большого количества научных работ, посвященных этой теме. Среди них можно выделить следующие: «Профессиональные компетенции будущего специалиста: формирование и развитие» Л. А. Шестаковой, «Психолого-педагогические аспекты формирования профессиональной компетентности будущих художников-графиков» М. И. Сурковой, «Формирование профессиональных компетенций будущих художников-графиков в условиях образовательной среды вуза» Н. В. Сергеевой, «Особенности формирования профессиональных компетенций художников-графиков в процессе обучения в вузе» Т. Л. Беловой и др.

Также существует много практических руководств и учебников, которые могут быть полезны студентам и преподавателям, занимающимся формированием профессиональных компетенций художников-графиков, например, «Рисунок и профессиональная графика»

Ю. М. Леонова, «Художественная графика»
А. А. Лебедева, «Компьютерная графика»
А. Ю. Смирнова и др.

Таким образом, в настоящее время имеется достаточное количество научных работ и практических руководств, которые могут быть полезны при изучении и формировании профессиональных компетенций у будущих художников-графиков.

Профессиональные компетенции делятся на три категории: ключевые, базовые и специальные [3].

Ключевые компетенции – это универсальные навыки, необходимые для работы в любой профессии, навыки коммуникации, управления временем, решения проблем, аналитические способности, лидерство, самоуправление, адаптивность, критическое мышление и т.д.

Базовые компетенции – это набор общих профессиональных навыков, необходимых для работы в конкретной области. Художнику-графику необходимы знания и навыки в области рисования, композиции, цветоведения, типографики и т.д.

Специальные компетенции – это навыки и знания, присущие только конкретной профессии. Художники-графики должны обладать навыками работы с различными программными средствами для создания и редактирования изображений, а также знаниями в области дизайна интерфейсов, создания анимации, визуализации и т.д.

Важно отметить, что все три типа компетенций взаимосвязаны и дополняемы. Необходимо наличие практической составляющей в обучении художников-графиков. Вместе с теоретическими знаниями студенты должны активно участвовать в создании графических проектов и работать с различными программными средствами, чтобы лучше понимать их возможности и эффективно использовать их в своей работе [4]. Следует уделять большее внимание развитию таких ключевых компетенций, как коммуникация, лидерство, адаптивность и критическое мышление. Они помогают художникам-графикам эффективно работать в команде, управлять временем и ресурсами, а также анализировать свою работу и принимать правильные решения. Большое значение имеет учет современных тенденций в области графического дизайна и технологий. Студенты должны быть готовы к работе с новыми технологиями, такими как

виртуальная и дополненная реальность, мобильные приложения, интерактивные медиа и т.д.

В целом формирование профессиональных компетенций у будущих художников-графиков должно учитывать современные тенденции и потребности рынка труда, а также уделять внимание как базовым, так и специальным компетенциям.

Важную роль в формировании профессиональных компетенций у будущих художников-графиков играет готовность, представляющая собой психологическую основу для успешного обучения и профессиональной деятельности. Она включает в себя такие аспекты, как мотивация, умения и навыки, знания и понимание, личностные качества, такие как ответственность, настойчивость, творческий потенциал и др. Все эти аспекты взаимосвязаны и влияют на эффективность формирования профессиональных компетенций [5]. Например, мотивация является ключевым фактором готовности и играет важную роль в формировании профессиональных компетенций. Если у студента нет достаточной мотивации, то он не будет тратить достаточное количество времени и усилий на обучение и развитие своих навыков. Кроме того, навыки и умения, которые приобретаются в процессе обучения, также выступают важными компонентами готовности и будут определять успех в профессиональной деятельности.

Готовность может включать в себя личностные качества, в частности творческий потенциал и ответственность. Творческий потенциал позволяет художнику-графику создавать оригинальные и выразительные произведения и развивать свой индивидуальный стиль. Ответственность позволяет ему выполнять работу в срок и с высоким качеством.

Для успешного формирования профессиональных компетенций у будущих художников-графиков требуется не только наличие необходимых знаний и умений, но и готовность к профессиональной деятельности. В свою очередь развитие профессиональных компетенций способствует формированию готовности к профессиональному росту и развитию.

Таким образом, готовность и компетенция – это важные компоненты профессиональной подготовки будущих художников-графиков и их взаимосвязь и взаимозависимость должны учитываться при проведении образовательного процесса.

Процесс современной подготовки студентов художественно-графических факультетов построен на следующих принципах:

доходчивость знаний, умений и навыков в образовательно-воспитательной работе в процессе получения художественного образования; общность условий для достаточной реализации художественно-графических способностей будущего художника-графика;

разностороннее развитие личности студента;

развитие способности к творческому самообновлению и самосовершенствованию, формированию национальной идентичности [6].

В соответствии с содержанием подготовки специалистов цель преподавания специальных дисциплин художественно-графической направленности состоит в следующем:

развитии интереса к графическому искусству;

способности воспринимать, понимать и создавать художественные и графические образы;

потребности в художественной и созидательной самореализации и духовном самосовершенствовании.

При определении сущности и структуры процесса формирования профессиональной компетенции будущих художников-графиков необходимо учитывать теоретико-методологическую позицию о взаимосвязи структуры определенного социального явления и его функциональных характеристик. Функции определяют целевую установку системы, соответствующую критериям характеристики.

Особенности художественно-графической деятельности, ее специфика, сущность готовности будущих художников-графиков к исследуемому типу деятельности, функции этой готовности позволили определить структурные составляющие готовности, отражающие как процессуальную, так и результативную сторону изучаемого процесса, среди них мотивационно-ценностный, когнитивный, поведенческий. Указанные компоненты развиваются неравномерно, но изменения каждого из них служат условием развития любого другого.

Итак, анализ работ по формированию профессиональной компетенции специалистов позволил выделить три компонента формирования профессиональной компетенции у художников-графиков: мотивационно-ценностный, когнитивный и поведенческий. Каждый из них содержит показатели сформированности профессиональных компетентностей будущих

художников-графиков. Так, *мотивационно-ценностный компонент* включает следующие показатели:

мотивы деятельности художника-графика;

мотивы успеха художника-графика;

субъектная позиция в художественно-графической деятельности.

Когнитивный компонент содержит следующие показатели:

знание сущности художественно-графической деятельности;

знание техник художественной графики;

знание истории графического искусства.

В структуре *поведенческого компонента* выделяются следующие показатели:

навыки и умения организации художественно-графической деятельности;

навыки и умения руководства творческим процессом;

навыки работы с графическими материалами и произведениями искусства.

Каждый компонент профессиональной компетенции раскрывается через свои показатели, которые по результатам анкетирования и опроса специалистов в области художественной графики считаются оптимальными для формирования профессиональной компетенции.

На уроках изобразительного искусства и графики преподаватели должны создать условия для творческой и интеллектуальной среды. Эффективным способом создания такой среды является система творческих заданий художественно-графической направленности. Метод творческих заданий заслуживает внимания в обучении художников-графиков. К типам художественно-творческих заданий, способствующих приобретению профессиональных навыков у будущих графических дизайнеров, относятся творческие задания на основе предложений, задания по эстетической терапии и задания по решению проблем. Суггестивная терапия влияет на создание положительных эмоций и стимулирует активное творческое обучение.

Таким образом, в процессе профессиональной подготовки будущие художники-графики должны освоить художественно-творческую, исследовательскую, педагогическую и художественно-образовательную виды деятельности.

Заключение

Изучив процесс формирования профессиональной компетенции у будущих художников-графиков, можно сделать следующие выводы:

1. Формирование профессиональной компетенции у будущих художников-графиков начинается с основ архитектуры, рисунка, композиции, художественного вкуса и эстетического восприятия мира.

2. Развитие навыков отображения света, тени, тонов, текстур и цвета является важным этапом в формировании профессиональной компетенции.

3. Работа в графических программах, таких как Adobe Photoshop и Illustrator, необходима для совершенствования техники работы.

4. Опыт работы на реальных проектах (создание иллюстраций к книгам, рекламным баннерам, сайтам и т.д.) необходим для отработки профессиональных навыков.

5. Непрерывная саморазвитие и совершенствование техник, а также изучение новых программ и инструментов служит ключевым фактором в формировании профессиональной компетенции.

В связи с этим можно утверждать, что профессиональная подготовка художников-графиков способствует осуществлению основных целей художественно-графического образования. В блоке специальных художественных дисциплин студент имеет непосредственную возможность прикоснуться к прекрасному, почувствовать многообразие красок мира, изучить наследие великих мастеров-графиков и в итоге определить свое место в этом мире и место своего народа, в результате чего формируется чувство гордости и причастности к своей национальной истории и культуре. На наш взгляд, создание необходимых, соответствующих условий для формирования знаний, умений и навыков у будущих художников-графиков будет способствовать выработке профессиональных компетенций, что позволит выпускнику адаптироваться на современном рынке труда.

Список литературы

1. Устрицкая Н. А. Особенности развития печатной графики в парадигме современного изобразительного искусства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 1 (212). С. 220–225.
2. Омшанов А. Б., Джалсанова Б. С., Сангаджиев М. М. Формирование профессиональных компетенций в процессе обучения графическим дисциплинам // Вестник Тульского государственного университета.

Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2012. № 11. С. 105–109.

3. Турлюн Л. Н. Творчество отечественных и зарубежных компьютерных художников // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 288–290.
4. Чупрова М. И. Профессиональные компетенции будущего художника-графика: особенности формирования // Современное образование: проблемы, поиски и решения. 2020. Т. 2, № 1. С. 65–70.
5. Ахметова Н. М. Формирование профессиональных компетенций будущих художников-графиков в условиях модернизации образования // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 3. С. 57–63.
6. Каленова О. В. Формирование профессиональных компетенций будущих художников-графиков в условиях цифровизации образования // Инновационные технологии в науке и образовании. 2019. Т. 1, № 1. С. 89–92.

References

1. Ustritskaya N. A. Features of the development of printed graphics in the paradigm of modern fine art. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History], 2018, no. 1 (212), pp. 220–225 (in Russian).
2. Omshanov A. B., Dzhaljanova B. S., Sangadzhiev M. M. Formation of professional competencies in the process of teaching graphic disciplines. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii v prepodavanii estestvennonauchnykh distsiplin* [Bulletin of Tula State University. Series: Modern Educational Technologies in the Teaching of Natural Sciences], 2012, no. 11, pp. 105–109 (in Russian).
3. Turlun L. N. Creativity of domestic and foreign computer artists. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2013, no. 4 (41), pp. 288–290 (in Russian).
4. Chuprova M. I. Professional competencies of the future graphic artist: Features of formation. *Modern Education: Problems, Searches and Solutions*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 65–70 (in Russian).
5. Akhmetova N. M. Formation of professional competencies of future graphic artists in the conditions of modernization of education. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2018, no. 3, pp. 57–63 (in Russian).
6. Kalenova O. V. Formation of professional competencies of future graphic artists in the conditions of digitalization of education. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative Technologies in Science and Education], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 89–92 (in Russian).

Поступила в редакцию 21.01.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 21.01.2023; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 332–336

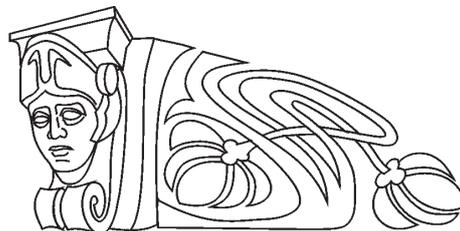
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 332–336

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-332-336>, EDN: BXUQNE

Article

Genesis of the problem of digital communicative competence formation in a blended learning format in the period from 1950 to 1990

E. A. Bakina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Evgeniya A. Bakina, bakusha86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7555-9636>

Abstract. Introduction. Digital transformation of science and higher education is a strategic direction of the state policy in the Russian Federation that contributes to qualitative changes in every area of life, including the field of science and education, supporting the idea of continuous professional development. The goal of digital transformation is to achieve a high level of digital fluency in educational establishments of higher education. Digital transformation is aimed at solving different problems, namely increasing the level of digital competence of specialists and students of educational organizations, especially when working in a new learning format. Therefore, we suggest considering the genesis of the problem of formation of digital communicative competence in a blended learning format. **Theoretical analysis.** This competence, implemented in a blended learning format, is highly-demanded in the digital reality. The article features the periodization of the genesis of the problem of digital communicative competence formation in a blended learning format. The main trends of the second phase of its formation are identified. The scientific, theoretical, historical and socio-cultural prerequisites of its development are determined. **Conclusion.** Digital competence improves the quality of education and promotes digital innovations in educational environment, maximizing the potential of modern technologies.

Keywords: competence, communicative competence, digital communicative competence, blended learning format, digitalization, programmed learning, competence-based approach

For citation: Bakina E. A. Genesis of the problem of digital communicative competence formation in a blended learning format in the period from 1950 to 1990. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 332–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-332-336>, EDN: BXUQNE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК [004:37.01]+37(09)(470+571)

Генезис проблемы формирования цифровой коммуникативной компетенции в смешанном формате обучения в период с 1950 по 1990 год

Е. А. Бакина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Бакина Евгения Александровна, аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков и образовательных технологий, bakusha86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7555-9636>

Аннотация. Введение. Цифровая трансформация науки и образования является стратегическим направлением государственной политики Российской Федерации, которая способствует качественным изменениям во всех сферах жизни, в том числе в научной и образовательной деятельности, поддерживает идею постоянного саморазвития и совершенствования навыков и умений. Цель цифровой трансформации заключается в стремлении достичь высокого уровня цифровой грамотности в высшей школе. Цифровая трансформация направлена на решение многих вопросов, в частности повышение уровня цифровых компетенций сотрудников и обучающихся образовательных организаций в режиме работы с новым форматом обучения. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть генезис проблемы формирования цифровой коммуникативной компетенции в смешанном формате обучения. **Теоретический анализ.** Одной из востребованных компетенций в реалиях цифровой эпохи является цифровая коммуникативная компетенция, реализуемая в условиях смешанного формата обучения. В статье содержится периодизация генезиса проблемы формирования цифровой коммуникативной компетенции в смешанном формате обучения, выявлены главные тенденции на 2-м этапе ее развития,

определены научные, теоретические, исторические, социально-культурные предпосылки. **Заключение.** Владение цифровыми компетенциями способствует повышению качества образования и продвижению цифровых инноваций в образовательной среде, так как максимально используется потенциал современных технологий.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, цифровая коммуникативная компетенция, смешанный формат обучения, информатизация, программированное обучение, компетентностный подход

Для цитирования: Bakina E. A. Genesis of the problem of digital communicative competence formation in a blended learning format in the period from 1950 to 1990 [Бакина Е. А. Генезис проблемы формирования цифровой коммуникативной компетенции в смешанном формате обучения в период с 1950 по 1990 год] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 332–336. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-332-336>, EDN: VXUQNE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Introduction

The necessity to increase accessibility of education regardless of opportunities and demand, to provide high quality education, that meets the requirements of the constantly developing world, is quite pressing for modern society. Today, higher educational establishments provide an opportunity to get fundamental knowledge in various learning formats. Taking into consideration the current realities of digitalization processes in the country, mastering digital competences and digital technologies and implementing new learning models are key components in the comprehensive development of a person, striving for continuous education. Regarding this, we want to consider the genesis of the problem of formation of digital communicative competence in a blended learning format from 1950 to 1990, as it is associated with a significant change in scientific and social guidelines; besides, certain aspects of the research problem were more pronounced at that period. The trajectory of the development of the highlighted issue is based on the political, social and economic conditions in the country. We divided the whole periodization into 3 parts:

The 1st period (1920–1950) is characterized by eradication of illiteracy, prerequisites for overcoming technical and economic recession, beginning of industrialization, and digital divide;

The 2nd period (1950–1990) provided benefits for various spheres of life such as development of the humanities, invention of computers and multimedia technologies, enhanced scientific activity, and competence-based approach;

The 3rd period (the 1990s to the present) is remarkable for the new political mindset, economic reforms, and digital evolution.

Theoretical analysis

We suggest considering the 2nd period in more detail (1950–1990). The beginning of the 2nd period

(1950–1990ss) was characterized by the Khrushchev's Thaw, with its political course aimed at liberalization, modernization of public life and development of political processes in the country. The international situation was stable without any tension, and the country was oriented on the development of new forms of cooperation [1]. Modernization of all spheres of life was on the agenda, especially the sphere of education. Attempts were made to teach computer literacy as the computerization policy was carried out to create a technological basis for the transition to information society.

Initially, the idea of using a computer as a means of learning appeared in the 1950s as a part of a programmed learning, but it was applied only to technical universities, eliminating the contradiction between the amount of necessary knowledge and the possibility of mastering it in limited time. According to the program of the development of the Soviet higher education, designed by the Central Committee and the Council of Ministers of the USSR in 1958, university education was supposed to rise to a new level, so specialists were interested in the programmed learning and it was under study. Such courses as calculus mathematics, industrial electronics and programming were implemented in the learning process.

In 1985, it was decided to accelerate the scientific and technical process and to intensify the science; the priority areas of scientific and technological progress, such as the development of computer science, computer technology, and cybernetics, were outlined. A new course “Fundamentals of Computer Science and Computer Engineering” was introduced into the curricula. However, the course faced some difficulties: unpreparedness of the staff, lack of educational and methodological references, and insufficient computer equipment. As a result, it was studied only theoretically [2]. However, the process of informatization of education got an impetus, and its gradual development contributed to the need of computer technology.

The education and social welfare system, despite some drawbacks, met the requirements of the society. People have always tried to replenish their education, being on the verge of changes. It is known that the integration of new technologies is impossible without qualified specialists who possess competence that is essential for the performance of professional activities.

Therefore, we need to address the issue of developing a competence framework. The concept was introduced for the first time in the 1970s and was defined as the knowledge and skills that a person possesses [3], and the ability to solve problems based on the experience [4]. The term appeared in publications devoted not only to economics, but also to education, especially in the field of foreign languages. Many scientists [5] have considered this concept in different ways, but one of the first to introduce it into the conceptual apparatus of linguistics was Noam Chomsky. In his understanding, competence is the ability to carry out linguistic activities in a native language [6]. This concept has been studied by other scientists too, but it has not gained much popularity. Chomsky's theory contributed to the emergence of the alternative term of "communicative competence", introduced into the science by ethnolinguist D. Hymes in 1971 [7]. The term was originally used in methodology of language learning, and later it was borrowed by representatives of other areas of science. In his opinion, the structure of communicative competence is characterized by such components as sociolinguistic, strategic, grammatical and discursive competencies [7]. This was an innovative breakthrough in language learning. The theory of communicative competence continued to be developed by M. Canale and M. Swain and gained the universal recognition [8].

Russian scientists were also engaged in the process of defining the phenomenon of communicative competence. To be more exact, the problems of communication in Russian pedagogy were highlighted by A. Verbitskiy, I. A. Zimnyaya, I. L. Bim, A. A. Leontieva, E. S. Polat, A. V. Khutorskoy, M. N. Vyatyutnev. According to I. A. Zimnyaya, communicative competence is the competence that solves communicative tasks [9]. I. A. Bim defines this type of competence as a complex phenomenon and indicates its constituent elements [10]. M. N. Vyatyutnev presented the following understanding of this issue: competence is the ability to identify and classify situations based on the topic, communicative tasks during speech interaction [11]. A. V. Khutorskoy defines competence as a

pre-formed requirement for a certain level of education, and refers communicative competence to key competences in education [12].

Thus, as we see, in 1990 the scientific and educational community had the following ideas: the concept of competence is a characteristic of the activity that includes knowledge, skills and abilities, and behavioral characteristics in professional and life situations. It is evident that communicative competence is an essential part of any interaction.

Although the world of science is in progress, there is a shortage of specialists capable of reproducing knowledge, adapting to unstable living conditions, and upgrading educational programs. Employers, in turn, increase requirements for the qualification of employees. The rejection of the "knowledge" paradigm and the introduction of a competence-based approach indicate the changes in modern society and employment area. Information overload is inevitable. An illiterate person will not be the one who cannot read, but the one who has not learned to study. Therefore, a competence-based approach is a kind of a response to the social order, the order of the labor market.

Resuming the issue of competence and competence approach, it is worth mentioning that 1990 witnessed active implementation of the competence approach in Russia. Its main idea is to acquire professional knowledge, skills and competences for work and life, upgrading them in a harmonious way.

Regarding western scholars, four approaches to introducing the competence-based model of learning can be outlined:

- 1) behavioral approach in the US;
- 2) comprehensive approach in France;
- 3) functional model in the UK;
- 4) holistic approach in Austria and Germany.

The American approach considers competence as a behavioral aspect. Representatives of the functional approach are guided by the requirements based on the peculiarities of the professional sphere. In France, the competence-based approach is complex and comprehensive. It considers person's behavior, experience and knowledge. In Germany, the holistic approach includes such abilities as cooperation, ethics and resilience. In Austria, competence includes cognitive abilities, personal qualities and social skills.

Of course, popularization of the competence approach is caused by the employers' demand to upgrade the efficiency of employees. It is evident that traditional forms of education cannot fully reveal the potential of a person. Therefore, the edu-

cational system is undergoing changes dictated by lifelong learning. These changes affect the training format and contribute to the emergence of the term of “blended learning”. The emergence of this learning format was due to the availability of personal computers, increasing number of video courses, as well as gradual development of programmed learning. The pioneers in blended learning were American scientists K. J. Bonk [13], C. Graham [13], M. Horn [14] and H. Staker [14]. Bonk and Graham outlined their understanding of blended learning in the handbook “Global Perspectives, Local Design”. This learning format complied two components: online learning and teaching with a tutor. Russian scientists also presented their variations of the term “blended learning”. For example, Yu. R. Vasilyeva means by this format classes with a tutor, distance learning and independent work [15]. M. N. Mokhova identifies the following components: classes with a tutor, active teaching methods included in a distance learning course [16].

Conclusion

Thus, we can certainly assume that blended learning format easily meets the challenges of the new information era. This form of education is significant for countries with large territories. The importance of blended format is confirmed by the introduction of the Federal program for the creation and development of an integrated learning system. Of course, blended learning format is one of the promising learning technologies, that is aimed at meeting the needs of the society, bridging the information gap and, what is more important, tracking an individual educational trajectory. This trajectory helps achieve better educational outcomes and the relevance of knowledge. It cultivates adaptability in the face of changes. Traditional model would be ineffective in such a situation.

Therefore, the second period of developing digital communicative competence in a blended learning format is characterized by gradual improvement of educational and economic spheres; emergence of the competence paradigm and its promotion; awareness of the necessity of informatization of the national educational system, mainly in higher educational establishments; determination of the role and place of the computer among other educational tools; priority of mass and accessible education.

Summing up, the country is entering the era of information change. The second period of the

problem of formation of digital communicative competence is essential for the formation of digital communicative competence in a blended learning format as, based on the current prerequisites, the transition to digital format is evident.

Judging by these results, we can conclude that the problem under study is relevant and requires further investigation. Our state and society are highly interested in the quality of educational service and continuity of self-education process and its effect on the social and economic development of the country. The rapid development of digital technologies has a significant impact on all spheres of our life. Creating new technical basis for the development of economy, social sphere and improving the quality of life through the use of digital technologies are new challenges for educational system. All digital changes that take place today are aimed at mass, high-quality education and comprehensive personal development [17]. Mastering digital competence and implementing a blended learning model are key features of the digital order of education in Russia.

References

1. Arslanov R. A., Kerov V. V., Moseykina M. N., Smirnova T. M., Yakimenko B. G. *Kratkiy kurs istorii Rossii s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [A short course of Russian history from ancient times to the beginning of the XXI century]. Moscow, Khranitel, 2007. 846 p. (in Russian).
2. Yarulina G. B. *The history of informatization of the national education system in the second half of 20th – early 21st centuries*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Hist.). Ufa, 2006. 26 p. (in Russian).
3. Shchukin A. N. Competence or competency. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2008, no. 8, pp. 14–20 (in Russian).
4. Khutorskoy A. V. Key competencies and educational standards. *Eydos* [Eidos], 2002, no. 2, pp. 58–64 (in Russian).
5. Bozhko E. M., Ilner A. O. Competence-based approach in Russia and abroad: Historical and theoretical aspects. *Mir nauki. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [The World of Science. Series: Pedagogy and Psychology], 2019, no. 1, pp. 1–10 (in Russian).
6. Homskiy N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of Syntax Theory]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 259 p. (in Russian).
7. Hymes D. *On communicative competence*. *Sociolinguistics*. Harmondsworth, Penguin, 1972, pp. 269–293.
8. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied Linguistics*, 1980, vol. 1, no. 1, pp. 1–47.

9. Zimnyaya I. A., Mazaeva I. A. Communicative competency and speech activity. *Eydos* [Eidos], 2015, no. 2, p. 20 (in Russian).
10. Bim I. L. The concept of a foreign language teaching system at different levels of consideration. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages at School], 2014, no. 4, pp. 56–66 (in Russian).
11. Vyatyutnev M. N. The concept of linguistic competence in linguistics and foreign language teaching methods. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages at School], 2014, no. 4, pp. 67–76 (in Russian).
12. Khutorskoy A. V. The model of competence-based education. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 2017, no. 12, pp. 9–16. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.17.12.P.09>
13. Curtis J. Graham, Ch. R. Bonk. *The Handbook of Blended Learning Global Perspectives, Local Designs*. San Francisco, Pfeiffer, 2006. 624 p.
14. Steyker H., Khorn M. *Smeshannoe obuchenie: ispolzovanie proryvnykh innovatsiy dlya uluchsheniya shkol'nogo obrazovaniya* [Blended learning: Using breakthrough innovations to improve school education]. San Francisco, Jossey-Bass, 2015. 343 p. (in Russian).
15. Blinov V. I., Esenina E. Yu., Sergeev I. S. Blended learning models: Organizational and didactic typology. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2021, vol. 30, no. 5, pp. 44–64 (in Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64>
16. Mokhova M. N. *Active methods in blended learning in the system of additional pedagogical education*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2005. 24 p. (in Russian).
17. *On the Approval of the strategic direction in the field of digital transformation of science and higher education: Decree of the Government of the Russian Federation of December 21, 20 no. 3759-p*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/727658114> (accessed February 10, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 337–342
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 337–342
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-337-342>, EDN: APWWVU

Научная статья
УДК 377:343.85

Некоторые аспекты педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних в условиях учебно-воспитательного процесса колледжа

А. А. Баландин

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел России, Россия, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75

Баландин Алексей Александрович, старший преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел, alexseibalandin91@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2969-2285>

Аннотация. Введение. На сегодняшний день в Российской Федерации существует серьезная проблема относительно детской преступности и иного противоправного поведения. **Теоретический анализ.** Деятельность по профилактике и предотвращению детских правонарушений ведется государственными органами, однако, чтобы искоренить данную проблему, к ней надо подходить комплексно. Профилактическая работа на данный момент закреплена за различными учреждениями, в том числе образовательными. В настоящей статье рассмотрены основные особенности профилактической работы среди студентов средних учебных заведений; дано определение девиантному поведению подростков. Изучены основные виды форм, методов и приемов профилактической работы педагога; выделены ключевые направления работы по профилактике противоправного поведения подростков. Дано понятие «средства профилактики», перечислены их виды. Подчеркнута важность умения педагога правильно, ярко и глубоко выражать свои мысли в ходе профилактической работы с подростками. **Заключение.** Обосновывается необходимость ведения систематической и непрерывной профилактической работы среди студентов средних профессиональных образовательных организаций. Отмечается важность участия и активного взаимодействия в данном процессе именно педагогов и педагогов-психологов.

Ключевые слова: педагогическая профилактика, правонарушения, несовершеннолетние, подростки, девиантное поведение

Для цитирования: Баландин А. А. Некоторые аспекты педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних в условиях учебно-воспитательного процесса колледжа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 337–342. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-337-342>, EDN: APWWVU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Some aspects of pedagogical prevention of juvenile delinquency in the college educational process

A. A. Balandin

Tyumen Institute for advanced training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 75 Amurskaya St., Tyumen 625049, Russia
Alexey A. Balandin, alexseibalandin91@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2969-2285>

Abstract. Introduction. Today in the Russian Federation there is a serious problem regarding child crime and other illegal behavior. **Theoretical analysis.** Activities on prevention and control of child delinquency are carried out by government agencies, however, in order to eradicate this problem, it must be approached comprehensively. Preventive work is currently assigned to various institutions, including educational ones. This article discusses the main features of preventive work among students of secondary educational institutions. The author also gives a definition of deviant behavior of adolescents. The main types of forms, methods and techniques of preventive work of a teacher have been studied. The main directions of work on the prevention of illegal behavior of adolescents are highlighted. The concept of means of prevention is given and their types are listed. The author emphasizes the importance of the teacher's ability to correctly, clearly and deeply express his thoughts during preventive work with adolescents. **Conclusion.** In conclusion, the author points out the need for systematic and continuous preventive work among students of secondary vocational educational organizations. At the same time, he notes the importance of participation and active interaction of teachers and educational psychologists in this process.

Keywords: pedagogical prevention, offenses, minors, adolescents, deviant behavior

For citation: Balandin A. A. Some aspects of pedagogical prevention of juvenile delinquency in the college educational process. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 337–342 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-337-342>, EDN: APWWVU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблемы, которые существуют на сегодняшний день, обострили ситуацию в государстве, а само общество подвергается сильному информационному влиянию, в связи с чем необходимо вести усиленную профилактическую работу среди несовершеннолетних. Приоритетные задачи государства сводятся к следующему: формирование подросткового правосознания, повышение уровня правовой культуры, предотвращение проявлений девиантного поведения, а следовательно, совершения правонарушений и преступлений [1, с. 97]. Так, согласно докладу Председателя СК РФ по итогам 2023 г. на 31% зафиксирован рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. В той связи необходимо консолидировать усилия органов правопорядка и повысить эффективность мер профилактического характера.

Профилактическая работа, направленная на предотвращение правонарушений несовершеннолетних, ведется систематически во всех образовательных учреждениях, в том числе в колледжах. Особое внимание уделяется вопросам проявления у подростков девиантного поведения и личностных проявлений, отклоняемых от моральных и правовых норм [2, с. 96].

Педагогическая профилактика может осуществляться параллельно с воспитательной работой, применяться и как отдельная мера воздействия, например при индивидуальной работе. В обоих случаях данная работа преследует конкретные цели, ставящиеся перед образовательным учреждением.

Следует отметить, что направления профилактической работы определяет главным образом руководство колледжа исходя из имеющейся учебно-материальной базы образовательного учреждения и уровня квалификации преподавательского состава [3, с. 103].

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующими задачами:

- 1) необходимостью анализа профилактической работы и воспитания, проводимых в рамках средних профессиональных организаций;
- 2) выявлением пробелов и недочетов профилактической работы колледжей, направленной на предотвращение противоправного поведения;
- 3) недостаточной разработанностью методических материалов, касающихся профи-

лактической работы и воспитания в рамках средних профессиональных учреждений по предотвращению правонарушений среди несовершеннолетних;

- 4) анализом состояния проблемы совершения преступлений и правонарушений несовершеннолетними;

- 5) анализом методов, форм и способов осуществления профилактической работы в колледже;

- 6) разработкой предложений, направленных на совершенствование воспитательно-профилактического процесса в рамках среднего профессионального образования.

Цель исследования: заключается в теоретическом анализе методов педагогической профилактики правонарушений в рамках учебного процесса в колледже.

Теоретический анализ

Профилактическая работа как обязательное условие сокращения числа правонарушений среди подростков рассматривается в исследованиях О. Р. Афанасьевой, Е. И. Холостовой, Е. Р. Сухаревой и др. Роль средних профессиональных организаций в предотвращении роста правонарушений среди подростков раскрыта в трудах Д. И. Ережипалиева, Г. И. Климантовой, В. И. Коваленко, С. В. Маликова, А. В. Мирнова и т.д.

Что же представляет собой девиантное поведение несовершеннолетних? Девиантное поведение согласно общепринятому понятию предполагает некоторое «отклонение» от нормы, при котором подросток совершает деяния, противоречащие моральным принципам и действующим законам [4]. Оно может выражаться в депрессивном поведении, агрессии, повышенной тревожности, асоциальности, совершении деяний противоправного характера, лжи, садизме и т.д.

Наиболее серьезным проявлением девиантного поведения является нарушение действующего законодательства, при котором деятельность несовершеннолетних варьируется от небольших административных проступков до тяжких и особо тяжких преступлений, таких как грабежи, разбои, убийства, изнасилования и пр.

К основным направлениям профилактической работы педагогов можно отнести следующие [5, с. 36]:

1. Выявление основных проблем проявления девиантного поведения у студентов, устранение причин и условий, способствующих этому.

2. Оказание помощи семьям проблемных подростков, заключающейся в создании посреднической связи между родителями, компетентными органами власти и организациями.

3. Устранение причин, способствующих пропускам занятий и плохой успеваемости обучающихся, недопущение различных конфликтных ситуаций в семье, между студентами в коллективе, а также с преподавателями.

4. Предотвращение распространения алкоголизма, наркомании, токсикомании, курения и т.д., пропаганда здорового образа жизни.

5. Вовлечение студентов в политическую, социальную и культурную деятельность.

6. Разрешение психологических травм и проблем подростков, связанных с семейными, личностными или иными социальными взаимоотношениями.

7. Привлечение к профилактической работе разных взрослых групп воздействия на подростков, таких как родители, органы ПДН, психологи, волонтеры, представители ответственности и т.д.

8. Повышение уровня правовой культуры и правосознания несовершеннолетних, разъяснение основных прав и свобод.

В рамках реализации указанных направлений применяются различные формы и методы воспитания и обучения несовершеннолетних, ориентированных на профилактику совершения правонарушений и иных форм проявления девиантного поведения. Форма работы может быть общей, групповая, индивидуальная и пр. В свою очередь методов профилактической работы довольно много, начиная с общих, таких как поощрение, убеждение, принуждение, и заканчивая специальными педагогическими: игровые, интерактивные, активные и т.д.

Помимо методов и форм, применяются также различные средства и приемы, определяемые в соответствии с выбранными методами. Например, Э. Ш. Натанзон выделяет две большие подгруппы приемов, которые могут применяться педагогами при реализации профилактической работы [цит. по: 6, с. 246]:

созидающие приемы, к которым автор относит просьбы, поощрения, проявление внимания, доверие, повышение самооценки и пр.;

тормозящие приемы – намеки, упреки, недоверие, осуждение, приказы и т.д.

Как видно, из этих двух подгрупп действенными будут лишь те, которые указаны в первом пункте. Тормозящие приемы помогают в редких случаях, если того требует ситуация и они совместимы с личностными качествами студентов, в остальных случаях они неэффективны и способны усугубить процесс профилактики.

Е. А. Александрова обосновывает эффективность использования таких методов воспитания, которые позволяют понять смысл произошедшего, происходящего и грядущего, принимать людей, при общении с которыми он может осмыслить то или иное событие, воспринимать окружающее пространство для осуществления новых возможностей и новых смыслов [7, с. 11].

Педагоги вправе применять и другие приемы по своему усмотрению, ориентируясь на конкретную ситуацию и проблему.

Средства – это совокупность материальных, эмоциональных, интеллектуальных и других условий, которые используются педагогами в рамках проводимой педагогической профилактики. Средствами педагогической профилактики могут служить книги, отдельные виды деятельности, СМИ и пр. Иными словами, средство – это то, что используется для достижения целей педагогической профилактики, а методы – определенный способ достижения данной цели [8, с. 93].

Чаще всего среди методов педагогической профилактики встречаются убеждение и упражнение. Метод убеждения позволяет приобщить несовершеннолетних к общим моральным и нравственным ценностям, убедить в необходимости ведения здорового образа жизни, создать правильные жизненные установки, ориентиры и т.д. Пока подросток совершает какие-либо поступки без осознания их значимости, он способен нанести вред и себе, и обществу. Данный метод позволяет сформировать у студентов правильные убеждения и модель поведения.

Эффективность использования тех или иных методов убеждения во многом зависит от психологических особенностей подростков, уровня их воспитания, увлечений и интересов. Словесное убеждение, как показывает практика, имеет большое значение для формирования у подростка социально-приемлемых взглядов.

Способность правильно говорить, четко выражать свои мысли является неотъемлемой составляющей профессионализма педагога в вопросе профилактики. Убеждение может быть в форме рассказа, лекции, беседы диспута, положительного примера.

Важный аспект в педагогической профилактике – создание некоего образа, на который подросток должен ориентироваться, например, нравственного идеала. Воспитательный момент в данном случае заключается в создании значимых и конкретных ориентиров для подростка [9, с. 28].

Таким образом, метод убеждения предполагает определенное разъяснение, доказательство установок, необходимых подростку, с целью устранения причин проявления девиантного поведения.

Также одним из методов организации профилактической работы является метод упражнения, который реализуется посредством организации игр, тренингов, дискуссионных и иных форм работы с детьми.

Такие методы профилактики, как поощрение и наказание, можно выделить в особую группу. Их цель заключается в формировании определенных нравственных качеств поведения и характера несовершеннолетнего. Данные методы необходимы, поскольку несовершеннолетний постоянно исследует границы дозволенного. При этом используются приемы предупреждения, переубеждения, смены интересов, наказания [10, с. 205].

Следует подчеркнуть, что выбор методов, средств и форм непосредственно влияет на результаты педагогической профилактики. В свою очередь содержание, методы и формы не могут быть обособленными, они взаимосвязаны и оказывают непосредственное влияние друг на друга.

На наш взгляд, наиболее эффективно реализовывать профилактическую работу в колледже можно посредством включения студентов во внеурочную воспитательную деятельность с активным применением формы наставничества. Наставниками выступают педагоги или опытные специалисты, призванные направить и помочь детям в достижении их научных, творческих, спортивных и иных целей.

Наиболее принятая форма наставничества выглядит как «Педагог–ребенок–школьник–студент». Однако на практике зачастую реализуются и формулы «Студент–школьник»,

«Студент–студент» и т.д. Наставником в данном случае выступает студент, имеющий определенные достижения, показатели обучения и дисциплины, а также опыт в необходимой образовательной или воспитательной сфере.

Стоит отметить, что в рамках колледжа система наставничества с участием студентов имеет определенные положительные характеристики, в частности:

наставляемые перенимают реальный опыт работы более старшего товарища по учебе;

студенты видят определенный авторитет среди тех, кто добился показателей по учебе или внеучебной деятельности, и стремятся на них равняться;

некоторым студентам сложно вступить в доверительные отношения с педагогом в силу большой разницы в возрасте. Со студентами в данном случае легче устанавливается коммуникация;

студенты могут принимать непосредственное участие в интересующих направлениях работы совместно с наставников, на уровне партнерства и взаимопомощи.

Эти и многие другие характеристики позволяют сделать вывод о необходимости более активного применения системы наставничества данного вида. Резюмируя вышеизложенное, полагаем необходимым внесение ряда практических предложений в воспитательно-профилактический процесс в рамках среднего профессионального образования.

Во-первых, следует регулярно привлекать студентов, склонных к проявлению девиантного поведения, к внеурочной воспитательной работе.

Во-вторых, целесообразно использовать систему наставничества по формуле «Студент–студент», так как это позволит организовать плодотворную совместную деятельность.

Считаем, что данные меры будут способствовать повышению эффективности профилактической работы в колледже, направленной на предотвращение совершения правонарушений студентами, а также проявлений иных видов девиантного поведения.

Заключение

Педагогическая профилактика включает в себя различные направления работы по предотвращению противоправного поведения

подростков. Профилактическая деятельность начинается с диагностических приемов и заканчивается мониторингом результатов проведенной работы. Она должна протекать регулярно и планомерно, иначе ее эффективность резко снижается. Особое место в профилактической деятельности средних профессиональных организаций занимают педагоги и педагоги-психологи, которые организуют совместную деятельность по общей профилактике и индивидуальной работе с проблемными студентами.

Список литературы

1. Калекин А. А. Концептуальные положения воспитания патриотизма у курсантов военного вуза на основе культурологического подхода // МНКО. 2018. № 5 (72). С. 97–99.
2. Хазова С. А., Гитман А. В. Особенности педагогической профилактики девиантного поведения подростков в семьях с разным материальным положением // Вестник Адыгейского государственного служащего университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2019. № 3 (243). С. 95–101.
3. Школяр Е. А., Шеломенцева Ю. Н. О реализации программы профилактики и коррекции асоциального поведения студентов техникума // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. № 1 (17). С. 102–106.
4. Кондрат Е. Н. Профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. 168 с.
5. Беспалова Г. А. Программа по формированию законопослушного поведения воспитанников «Твой выбор» // Работа социального педагога в школе и микрорайоне. 2014. № 3. С. 3–42.
6. Сукало А. А., Гудина Т. В. Роль социального педагога как субъекта профилактики отклоняющегося поведения подростков // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 240–254.
7. Александрова Е. А. Эволюция методов и приемов воспитания: 1917–2017 гг. // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 6. С. 7–11.
8. Казаева Е. А., Мишарин В. В. Реализация модели и условий профилактики девиантного поведения подростков средствами социально-культурной деятельности в дополнительном образовании // МНКО. 2018. № 5 (72). С. 91–97.
9. Давлетбаева З. К. Анализ результатов изучения проявления асоциального поведения у обучающихся в зависимости от особенностей социально-психологического типа личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. № 65. С. 27–34.
10. Бубнова И. С., Перке В. И. Социально-педагогическое сопровождение как средство профилактики девиантного поведения у подростков из многодетных семей // Педагогический ИМИДЖ. 2019. Т. 13, № 2 (43). С. 202–212. <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2019-13-2-202-212>

References

1. Kalekin A. A. Conceptual provisions for fostering patriotism in military university cadets based on a cultural approach. *MNKO* [MNKO], 2018, no. 5 (72), pp. 97–99 (in Russian).
2. Khazova S. A., Gitman A. V. Peculiarities of pedagogical prevention of deviant behavior of adolescents in families with different financial status. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Adyghe State Servant University. Series 3: Pedagogy and Psychology], 2019, no. 3 (243), pp. 95–101 (in Russian).
3. Shkolyar E. A., Shelomentseva Yu. N. On the implementation of the program for the prevention and correction of antisocial behavior of college students. *Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya* [Innovative Development of Professional Education], 2018, no. 1 (17), pp. 102–106 (in Russian).
4. Kondrat E. N. *Profilaktika delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnikh* [Prevention of Delinquent Behavior in Minors]. St. Petersburg, Publishing House of the Saint Petersburg State University; Publishing House of the Faculty of Law of the St. Petersburg State University, 2006. 168 p. (in Russian).
5. Bespalova G. A. Program for the formation of law-abiding behavior of pupils “Your Choice”. *Rabota sotsial'nogo pedagoga v shkole i mikrorayone* [Work of a Social Worker in a School and a Microdistrict], 2014, no. 3, pp. 3–42 (in Russian).
6. Sukalo A. A., Gudina T. V. The role of a social educator as a subject of prevention of deviant behavior of adolescents. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2019, no. 5 (92), pp. 240–254 (in Russian).
7. Aleksandrova E. A. Evolution of methods and techniques of education: 1917–2017. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2017, no. 6, pp. 7–11 (in Russian).
8. Kazayeva E. A., Misharin V. V. Implementation of the model and conditions for the prevention of deviant behavior of adolescents by means of socio-cultural activities in additional education. *MNKO* [MNKO], 2018, no. 5 (72), pp. 91–97 (in Russian).
9. Davletbayeva Z. K. Analysis of the results of studying the manifestation of antisocial behavior in students

depending on the characteristics of the socio-psychological personality type. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences], 2019, no. 65, pp. 27–34 (in Russian).

10. Bubnova I. S., Rerke V. I. Social and pedagogical support as a means of preventing deviant behavior in adolescents from large families. *Pedagogicheskiy IMIDZH* [Pedagogical IMAGE], 2019, vol. 13, no. 2 (43), pp. 202–212 (in Russian). <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2019-13-2-202-212>

Поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Article

Implementation of mobile-assisted language learning in the educational process

E. S. Voronina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Elizaveta S. Voronina, eelizaveta.voronina@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5900-4418>

Abstract: Introduction. Digitalisation is a process of transformation covering all spheres of society. The introduction of digital technologies significantly changes approaches to learning, opening new opportunities for building a flexible educational process. Mobile learning, as a form of digital education, plays an important role in this transformation, giving learners access to materials anytime and anywhere, making the educational process more accessible and adapted to the requirements of modern society. *The theoretical analysis* consists in examining the digitalisation of education in order to define the concept of mobility in the context of digital pedagogy, paying special attention to the concept of mobile-assisted language learning and its key components. The role of the teacher in the educational process is considered, which is done through the analysis of pedagogical behaviours in the classroom. *The empirical analysis* of the study consists of a pedagogical experiment based on the analysis conducted, which investigates the use of mobile blogging as a means of completing written foreign language assignments. *In conclusion*, the possibilities of adapting mobile language learning in different educational contexts are discussed and the prospects for effective integration of mobile blogging into the practice of foreign language teaching in higher education are positively evaluated.

Keywords: digital pedagogy, mobile-assisted language learning, mobile blogging, foreign languages, teaching methodology

For citation: Voronina E. S. Implementation of mobile-assisted language learning in the educational process. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 343–347 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-343-347>, EDN: AXXUNG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 811'243:[378:004]

Внедрение мобильных средств обучения иностранным языкам в учебный процесс

Е. С. Воронина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Воронина Елизавета Сергеевна, ассистент, eelizaveta.voronina@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5900-4418>,

Аннотация. Введение. Цифровизация представляет собой процесс трансформации, охватывающий все сферы жизни общества. Внедрение цифровых технологий существенно меняет подходы к обучению, открывая новые возможности для построения гибкого образовательного процесса. Мобильное обучение, как одна из форм цифрового образования, играет важную роль в этой трансформации, предоставляя обучающимся доступ к материалам в любое время и в любом месте, что делает образовательный процесс более доступным и адаптированным к требованиям современного общества. *Теоретический анализ* заключается в рассмотрении цифровизации образования с целью определения понятия «мобильность» в контексте цифровой педагогики, особое внимание концепции мобильного обучения языкам и ее ключевым компонентам (Mobile-assisted language learning). Рассматривается роль преподавателя в образовательном процессе, что осуществляется через анализ моделей педагогического поведения в рамках аудиторных занятий. *Эмпирический анализ.* Исследование состоит из проведения педагогического эксперимента, в ходе которого изучается использование мобильного блоггинга как средства выполнения письменных заданий по иностранному языку. *В заключении* рассматриваются возможности адаптации мобильного обучения иностранным языкам в различных образовательных контекстах, а также положительно оцениваются перспективы эффективной интеграции мобильного блоггинга в практику преподавания иностранных языков в системе высшего образования.

Ключевые слова: цифровая педагогика, мобильное обучение языку, мобильные блоги, иностранные языки, методика преподавания

Для цитирования: Voronina E. S. Implementation of mobile-assisted language learning in the educational process [Воронина Е. С. Внедрение мобильных средств обучения иностранным языкам в учебный процесс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 343–347. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-343-347>, EDN: AXXUNG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Introduction

Intensification of the educational process triggered by social challenges and the needs of the state pose new challenges for pedagogy.

Computerization of education is a key trend in Russia. Notably, accelerated by the COVID-19 pandemic, digital education is now a ubiquitous aspect of modern education, enhancing accessibility by enabling instant access to information worldwide [1].

Theoretical analysis

The integration of digital platforms in education creates new concepts, forming digital pedagogy, which employs various digital technologies to improve the education process [2]. Foreign researchers consider digital pedagogy not as a new medium but a part of the system of education, defining it as “the exploration of the optimal utilization of digital technologies in the realms of teaching and learning” where software and devices are the necessary medium [3]. Thus, “digital pedagogy” is more about digitalization of the learning process rather than pedagogy itself. However, the term of this educational process exists on its own, providing researchers with a completely new approach to rethinking pedagogy.

A. A. Skulkin describes digital pedagogy as a sphere within pedagogical understanding with the focus on integrating and establishing innovative educational norms that meet modern conditions. It involves development of the techniques for introducing these forms into educational practice while simultaneously improving the skills of teachers [4].

Numerous interpretations for this term exist. According to I. V. Sergeeva, the essence of digital pedagogy lies in utilization of digital tools through the critical pedagogy framework rather than in their straightforward application for learning [5]. The emergence of the concept of “digital pedagogy” is naturally consistent with government initiatives in education, exemplified by projects such as “Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation” [6]. Thus, the need to use electronic educational resources becomes obvious.

O. S. Kryukova believes that digital pedagogy is often associated with higher education, while online learning is employed both at universities and in secondary schools [7]. I. O. Petrushev em-

phasizes how digital pedagogy can simplify the work both for teachers and students, for example, by allowing students to complete their tasks at home and send them by e-mail [2].

Digital pedagogy facilitates learner’s mobility to access educational resources through wireless connections and portable devices. By the “mobility”, we understand learners’ accessibility to educational resources at their fingertips. This accessibility is a result of technological progress, as technologies are becoming increasingly widespread, even in the areas where traditional educational infrastructure is scarce [8]. As the modern technologies provide ubiquity and flexibility [9], we may speak about their mobility.

According to A. A. Skulkin, there are diverse resources of digital pedagogy, including online courses, educational platforms, digital libraries, and video conferencing tools [4].

The diversity of pedagogical tools is one of the advantages of digital pedagogy. This raises the question of the methodological justification of the use of certain resources in the context of the disciplines taught in higher education.

The demand for language learning applications has led to the emergence of mobile-assisted language learning (MALL) which was realized through portable electronic devices. At the beginning of the XXI century, the idea of introducing MALL into education which was widespread among western scientists, gradually found its way to the Russian science. Due to the creation of a methodological framework for distance and blended learning, there is a potential for the development of the MALL methodology for teaching foreign languages at different levels [10].

Thus, a number of models of mobile-assisted language learning were offered by various scholars. One of them is a generalized model of N. N. Kasatkina, which reveals five interrelated elements of using MALL in the educational process:

1. Language (as central and ever-changing component);
2. Personality-oriented component;
3. Technical component;
4. Pedagogical and organizational components;
5. Social component [11].

Y. V. Troshina and N. O. Verbitskaya created the following model of mobile learning which consists of four main blocks:

1. Educational component. As a system-forming element, based on the selection of material;

2. Organization of learning component. As a systemic component, which considers mobile learning as a part of the learning process that takes place both in the institution (offline) and outside the institution (online);

3. Communication component. The component which provides interaction and feedback;

4. Technical component. A resource component that creates technical conditions necessary for the learning process [12].

Thus, based on the described models, we can identify key components for successful MALL integration into foreign language classes:

1. Methodology-oriented aspect. The pedagogical component should remain the basis for the use of mobile-assisted language learning;

2. Technical accessibility. Mobile technologies must be user-friendly across various devices and software platforms;

3. Socio-communicative aspect. Learning should be targeted at a certain social group and meet its interests and needs.

Diverse models in MALL and the growing need for information technology competencies prove that MALL technology plays a valuable role in foreign language teaching in higher education.

F. Çakmak, based on the works of A. Kukulska-Hume [13] gives the following roles of the teacher when integrating MALL into classroom teaching:

1. Teacher-driven activity. This involves full control of the learner's activities by the teacher;

2. Teacher-set activity. It is based on teacher-set goals, objectives and intended outcomes, but the process and outcome depend on the ideas and initiative of the learners;

3. Autonomous activity. This role provides full freedom, self-regulated and informal learning based on the learner's personal interests [9].

F. Çakmak asserts that mobile language learning emerged from the broader framework of mobile learning. For instance "Digital Pedagogy" mobile learning is categorized as a method within the discipline [14]. Similarly, in A. V. Golubinskaya's eponymous manual, mobile learning is placed within the realm of online learning methodologies [15, p. 40].

Mobile-assisted language learning expands on mobile learning, offering flexible learning via mobile phones. These devices serve as portals to global networks, resources, and learning platforms. Teachers in higher education can integrate MALL into the established models, fostering the

hybrid approach that combines teacher-led activities with learner autonomy. Thus, we perceive mobile-assisted language learning as an educational digital tool employed by educators to complement foreign language teaching methodologies.

Empirical analysis

Given that we see digital pedagogy as one of the pedagogical tools. It is possible to assume that MALL, when used as we have just outlined, can be part of higher education.

J. Yang in his paper "Mobile Assisted Language Learning: Review of the Recent Applications of Emerging Mobile Technologies" suggests microblogging (mobile blogging) as one of its tools [16].

Considering the hybrid teacher role in MALL technology, balancing "teacher-set activity" and "autonomous" approaches, we expect students to use this technique.

Teachers at the Ural Federal University use the "New Language Leader" textbook for ESL students, incorporating tasks such as, for example, composing travel experience essays (Figure 1). The students were given the task to write posts about their own travels modeled on a simulated blog post in the textbook. To enhance the experience and simulate real-world blogging, the students were encouraged to use Blogger.com (Figure 2), a Google platform accessible via mobile devices. This platform offers various features like photo integration and text structuring, mimicking a genuine blogging experience (Figure 3). In addition to the creative and practical component, the learners can interact and comment on each other's posts using the comment feature of the platform. The group produces a thematic blog comprising the students' posts and comments, with feedback given in class.

Our experience of using mobile blogs is similar to the examples described in J. Yang's article, where researchers studied the effectiveness of audio blogs in language learning. From the teacher's perspective, H. Y. Hsu, S. K. Wang, and L. Comac conducted a series of experiments using audioblogs as a pedagogical tool for English classes. Students submitted assignments via audioblogs, which then were archived on a platform resembling an audioblog. These activities improved communication and facilitated performance assessment between instructors and students [17].

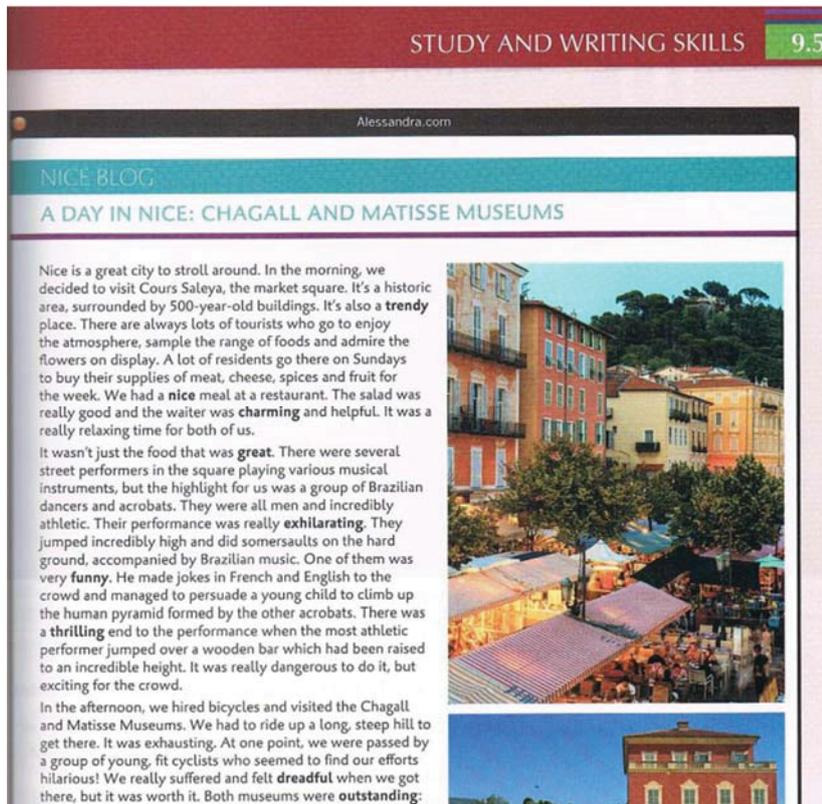

Fig. 1. Writing task example (color online)

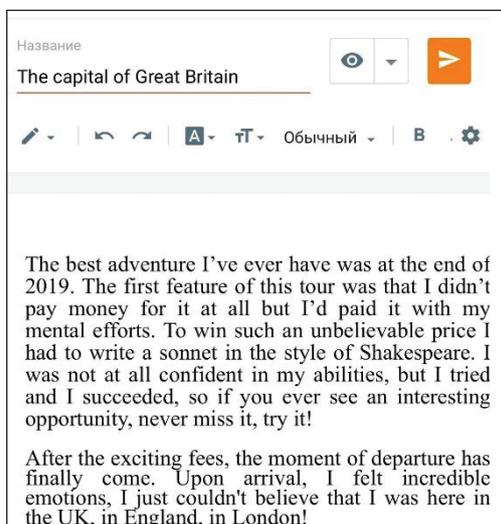

Fig. 2. Example of an essay

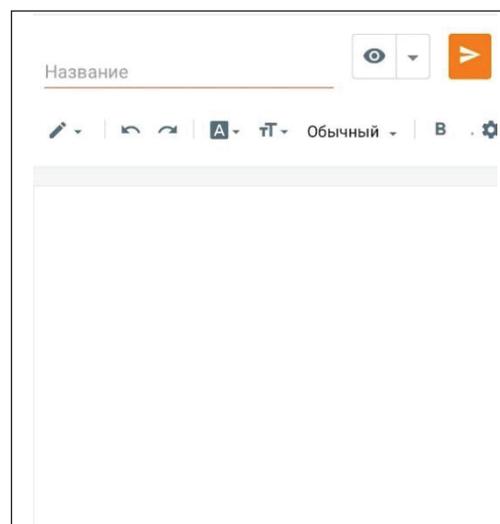

Fig. 3. Blogger.com interface

Results

The increasing digitization of higher education and widespread use of portable devices by learners suggest the potential for integrating mobile-assisted language learning into teaching languages for diverse specialists.

By now, pioneering research in this area has long evolved into more fundamental and widely recognized studies. The accessibility provided by learning tools, particularly mobile language learning, is undeniable. The wide range of options offered by electronic resources and devices in the educational process has the potential to introduce

something new into traditional classes. Ignoring existing digital pedagogy methods is unacceptable because integrating technological practices into the learning process can diversify it. Our experiment with a personal blog demonstrates the convenience and adaptability of any modern platform to educational needs, and support from mobile versions of websites enables learners to complete tasks anytime and anywhere.

References

1. Vasilev V., Sukhorukova M. Information Society and Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2004, no. 7, p. 122–129 (in Russian).
2. Petrushev I. O. Digital pedagogy as a factor in improving the quality of educational services in the Russian Federation. *MNCO*, 2019, no. 6 (79), pp. 339–341 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10147>
3. Istrate O. Digital Pedagogy. Definition and Conceptual Area. *Journal of Digital Pedagogy*, 2022, vol. 1, no. 3, pp. 3–10. <https://doi.org/10.61071/JDP.0313>
4. Skulkin A. A. Formation of digital educational space: Adaptation of digital pedagogy. *MNCO*, 2021, no. 1, pp. 62–67 (in Russian).
5. Sergeeva I. V. The digital educator in online education. *Nauchnye trudy Instituta nepreryvnogo professionalno-go obrazovaniya* [Scientific Proceedings of the Institute of Non-Permanent Professional Education], 2016, no. 6, pp. 117–122 (in Russian). EDN: VBUVUB
6. Ilaltdinova E. Yu., Belyaeva T. K., Lebedeva I. V. Digital pedagogy: Features of the term evolution in the categorical and conceptual apparatus of pedagogy. *PNIO*, 2019, no. 4 (40), pp. 33–43 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.3>
7. Kryukova O. S. Traditional and «digital» pedagogy in the modern educational space. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Development Trends and Prospects], 2018, no. 13, pt. 1, pp. 310–316 (in Russian).
8. West M., Vosloo S. *UNESCO policy guidelines for mobile learning*. Paris, UNESCO, 2013. 41 p. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219641> (accessed December 21, 2023).
9. Çakmak F. Mobile learning and mobile assisted language learning in focus. *Language and Technology*, 2015, vol. 1, iss. 1, pp. 30–48.
10. Titova S. V. Didactic problems of integrating mobile applications into the educational process. *Vestnik TGU* [Bulletin of Tomsk State University], 2016, no. 7–8 (159–160), pp. 7–14 (in Russian). [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8\(159/160\)-7-14](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2016-21-7/8(159/160)-7-14)
11. Kasatkina N. N. Models of mobile learning a foreign language. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 1, pp. 88–91 (in Russian).
12. Troshina Yu., Verbitskaya N. O. Mobile learning of a foreign language: Concept, functions, models. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 3 (in Russian). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20164c> (accessed December 21, 2023). EDN: TYSNRN
13. Kukulska-Hume A. Charting unknown territory: Models of participation in mobile language learning. *International Journal of Mobile Learning and Organisation*, 2010, vol. 4, no. 2, pp. 116–129. <https://doi.org/10.1504/IJMLO.2010.032632>
14. Solovova N. V., Sukhankina N. V., Dmitriev D. S. *Digital pedagogy: Technologies and methods*. Samara, Samara State University Publ., 2020. 128 p. (in Russian).
15. Golubinskaya V. A., Demareva V. A. *Tsifrovaya pedagogika* [Digital Pedagogy]. Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod State University Publ., 2021. 64 p. (in Russian).
16. Yang J. Mobile Assisted Language Learning: Review of the Recent Applications of Emerging Mobile Technologies. *English Language Teaching*, 2013, vol. 6, no. 7, pp. 19–23. <https://doi.org/10.5539/elt.v6n7p19>
17. Hsu H. Y., Wang S. K., Comac L. Using audioblogs to assist English-language learning: An investigation into student perception. *Computer Assisted Language Learning*, 2008, no. 21, pp. 181–198.

Поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 348–352

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 348–352

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-348-352>, EDN: BAQQQM

Научная статья

УДК [[7:37]+37.014](470+571)

Проблемы подготовки педагогических кадров в предметной области «Искусство» в свете реализации Концепции художественного образования в Российской Федерации

И. А. Королева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Королева Ирина Аркадиевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой музыкально-инструментальной подготовки, korolev-saratov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2603-4893>

Аннотация. Введение. В 2001 г. в России появилась Концепция художественного образования. Для понимания реальной ситуации общего образования в предметной области «Искусство» необходим анализ государственных документов и педагогической практики на предмет их соответствия. **Теоретический анализ.** Исторически сложившаяся система художественного образования в России имеет сложную многоступенчатую структуру. Особое место в ней занимает направление подготовки педагогических кадров в предметной области «Искусство» для общеобразовательных школ. **Эмпирический анализ.** Сопоставление современной ситуации подготовки студентов по направлению «Педагогическое образование» (профиль «Музыка») и проблем, обозначенных в Концепции преподавания учебного предмета «Искусство», приводит к пониманию зависимости решения части проблем от набора компетенций молодых специалистов, идущих работать в общеобразовательные организации. Сегодня существует объективное противоречие между традиционными формами и методами обучения искусству и отношением к нему молодого поколения, выросшего в условиях цифровой среды. Следовательно, подготовка кадров для преподавания искусства в школе, опирающаяся исключительно на традиции, мало эффективна. **Заключение.** Необходимо разработка новой концепции профессиональной подготовки педагогов для предметной области «Искусство», учитывающей реалии современности.

Ключевые слова: подготовка педагогических кадров, предметная область «Искусство», Концепция художественного образования, Концепция преподавания искусства

Для цитирования: Королева И. А. Проблемы подготовки педагогических кадров в предметной области «Искусство» в свете реализации Концепции художественного образования в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 348–352. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-348-352>, EDN: BAQQQM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of teacher training in the subject area “Art” in the light of the implementation of the Concept of art education in the Russian Federation

I. A. Koroleva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Koroleva, korolev-saratov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2603-4893>

Abstract. Introduction. In 2001, the Concept of Art Education appeared in Russia. To understand the real situation of general education in the subject area of “Art”, it is necessary to analyze state documents and pedagogical practice for their compliance. **Theoretical analysis.** The historically established system of art education in Russia has a complex multi-stage structure. A special place in it is occupied by the direction of training teachers in the subject area “Art” for comprehensive schools. **Empirical analysis.** A comparison of the current situation of training students in the field of “Pedagogical education” (profile “Music”) and the problems identified in the Concept of teaching the subject “Art” leads to the understanding of the dependence of solving some problems on the set of competencies of young professionals going to work in educational organizations. Today, there is an objective contradiction between traditional forms and methods of teaching art and the attitude to it of the younger generation, who grew up in a digital environment. Consequently, training for teaching art at school, based solely on tradition, is not very effective. **Conclusion.** It is necessary to develop a new concept of professional training of teachers for the subject area “Art”, taking into account the realities of modernity. **Keywords:** training of teaching staff, the subject area “Art”, the concept of art education, the concept of teaching art

For citation: Koroleva I. A. Problems of teacher training in the subject area "Art" in the light of the implementation of the Concept of art education in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 348–352 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-348-352>, EDN: BAQQQM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В самом начале XXI в. в связи с разного рода трудностями, переживаемыми российским обществом, в области культуры можно было наблюдать ряд следующих проблем:

невнимание в повседневной общественной практике к художественной культуре в целом и к ее эстетической составляющей в частности;

несерьезное отношение к дисциплинам художественно-эстетического цикла в общеобразовательных учреждениях;

значительное отдаление основной школы от высокой академической культуры, которая начала приобретать налет элитарности;

отрицание современной молодежью значения и культурной ценности академического искусства, носящее массовый характер;

недостаточная материально-техническая оснащенность художественного образования и нехватка кадров, владеющих компетенциями, соответствующими современным потребностям общества;

продвижение платных форм обучения в области искусства на фоне низкой материальной обеспеченности большей части людей, отсутствие возможности приобретения специальных материалов и инструментов, технических средств для осуществления данной учебной деятельности.

Анализ сложившейся ситуации привел к появлению в 2001 г. Концепции художественного образования в Российской Федерации, направленной на устранение имеющихся противоречий и назревших проблем [1].

Функционирование и развитие системы художественного образования сегодня невозможны без понимания того, в какой степени за предыдущие два десятилетия удалось достигнуть поставленных государством задач, а что еще предстоит сделать.

Теоретический анализ

Рассматривая художественное образование как непрерывный процесс развития личности, подразумевающий формирование особых навыков образного восприятия и отображения

окружающего мира, параллельно сопровождающийся совершенствованием творческого начала в человеке и развитием его эмоционального интеллекта, следует представить себе комплексную многоуровневую и многокомпонентную структуру его организации. В современной России имеют место различные формы организации образования в сфере культуры. В дошкольный период ребенок начинает знакомство с родной культурой через освоение детского фольклора, синкретичность которого способствует формированию эстетического отношения к окружающему миру в целом. Базовые сведения, на основе которых впоследствии будет складываться система знаний о художественной культуре, начальные практические навыки художественного творчества, дети получают в младшем звене основной школы. На следующем этапе решается задача овладения подростками языком искусства, благодаря чему приобретает возможность самостоятельно знакомиться с произведениями различных видов искусств и заниматься собственно художественной деятельностью. На этапе профессионального обучения в учреждениях среднего и высшего звена происходит осознание молодым поколением своей принадлежности к определенной национальной культуре, приходит понимание специфики ее художественных особенностей. В этот период, как правило, формируются и собственные художественные приоритеты, и вкусы [2].

В системе российского художественного образования присутствуют два крупных направления – профессиональное и общеразвивающее. Цель первого состоит в следующем:

выявление и развитие одаренных людей с раннего возраста;

создание условий для художественного и эстетического развития;

совершенствование собственного опыта творческой деятельности.

Основные целевые установки второго направлены на реализацию следующих мер:

формирование у молодого поколения культурной идентичности;

введение молодежи в круг духовной жизни Отечества с выдвиганием на первый план

морально-нравственных принципов и художественно-ценностных ориентаций российского социума;

развитие способности творческого освоения и преобразования мира.

Получившие профессиональное художественное образование транслируют и популяризируют культурные ценности своим современникам на высоком качественном уровне, ведут культурно-просветительскую работу среди граждан, способствуя расширению духовной составляющей их личности и обучая навыкам творческой деятельности, так необходимым сегодня в обществе. Поэтому представляется важным уделить особое внимание проблемам подготовки педагогических кадров в предметной области «Искусство» для средних общеобразовательных школ.

Эмпирический анализ

Факультет искусств Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского уже более полувека является одним из основных центров подготовки педагогических кадров в сфере художественного образования для Саратовской области и других регионов России. За это время сложилась обширная методическая база, применяемая в обучении студентов всех направлений подготовки. Однако последние два десятилетия наблюдаются разного рода противоречия между традициями преподавания искусства и происходящими научно-техническими и социальными изменениями.

В 2018 г. Министерство просвещения РФ опубликовало Концепцию преподавания учебного предмета «Искусство» [3]. При реализации основных образовательных программ высшего образования по педагогическим направлениям с художественным профилем необходимо руководствоваться данным документом. Рассмотрим нынешнюю ситуацию подготовки студентов в предметной области «Музыка», опираясь на опыт преподавания коллектива кафедры музыкально-инструментальной подготовки, с точки зрения Концепции, предложенной Министерством просвещения РФ.

В документе перечислен ряд проблем, на преодоление которых должны быть направлены усилия административно-преподавательских составов средних образовательных учреждений и вузов. Самой сложной, с точки зрения

их решения, можно назвать группу проблем мотивационного характера. По мнению разработчиков Концепции, в современном мире заметно изменились формы существования искусства, появились формы, предполагающие нелинейное восприятие произведения – цифровые, виртуальные, интерактивные. Возможности самореализации в таких формах творчества для детей школьного возраста значительно усложняются, что способствует снижению уровня их мотивации к освоению содержания учебных предметов в области искусства. Параллельно указывается на противоречие между эталонами современного искусства, к которым стремится нынешняя молодежь, и теми умениями и навыками, которые они могут приобрести, вовлекаясь в образовательные технологии традиционного, фундаментального содержания.

В учреждениях дополнительного образования гораздо чаще встречаются дети с высоким уровнем мотивации к занятиям художественным творчеством. Они составляют основной контингент учащихся, которые потом пойдут получать профессиональное художественное образование. Однако в эру социального интернет-пространства и всевозможных технических преимуществ даже у подготовленной в художественном плане молодежи сегодня наблюдается изменение отношения к процессу обучения в области искусства, а главное, к качеству конечного продукта творческой деятельности – художественному произведению. Мотивация к «погружению» в искусство, пониманию его устройства, закономерностей и традиционных культурных особенностей, к вложению личного времени, усилий и труда в творческий процесс пропадает, поскольку все можно «ускорить», «найти», «подправить» с помощью компьютера, навыками работы на котором молодое поколение владеет с детства. Данный феномен становится особенно очевидным в условиях существования индивидуальной траектории личностного и профессионального развития студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», профиль «Музыка».

Следующая из обозначенных в Концепции проблем связана с содержательной составляющей учебного процесса в школе. В Министерстве просвещения считают, что в преподавании предметной области «Искусство» на сегодняшний день не в полной мере используются возможности информационно-коммуникативных технологий, формы практической и проектной

деятельности, потенциал внеурочных занятий школьников и учреждений культуры, мало внимания уделяется этнокультурным и национальным особенностям региона, где находится учреждение.

В реальной же практике все не так однозначно. Многое зависит от местонахождения учреждения – в областном, районном центре или отдаленном селе. При опросе студентов заочной формы обучения, осваивающих направление «Педагогическое образование», профиль «Музыка» и работающих в детских образовательных учреждениях разного уровня, обнаруживается наличие проблем с сетью Интернет на периферии Саратовской области. Сразу исчезает возможность посещения виртуальных концертов или театральных постановок. С другой стороны, в нашей области имеет место практика выездов артистических коллективов Саратовской областной филармонии имени А. Г. Шнитке в районы губернии.

Есть проблемы и с организацией детских творческих коллективов в общеобразовательных учреждениях. Например, известно, что в нашем городе наблюдается острая нехватка руководителей детских хоровых коллективов, и это несмотря на то, что ежегодно в Саратове из учреждений профессионального образования разного уровня выходят молодые специалисты данного профиля. Почему выпускники игнорируют школы? Ответ на этот вопрос связан, видимо, уже с личностной и профессиональной мотивацией.

Что касается практической и проектной деятельности в области искусства в общеобразовательных школах, то первая в основном заключается в коллективном разучивании и пении на уроках музыки песен к различным календарным праздникам и подготовке докладов о композиторах или каких-либо музыкальных явлениях. На большее у педагога просто не хватает времени, имея час в неделю урока музыки и более 30 чел. детей в классе. Организация же общешкольных мероприятий не всегда осуществляется с участием преподавателя музыки. Здесь предпочтительно обращаются к цифровым технологиям. Проще и быстрее включить уже готовую запись, чем организовать коллективное выступление учащихся. Реализация в общеобразовательной школе форм проектной деятельности, как правило, не связана с областью искусства.

Факультет искусств ежегодно инициирует конкурсы проектной деятельности и научные конференции в области художественной куль-

туры для школьников («Музыкальный серфинг», «Путь к успеху» и др.). Однако самое активное участие в них принимают дети из учреждений дополнительного образования. Внутри самого вузовского учебного процесса форма проектной деятельности также активно используется. В учебные планы основных образовательных программ по всем направлениям и уровням включены дисциплины, предусматривающие практическую работу студентов по разработке, планированию и реализации культурно-просветительских проектов. Также обстоит дело и с изучением музыкальной культуры народов разных национальностей, проживающих на территории Саратовской области: многонациональный состав факультетского сообщества способствует диалогу национальных культур, мотивирует к погружению в особенности музыкального искусства разных народов.

Еще одна серьезная проблема, по мнению разработчиков Концепции, связана с методическим обеспечением учебного процесса в общеобразовательном учреждении. Современный взгляд на преподавание искусства предполагает сквозное модульное обучение школьников с возможностью реализации различных вариаций по выбору самой организации. Вот эта самая вариативность и не обеспечена ни учебными пособиями, ни методическими разработками.

В рабочих программах специальных дисциплин в рамках реализации направления «Педагогическое образование» с профилем «Музыка» на факультете искусств есть раздел, посвященный практическим вопросам преподавания в общеобразовательных школах. Так, например, в течение всего обучения по музыкально-инструментальной подготовке студенты собирают методическое портфолио, куда входят все освоенные за это время музыкальные произведения, а также разработки фрагментов уроков и беседы о музыке для детей. Нужно признать, что в рамках такого вида учебной деятельности далеко не всегда студентам удается найти интересные методические идеи и развить их до оформления целого урока или внеклассного мероприятия. Часто творческие задания вызывают у обучающихся затруднения, иногда приходится сталкиваться с формальным отношением к работе такого рода. Методическая составляющая педагогической профессии требует аналитической работы с большим объемом информации, как музыкальной, так и педагогической, и в список личностных приоритетов общей массы молодежи не входит.

Последняя проблема, обозначенная в Концепции, напрямую касающаяся вузов, – кадровое обеспечение преподавания предметной области «Искусство»: молодые специалисты не обладают в достаточной степени компетенциями, необходимыми для преподавания в поликультурной среде школы, не в полной мере используют информационно-коммуникационные технологии, современные методы, формы обучения и воспитания.

Находясь внутри вузовского процесса подготовки будущих педагогов музыки, пытаемся решить обозначенные вопросы. Выше были упомянуты некоторые обстоятельства, с которыми приходится сталкиваться педагогам высшей школы в области музыкального образования. В ежедневном учебном процессе их можно встретить еще больше. Сложившаяся ситуация требует изменений концептуального порядка. В первую очередь речь должна идти о создании нового имиджа музыкального образования, так как в наш век люди не могут отдавать слишком много своего личного времени для занятий искусством лишь для того, чтобы быть эстетически развитыми, как это было в предшествующие столетия [4]. Традиционные формы и методы музыкального образования и воспитания сильно «отстают» от стремительно меняющейся картины мира. Появилась необходимость изменить ситуацию, чтобы сохранить отрасль педагогики культуры вообще.

Заключение

Несмотря на представленную в государственных документах стратегию развития и функционирования системы художественного образования в России, образовательные учреждения разного уровня сегодня реализуют ее далеко не в полной мере. Связано это, прежде всего, с целым рядом противоречий между традиционной системой художественного образования и изменившимися под воздействием интернет-культуры и цифровых возможностей представлениями молодежи о художественном творчестве. Назрела острая необходимость в модернизации содержания высшего образования в области искусства и, возможно, создании новой концепции профессиональной подготовки педагогов для предметной области «Искусство», учитывающей реалии современности.

Поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

Список литературы

1. Концепция художественного образования в Российской Федерации. URL: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minkultury-RF-ot-28.12.2001-N-1403/> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Алексеева Л. Л., Быховская И. М., Кочеляева Н. А., Мартынова В. В., Олесина Е. П., Федорова Т. С., Школяр Л. В. Художественное образование в Российской Федерации: развитие творческого потенциала в XXI веке: аналитический доклад = Arts Education in the Russian Federation: Building Creative Capacities in the 21st Century: analytical report / отв. ред. К. Э. Разлогов. М. : ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ», 2011. 72 с.
3. Концепция преподавания учебного предмета «Искусство» // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (дата обращения: 26.01.2024).
4. Кирнарская Д. К. Новый имидж музыкального образования // Инфоурок. URL: <https://infourok.ru/dk-kirnarskaya-noviy-imidzh-muzikalnogo-obrazovaniya-3081445.html> (дата обращения: 05.04.2024).

References

1. *Kontseptsiya khudozhestvennogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii* (The concept of art education in the Russian Federation). Available at: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minkultury-RF-ot-28.12.2001-N-1403/> (accessed February 9, 2024).
2. Alekseyeva L. L., Bykhovskaya I. M., Kochelyaeva N. A., Martynova V. V., Olesina E. P., Fedorova T. S., Shkolyar L. V. *Khudozhestvennoe obrazovanie v Rossiyskoy Federatsii: razvitie tvorcheskogo potentsiala v XXI veke: analiticheskiy doklad* [K. E. Razlogov, ans. ed. Arts Education in the Russian Federation: Building Creative Capacities in the 21st Century: Analytical report]. Moscow, FGUP “Proizvodstvenno-izdatel’skiy kombinat VINITI”, 2011. 72 p.
3. The concept of teaching the subject “Art”. *Bank dokumentov Ministerstva prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii* (The Bank of documents of the Ministry of Education of the Russian Federation). Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (accessed January 26, 2024).
4. Kirnarskaya D. K. The new image of music education. *Infourok* (Infowork). Available at: <https://infourok.ru/dk-kirnarskaya-noviy-imidzh-muzikalnogo-obrazovaniya-3081445.html> (accessed April 5, 2024).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 353–358
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 353–358
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-353-358>, EDN: BDBWOI

Научная статья
УДК 37.064.2+37.091.3

Условия эффективной педагогической поддержки обучающихся в процессе их самоопределения в ситуациях активного и интерактивного обучения

О. В. Рогачева

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Рогачева Ольга Викторовна, ¹аспирант кафедры методологии образования, ²ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины), 766saratov.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5961-2576>

Аннотация. *Введение.* Тенденция к повышению роли самостоятельной учебной деятельности обучающихся актуализировало поиск и внедрение эффективных условий их педагогической поддержки в процессе использования педагогом активных и интерактивных методов обучения. *Теоретический анализ* исследований позволил заключить, что педагогическую поддержку необходимо рассматривать как создание педагогом определенных условий для самостоятельной работы обучающихся с целью формирования у них стимулов к самоопределению посредством выбора ими индивидуальных и(или) групповых образовательных траекторий. *Эмпирический анализ.* Для проверки предположения о том, что активные и интерактивные методы обучения обладают значительным потенциалом для педагогического обеспечения процесса самоопределения обучающихся, было проведено исследование, в котором участвовали студенты двух групп I курса СГМУ им. В. И. Разумовского (N = 20), в рамках преподавания учебной теоретической дисциплины. *Заключение.* Исследование позволило сделать вывод о том, что эффективными условиями педагогической поддержки являются: доверительное диалогическое взаимодействие педагогов и обучающихся, педагогическое консультирование обучающихся по их запросу, организация работы над групповым проектом с использованием активных и интерактивных методов группового учебного взаимодействия; предоставление возможности разработки и реализации индивидуальной образовательной траектории в рамках работы над групповым проектом.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, активные методы обучения, интерактивные методы обучения, самоопределение

Для цитирования: Рогачева О. В. Условия эффективной педагогической поддержки обучающихся в процессе их самоопределения в ситуациях активного и интерактивного обучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 353–358. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-353-358>, EDN: BDBWOI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conditions of effective pedagogical support of students in the process of their self-determination in situations of active and interactive learning

O. V. Rogacheva

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachiya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Rogacheva, 766saratov.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5961-2576>

Abstract. Introduction. The tendency to increase the role of independent learning activities of students has actualized the search and implementation of effective conditions for their pedagogical support in the process of using active and interactive teaching methods. *Theoretical analysis* of the research allowed us to conclude that pedagogical support should be considered as a teacher's creation of certain conditions for independent work of students in order to form incentives for self-determination through their choice of individual and/or group educational trajectories. *Empirical analysis.* To verify the assumption that active and interactive teaching methods have a significant potential for pedagogical support of the process of self-determination of students, a study was conducted with the participation of students of two groups of 1st year students of V. I. Razumovsky SSMU (N = 20), within the framework of teaching a theoretical discipline. *Conclusion.* The study allowed us to conclude that effective conditions of pedagogical support are: trusting dialogical interaction between teachers and students, pedagogical

consulting of students at their request, organization of work on a group project using active and interactive methods of group learning interaction; providing an opportunity to develop and implement an individual educational trajectory within the framework of work on a group project.

Keywords: pedagogical support, active teaching methods, interactive teaching methods, self-determination

For citation: Rogacheva O. V. Conditions of effective pedagogical support of students in the process of their self-determination in situations of active and interactive learning. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 353–358 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-353-358>, EDN: BDBWOI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Педагогическая поддержка обучающихся в ситуациях активного и интерактивного обучения – важная деятельность педагога в образовательном процессе, позволяющая создать условия для индивидуализации и формирования креативных возможностей личности.

Если ранее большинство исследователей придерживались мнения о том, что педагогически обеспечить самоопределение возможно только в процессе индивидуализации воспитания и обучения и тем самым влиять на становление субъектности растущего человека, то в последнее время становится все более очевидным: формировать способность к самоопределению необходимо в ситуациях сотрудничества, совместной деятельности обучающихся, так как параллельно и взаимообусловлено при этом формируется способность к продуктивному диалогу и работе в коллективе и, как результат, развивается личностный потенциал обучающихся. Так, самоопределение как сознательный выбор личностных позиций и целей в определенных обстоятельствах и условиях жизни исследовалось Е. А. Александровой [1], Д. А. Леонтьевым [2], А. В. Мудриком [3], Н. Н. Никитиной [4], С. Л. Рубинштейном [5] и другими учеными.

Во многих работах самоопределение рассматривалось как процесс и результат осознанного выбора обучающимися вариантов индивидуальных стратегий учебной деятельности, под которой мы понимаем сознательную форму активности обучающегося при целенаправленном усвоении всех видов «практических и научных знаний и деятельностей» [6] под непосредственным руководством педагога в условиях организованного и нормативно регулируемого обучения.

Для обеспечения педагогического сопровождения обучающихся в процессе их самоопределения педагога, опираясь на принципы вариативности и избыточности, должны в своей деятельности использовать разнообразие форм

и методов обучения, способствующие повышению мотивации обучающихся и их вовлеченности в процесс учения. В качестве таких методов выступают активные и интерактивные методы межгруппового учебного взаимодействия, сочетающиеся с практикой педагогической поддержки со стороны преподавателя.

В процессе обучения педагог может предлагать как основной один активный или интерактивный метод, так и комбинацию нескольких взаимодополняющих методов. Так, например, деловая игра или круглый стол (дискуссия), предполагающие межгрупповое взаимодействие и коллективное обсуждение учащимися проблемы, могут быть дополнены презентацией, подкастом, расширяющими объем необходимой информации.

Роль преподавателя в интерактивном обучении – создание условий для активного взаимодействия обучающихся. Важными составляющими успеха планируемых для применения в учебном процессе методов являются системность и соотношение выбранных методов к поставленным задачам. Для обоснования успешности применения активных и интерактивных методов необходимо обосновать условия осуществления педагогической поддержки в процессе обучения.

Теоретический анализ

Понятие «педагогическая поддержка» впервые употреблено в контексте воспитания и обучения школьников О. С. Газманом [7]. В дальнейшем оно развивалось в трудах его коллег и последователей, сторонников гуманистического подхода и теории педагогической поддержки (Е. А. Александрова, Н. В. Касицина, Н. Н. Михайлова, С. М. Юсфин и др.) [8].

Достаточно близки к этому понятию в педагогическом тезаурусе понятия «педагогическая помощь» и «педагогическое сопровождение». Причем, если «педагогическая помощь» как термин в ключевых словах по данным библиотеки e-library используется в 126 статьях, то

«педагогическая поддержка» – в 284 статьях и «педагогическое сопровождение» – в 749 статьях (данные на 26 апреля 2024 г.). В научной литературе достаточно часто возникают споры на предмет их соотношений и различий и следует констатировать, что на данный момент однозначного ответа на этот вопрос нет, он продолжает вызывать научный интерес, остается дискуссионным и подлежит дальнейшему изучению.

В качестве сравнения указанных понятий можно согласиться с Е. А. Александровой [9] в том, что педагогическое сопровождение отличается от педагогической поддержки степенью видимого вмешательства педагога в процесс индивидуализации обучающегося. Опираясь на мнение А. А. Архиповой [10], сопровождение и поддержку можно рассматривать как взаимопереходящие явления педагогической деятельности, причем поддержка, по мнению Е. А. Александровой, предваряет сопровождение.

Наиболее близким к применению для нас является объяснение феномена «педагогическая поддержка» Н. Н. Михайловой и С. Н. Юсфиным, которые подчеркивают, что педагогическая поддержка – это педагогическая деятельность, помогающая ребенку (обучающемуся) и направляющая без оказания давления на преодоление трудностей в процессе его саморазвития и индивидуализации [11].

Все авторы едины во мнении, что педагогическая поддержка как особый вид деятельности педагога ориентирована на формирование условий, способствующих саморазвитию, академической успешности обучающихся.

Учитывая сказанное, заметим, что применение для повышения академической успешности обучающихся активных и интерактивных методов – практика далеко не новая, зарекомендовавшая себя эффективной, чему есть множество подтверждений в научных трудах современных исследователей (В. Т. Еременко [12], А. А. Еромасова [13] и др.). Из их работ следует, что активные и интерактивные методы обучения – это обучение в деятельности и деятельностью, сопровождаемое и направляемое преподавателем.

В методологии нет четкого разграничения активных и интерактивных методов обучения. Например, деловые игры, тренинги, дискуссии относят как к активным, так и к интерактивным методам. Особенность интерактивного метода

обучения состоит в том, что взаимодействуют не только преподаватель и обучающиеся, но и все участники с доминированием активности учащихся в процессе обучения.

Учитывая семантическое сходство понятий «педагогическое сопровождение» и «педагогическая поддержка», а также то, что эти понятия взаимообусловлены, можно говорить о том, что педагогическая поддержка как особая деятельность педагога уместна в ситуациях активного и интерактивного обучения, предусматривающая выбор обучающимися индивидуальных образовательных траекторий.

На основании анализа научной педагогической и психологической литературы нами было выдвинуто предположение о том, что активные и интерактивные методы обучения обладают значительным потенциалом для педагогического обеспечения процесса самоопределения обучающихся посредством выбора ими индивидуальных образовательных траекторий при поддержке педагога.

Эмпирический анализ

Для проверки обозначенного предположения нами было проведено исследование, в котором участвовали студенты двух групп I курса СГМУ им. В. И. Разумовского (N = 20), в рамках преподавания учебной теоретической дисциплины.

Обучающимся предоставлялась возможность выбора и подготовки групповых проектов с использованием активных и интерактивных методов обучения с педагогической поддержкой преподавателя. Студенты самостоятельно выбирали тему и название проекта, определяли проблемные вопросы и выбирали методы межгруппового взаимодействия. Следует отметить, что названия проектов отражали пройденную в рамках дисциплины «История медицины» выбранную тему, которая, в свою очередь, указывалась в тематическом плане практических занятий: «Медицина в древней Киевской Руси», «Великие естественно научные открытия в анатомии», «Медицина Нового времени» и др. Это составило содержание организационно-мотивационного этапа педагогической поддержки, целью которого стало формирование интереса у обучающихся к участию в создании группового игрового проекта, чувства значимости и ответственности. Педагог побуждал обучающихся к взаимодействию и формированию общих

целей работы над проектом при удержании собственных интересов в рамках реализации индивидуальной образовательной траектории.

Анкетирование обучающихся по методике Т. Д. Дубовицкой «Методика диагностики направленности учебной мотивации» [14] позволило определить наличие учебной мотивации у студентов при изучении конкретной дисциплины, где показатель внешней мотивации наблюдался у 10% обучающихся, а показатель внутренней мотивации составлял 90%. Следует отметить, что внутренняя мотивация связана с ценностью и удовлетворением от самого процесса работы над проектами, внешняя мотивация в большей степени ориентирована на вознаграждение и положительную оценку.

На поисково-стимулирующем этапе педагог организовывал активное и интерактивное взаимодействие участников проекта в разнообразных игровых форматах, где в качестве игровых методов взаимодействия обучающиеся выбирали деловые игры, тематические викторины, квест-игры, кейс-игры, брейн-ринги, исторические «карусели», что показывает их осведомленность в области игровых методов, а также дает возможность развивать свои познавательные и исследовательские навыки.

Специфика рефлексивного этапа заключалась в том, что обучающиеся не только анализировали процесс и результат своей деятельности, но и обсуждали условия и факторы, способствовавшие продуктивной работе, либо, наоборот, создавали определенные риски. Достигнутые успехи вызывали у участников положительные эмоции успешности, оптимизма и формировали умение эффективного поведения в игровой учебной деятельности, по сути являющейся соревнованием, в процессе которого не только приобретаются новые знания и опыт, но и приходится порой терпеть неудачу.

Анализ содержания рефлексии и наблюдения за групповой работой позволил выявить условия, соблюдения которых делало педагогическую поддержку со стороны преподавателя востребованной студентами, следовательно, эффективной. Это: доверительные взаимоотношения субъектов образовательного процесса; диалогическое взаимодействие через обсуждение проблемных и спорных вопросов; консультирование преподавателем обучающихся исключительно по их запросу; организация преподавателем командной работы студентов над групповым проектом с использованием

активных и интерактивных методов группового учебного взаимодействия, в том числе игрового характера (проектно-исследовательская групповая работа); предоставление обучающимся возможности разработки и реализации индивидуальной образовательной траектории в рамках работы над групповым проектом: выбор темы исследования, методов и правил игрового учебного взаимодействия; распределение зон ответственности через самостоятельный выбор студентами собственных действий, что позволяет каждому из них внести свой вклад в создание проекта; поиск информации по выбранной теме проектного исследования, т.е. самостоятельная научно-исследовательская работа.

Результаты и их обсуждение. На основании изложенного следует сделать вывод о необходимости комплексного использования условий педагогической поддержки обучающихся для достижения наиболее высокого эффекта от применения активных и интерактивных методов обучения в процессе самостоятельной научно-исследовательской работы.

Педагогическая поддержка заключается в том, что педагог предоставляет обучающимся возможность выбора темы исследования, методов и правил игрового учебного взаимодействия; содержания собственной учебной деятельности в рамках создания группового проекта, консультируя их в случае наличия запроса и помогая проектировать индивидуальную и коллективную траекторию обучения. При этом крайне важно было педагогически обеспечить те элементы учебного занятия, во время которого обучающиеся могли совершить выбор как некий единичный акт «самоопределения». Несмотря на выполнение педагогом поддерживающей функции, в процессе взаимодействия были учтены равноправные позиции педагога и обучающихся. Мнения учащихся принимались, совместно обсуждались и при необходимости корректировались преподавателем, тем самым обеспечивая проектную деятельность и стимулируя ощущение уверенности в собственных силах у всех участников группового взаимодействия.

Сотрудничество и совместная работа над проектами, а затем игровое взаимодействие определяют процесс самоопределения обучающихся, стимулируют их способности, формируют чувство коллективной ответственности за общий результат деятельности. В результате обсуждения обучающиеся утверждали, что ра-

бота над проектами в группах с педагогической поддержкой преподавателя, а также межгрупповое взаимодействие с применением активных и интерактивных методов обучения была очень интересной и познавательной.

Заключение

Применение на занятиях активных и интерактивных методов обучения позволило определить эффективные и востребованные обучающимися условия педагогической поддержки со стороны преподавателя. К ним относятся доверительное диалогическое взаимодействие педагогов и обучающихся, педагогическое консультирование обучающихся по их запросу, организация работы над групповым проектом с использованием активных и интерактивных методов группового учебного взаимодействия; предоставление возможности разработки и реализации индивидуальной образовательной траектории в рамках работы над групповым проектом. Именно ситуации активного и интерактивного обучения позволяют наиболее полно и всесторонне реализовать успешные условия педагогической поддержки обучающихся при реализации ими индивидуальных и групповых образовательных траекторий, дают возможность в наибольшей степени проявлять самостоятельность и индивидуальность, что способствует их самоопределению и повышению внутренней мотивации студентов.

Список литературы

1. Александрова Е. А. Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников. М. : НИИ школьных технологий, 2010. 336 с.
2. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
3. Мудрик А. В. Воспитание как составная часть процесса социализации // Вестник ПСТГУ. Серия IV : Педагогика. Психология. 2008. № 3 (10). С. 7–24.
4. Никитина Н. Н. Становление культуры профессионально-личностного самоопределения учителя. М. : Прометей, 2002. 314 с.
5. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М. : Педагогика, 1973. 423 с.
6. Давыдов В. В., Маркова А. К., Ломпшер И. Формирование учебной деятельности школьников / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. 216 с.

7. Газман О. С. Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов. М. : Инноватор, 1995. 103 с.
8. Михайлова Н. Н., Юсфин С. М., Александрова Е. А. Педагогическая поддержка ребенка в образовании : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. В. А. Слостенина, И. А. Колесниковой. М. : Академия, 2006. 189 с.
9. Александрова Е. А. Педагогическая поддержка культурного самоопределения как составляющая педагогики Свободы. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2003. 199 с.
10. Архипова А. А. Социально-педагогическое сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей, в процессе социализации : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 187 с.
11. Михайлова Н. Н. Педагогическая поддержка становления ребенка // Современные направления психолого-педагогического сопровождения детства : материалы научно-практического семинара. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. 261 с.
12. Еременко В. Т. Применение активных и интерактивных методов обучения при организации образовательного процесса : учебно-методическое пособие для высшего профессионального образования. Орёл : Госуниверситет-УНПК, 2015. 50 с.
13. Еромасова А. А. Общая психология. Методы активного обучения : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 182 с.
14. Дубовицкая Т. Д. Методика диагностики направленности учебной мотивации // Психологическая наука и образование. 2002. № 2 (7). С. 42–45.

References

1. Aleksandrova E. A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie samoopredeleniya starshikh shkolnikov* [Pedagogical Support of High School Seniors' Self-Determination]. Moscow, NII Shkolnykh tekhnologiy Publ., 2010. 336 p. (in Russian).
2. Leontev D. A. Autoregulation, resources and personality potential. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2016, no. 62, pp. 18–37 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
3. Mudrik A. V. Education as an integral part of the process of socialization. *Vestnik pravoslav'nogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the orthodox St. Tikhon's university for the humanities. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2008, no. 3 (10), pp. 7–24 (in Russian).
4. Nikitina N. N. *Stanovlenie kul'tury` professional`no-lichnostnogo samoopredeleniya uchitelya* [Formation of the culture of professional and personal self-determination of a teacher]. Moscow, Prometheus, 2002. 314 p. (in Russian).
5. Rubinshteyn S. L. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Pedagogika, 1973. 423 p. (in Russian).

6. Davydov V. V., Markova A. K., Lompsher I. *Formirovanie uchebnoy deyatel'nosti shkol'nikov* [Davydov V. V., ed. Formation of Educational Activity of Schoolchildren]. Moscow, Pedagogika, 1982. 216 p. (in Russian).
7. Gazman O. S. *Novye tsennosti obrazovaniya: tezaurus dlya uchiteley i shkol'nykh psikhologov* [New Values of Education: A Thesaurus for Teachers and School Psychologists]. Moscow, Innovator, 1995. 103 p. (in Russian).
8. Mikhaylova N. N., Yusfin S. M., Aleksandrova E. A. *Pedagogicheskaya podderzhka rebenka v obrazovanii* [Slastenin V. A., Kolesnikova I. A., eds. Pedagogical Support of a Child in Education]. Moscow, Academy, 2006. 189 p. (in Russian).
9. Aleksandrova E. A. *Pedagogicheskaya podderzhka kul'turnogo samoopredeleniya kak sostavlyayushchaya pedagogiki Svobody* [Pedagogical Support of Cultural Self-determination as a Component of the Pedagogy of Freedom]. Saratov, Saratov State University Publ., 2003. 199 p. (in Russian).
10. Arkhipova A. A. *Socio-pedagogical support of children left without parental care in the process of socialization*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). St. Petersburg, 2005. 187 p. (in Russian).
11. Mikhaylova N. N. Pedagogical Supporting Child's SelfRecovery. In: *Sovremennye napravleniya psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya detstva: materialy nauchno-prakticheskogo seminara* [Modern Directions of Psychological and Pedagogical Supporting Childhood: Proceedings of the Scientific and Practical Seminar]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2015. 261 p. (in Russian).
12. Eremenko V. T. *Primenenie aktivnykh i interaktivnykh metodov obucheniya pri organizatsii obrazovatel'nogo protsessa* [Application of Active and Interactive Teaching Methods in the Organization of the Educational Process]. Oryol, State University – educational, scientific and production complex Publ., 2015. 50 p. (in Russian).
13. Eromasova A. A. *Obshchaya psikhologiya. Metody aktivnogo obucheniya* [General Psychology. Methods of Active Learning]. Moscow, Yurait, 2022. 182 p. (in Russian).
14. Dubovitskaya T. D. Methodology for diagnosing the orientation of educational motivation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2002, vol. 7, no. 2, pp. 42–45 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024;
принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 27.04.2024;
accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024

ISSN 1819-7671

24003

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024.
Том 24, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

